

MEDIA LAND

Эдвард Ртвеладзе

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ В БАКТРИИ И СОГДИАНЕ

Эдвард Ртвеладзе

**АЛЕКСАНДР
МАКЕДОНСКИЙ
в Бактрии и Согдиане**

*Academy of fine arts
of the Republic of Uzbekistan*

*Department of the history of arts
of the Research institute of fine arts*

Edvard Rtveladze

**ALEXANDER
THE GREAT
*in Bactria
and Soghd***

Historical and geographic sketches

Tashkent 2002

*Академия художеств
Республики Узбекистан*

*Отдел истории искусств
НИИ искусствознания*

Эдвард Ртвеладзе

**АЛЕКСАНДР
МАКЕДОНСКИЙ
*в Бактрии
и Согдиане***

*Историко-
географические
очерки*

Ташкент 2002

Bosh muharrir
Professor A. S. Sagdullaev

Editor-in-chief
Professor A. S. Sagdullaev

Ответственный редактор
профессор А. С. Сагдуллаев

Данная книга посвящена походу Александра Македонского в Бактрию и Согдиану в 329-327 гг. до н. э. В ней на основании сопоставления комплекса данных, предлагается более точная, чем прежде локализация различных местностей, упомянутых в античных письменных источниках, и, в связи с этим, уточнения направления походов Александра Македонского.

Книга рассчитана на историков, археологов, и всех интересующихся древней историей Узбекистана.

Содержание

От редактора

Начиная с XIX—начала XX вв. сведения греко-римских авторов о походах Александра Македонского широко использовались для освещения актуальных разделов исторической географии Средней Азии. Особенно в 70-80 гг. прошлого века анализ сведений античных источников о Средней Азии был поднят на качественно новый уровень¹. Однако даже глубокое источниковедческое исследование в отрыве от археологической информации едва ли может достаточно полно осветить некоторые важные аспекты исторического процесса, и обобщение письменных данных, применительно к отдельным проблемам, становится хрестоматийным и часто не документированным новыми археологическими открытиями.

Археологические материалы, полученные на землях древней Бактрии и Согдианы, дали возможность исследователям охарактеризовать ряд проблем весьма скудно освещенных в письменных источниках. Это позволило, анализируя некоторые вопросы, связанные с походом Александра Македонского в Согдиану, проследить возможные пути движения греко-македонской армии в Среднеазиатское междуречье, локализацию отдельных мест, событий, древних переправ через Окс и др. К данной проблематике не раз обращался в своих работах академик Э. В. Ртвеладзе — автор новой книги о походе Александра Македонского в Бактрию и Согдиану.

Предлагаемая вниманию читателей книга ценна тем, что в ней данные письменных источников сопоставлены с результатами новейших археологических открытий, в которых Э. В. Ртвеладзе принимал самое активное участие. В течение многих лет он изучал древние пути, по которым некогда через степи и горные ущелья шла армия Александра Македонского от Окса до Яксарта. На этих путях все еще высятся оплывшие стены многочисленных бактрийских и согдийских крепостей, разрушенных войнами и временем. Многие предшественники Э. В. Ртвеладзе — авторы трудов по истории Александра Македонского, в силу объективных причин, никогда не были на территории древней Бактрии и Согдианы. Поэтому они не имели достаточно полных представлений о географии долины Сурхана, Кашкадарьи и Зарафшана, где происходили реальные события, связанные с походом греко-македонцев в Бактрию и Согдиану.

Э. В. Ртвеладзе, рассматривая вопрос о переправе через Окс, маршрут движения армии Александра от Окса к Мараканде и Танаису (Яксарту), проблему локализации Наутаки, Ксенишпы, Газабы и других областей, а также горных укреплений бактрийских и согдийских аристократов, проявляет большое внимание данным историографии, выводам ряда поколений ученых. И если автор книги не соглашается с заключением своих предшественников, он подкрепляет конкретную точку зрения интерпретацией археологических источников. Естественно, что в работе, посвященной столь сложной тематике, трудно было избежать отдельных спорных положений. Рассмотрим некоторые из них.

Э. В. Ртвеладзе считает, что Бесс был пленен в Узункыре или в топографически связанном с ним Сангиртепа. В источниках указывается, что Бесс был захвачен в небольшом селе-

нии, окруженном стенами с воротами. Узункыр достигает в площади 70 га.

Греко-македонцы на своем пути от Гиндукуша до Мараканды встретили сравнительно немного укрепленных городов с цитаделями (Адраспа, Аорц, Бактра и Мараканда) или крупных центров, крепостей-убежищ типа Узункыра, Коктепа² и Еркургана. Все это, видимо, позволяло античным историкам относить аналогичные пункты в разряд «царских» или столичных центров³. На фоне многочисленных небольших селений эти центры уже по внешним признакам (обширная площадь наличие двух линий оборонительных стен — внешних и внутренней фортификации, окружавшей основную жилую часть или цитадель) действительно могли выступать как «царские» — столичные. По указанным данным Узункыр значительно отличается от небольшого селения, где Птолемей захватил Бесса. Однако, такие селения квадратной, округлой и подтреугольной планировки, окруженные земляным валом оборонительных стен одним въездом, общей площадью от 0,5 до 2 га (Курганча, Самантепа, Туртбурчак), известны в предгорьях Яккабагского хребта⁴, и, видимо, именно этот тип поселений области Наутака был охарактеризован Аррианом, как «селение, укрепленное стеной с воротами» (Арриан, III, 30, 1, 2.). Скорее всего, в одном из них и был пленен Бесс. В принципе, автор книги прав в том, что Бесс был пленен в восточной, предгорной части долины Кашкадарьи.

Э. В. Ртвеладзе раскрывает содержание названия Наутака как «новая область», «новая земля». Другие исследователи полагают, что древнесогдийский термин «наутака» означает «новое селение», и в данном случае можно согласиться с М. Е. Массоном, который считал, что происхождение этого слова связано с более или менее солидным сооружением, что «така» имеет также значение «мощь», «могущество», «сила»⁵. В таком случае название «Наутака» могло быть связано со строительством огромной крепости Узункыр, укрепленной мощными оборонительными стенами. Это название не только города, но и обширной области расселения согдийцев от Урадарьи до Зарафшанского хребта, ориентировочно прослеживаются по районированию поселений VII — IV вв. до н. э.

В более раннее время эта область, видимо, имела название Гава Сугда, которое приводит Яшты⁶ в значении «согдийское селение» (ср. Наутака — «новое селение»). Интересно, что термин «Гава» («Гау») широко распространен в Китабо-Шахри-

сызбском и Яккабагском оазисах, а также в близлежащих горах. Это названия современных селений, археологических памятников и географические понятия Гавдара, Гавтепа, Гаухана, Гавмард, Гавмурда, Гавмардтепа, горы и пик Гау⁷. То же самое можно сказать о названиях Наутака и Наукат, которые сохранились в указанных районах до настоящего времени. В частности одно из современных селений, расположенное в 4 км к юго-востоку от городища Узункыр имеет название Наукат («новый дом», «новое селение»).

Несколько ранее, рассматривая вопрос о локализации города Бранхидов, Э. В. Ртвеладзе связывал его с крепостью Талашкан. В настоящей книге, ссылаясь на отсутствие на Талашкане сплошной внутренней застройки, а также находок предметов эллинистической культуры, автор считает, что город Бранхидов располагался на месте городища Еркурган в низовьях Кашкадарьи — области Ксениппа. Однако Ксениппа на первом этапе похода греко-македонцев в Согдиану в письменных источниках не упоминается, поэтому город Бранхидов, видимо, не может быть связан с Еркурганом — столичным центром области Ксениппа. Обратимся к данным письменных источников.

На первом этапе похода, весной 329 г. до н. э., согласно Арриану, войска Александра Македонского совершали переход от Окса в «согдийскую землю» Наутаку и город Мараканду (Арриан, III, 29, 7, III, 30, 6). Квинт Курций Руф пишет, что армия Александра, перейдя Окс и захватив некий городок Бранхидов, направилась к Танаису, т. е. Сырдарье (Курций, кн. VII, V, 19, 28, 36). На этом пути в одном из районов до Мараканды, дорога проходила по предгорной местности и, как сообщает Курций Руф, на македонцев, «выступивших из строя для сбора фуража, напали варвары, спустившиеся с соседних гор» (Курций, кн. VII, VI, 1), и якобы от этого места на четвертый день македонцы дошли до Мараканды.

Если считать, что дневной переход составлял около 30 км, то за три дня и начало четвертого можно пройти около 100 км. Это, например, равно пути от современного селения Яккабаг до Самарканда через перевал Тахтакарача. Учитывая, что до перевала по предгорной местности проходит только эта дорога, то, видимо, именно по ней и шла армия Александра Македонского в Мараканду⁸.

В обратном направлении от предгорий Яккабага до Амударьи по древней дороге через Железные ворота и Дербент около

200-160 км, в зависимости от концентрации древних поселений в отдельных районах области Наутака. Э. В. Ртвеладзе справедливо считает, что армия Александра Македонского переправилась через Окс у Шуроба или Чушка Гузара, расположенных в 30-50 км к западу от Термеза. В таком случае авангард Птолемея Лага мог начать путь в Наутаку, с целью пленения Бесса, по долине Шерабадарьи, а затем через ущелья Кичик и Каттаурадарьи пройти в предгорья Яккабагского хребта.

Основные силы македонской армии, скорее всего, шли по следу передового отряда, что было гораздо безопасней, чем выбирать новые, неизведанные маршруты движения. К тому же авангард, в случае нападения превосходящего по численности противника, всегда мог рассчитывать на скорую помощь армии. Надо полагать, что в древности наиболее используемыми были пути, богатые водными источниками и провиантом. Учитывая данные Курция Руфа о маршруте движения армии Александра Македонского в Мараканду: Бактры — Окс — городок Бранхидов — предгорная местность (место нападения на македонцев согдийцев, которые стреляли из пращей и луков), а также маршрут армии по Арриану, можно сделать вывод, что в начале Согдийского похода в область низовий Кашкадарьи (Ксениппа) оставалась не завоеванной греко-македонцами, так как движение армии Александра Македонского проходило в одностороннем направлении: Окс — Наутака — Мараканда. И лишь на втором этапе военной кампании греко-македонцев Александр прибыл в Мараканду из Кирополя, затем двинулся в Ксениппу — область, граничившую со степными и пустынными районами (Курций, VIII, 2, 14-19).

Первоначальная гипотеза Э. В. Ртвеладзе о том, что город Бранхидов находился недалеко от Амударьи в долине Сурхана, все же является более убедительной. И если это не Талашкан, то, возможно, Джандавляттена или другое поселение Приамударьинского района.

Обратим также внимание на то, что в Ахеменидской державе Бактрия как бы являлась традиционным местом ссылки. Так, персидский царь Ксеркс отправил в Бактры в качестве наместников своих братьев (подальше от царского трона) — вначале Аризмена, затем Масиста, причем последний пытался поднять здесь мятеж против царя (Геродот, кн. IX, 113). В V в до н. э. из Северной Африки в Бактрию были переселены жители селения Барки (Геродот, кн. IV, 24).

Когда потомки Бранхидов встретились с Александром Македонским, то это было уже новое «бактрийское» поколение греков. Прошло почти 150 лет, поэтому они практически забыли свой родной язык и, учитывая неизбежный процесс этнокультурной ассимиляции, едва ли могли достаточно полно традиции эллинской культуры. Возможно поэтому и не найдены на поселениях долины Сурхана предметов, некогда изготовленных здесь в милетском стиле.

В свое время мы с Э. Хакимовым считали, что на Кызылтапа жизнь прекратилась в результате перемещения орошаемых площадей и переселения местных земледельцев к основному руслу Сурхана. Ныне мы согласны с Э. В. Ртвеладзе, что это было следствием подавления антимакедонского восстания бактрийцев под руководством Катапа и Австана. Археологически установлено, что в IV в. до н. э. многие древнебактрийские поселения и дома-усадебны в долине Сурхана были разрушены и преданы огню.

Открытие Коктепа, расположенного к северу от Афрасиаба — Марканды, позволяет уточнить вопрос о второй столице Согдианы или «царском городе» — «басилеи», с которым, видимо, надо связывать именно Коктепа. Применительно к данной теме весьма важным является факт открытия археологами на территории Согда таких крупных центров, как Узункыр, Коктепа и Еркурган, которые на примере «басилеи» Арриана, хотя и недостаточно ясно, могли быть упомянуты в письменных источниках.

В заключение обратим внимание на вопрос о названии Бухарского оазиса в период походов Александра Македонского. В бухарском оазисе выявлено несколько поселений V-IV вв. до н. э., в том числе и на месте Бухары⁹. В свое время мы допускали, что именно здесь располагалось согдийское укрепление Баги¹⁰. Скорее всего это и название всей области, охарактеризованное Аррианом, как «неприступное место на границе между согдийской землей и скифами-массагетами» (Арриан IV, 17, 4). Как область, пограничная с районами расселения кочевников описывается и Ксениппа. Географические условия низовий Зарафшана и Кашкадарьи, окруженных пустыней и степями, которые служили в древности зоной расселения кочевых племен во многом совпадают с приведенными данными Арриана.

Дискуссионность некоторых положений не уменьшает значение книги, а наоборот это свидетельствует о важности затронутых проблем, о необходимости проведения новых исследований. Книга Э. В. Ртвеладзе содержит большое количество хорошо аргу-

ментированных положений и написана доступным для широкого читателя языком. Она несомненно принесет пользу как специалистам, так и всем, кто интересуется проблемами древней истории.

А. С. Сагдуллаев

Примечания:

¹ Bernard P., Francfort H. — P. *Études de géographie historique sur la plaine d'Ai Khanoum (Afghanistan)*. Paris, 1978;

Пьянков И. В. *Средняя Азия в античной географической традиции (источниковедческий анализ)*. Автореф. Дис. докт. ист. наук. Л., 1984.

² Исамиддинов М., Рапен К. *К стратиграфии городища Коктепа* // ИМКУ, 30, Самарканд, 1999.

³ Сагдуллаев А. С. *К вопросу о второй столице Согдианы*. // СА, 1988, 4.

⁴ Сагдуллаев А. С. *Поселения раннежелезного века в бассейне кашкадарьи* // СА, 1984, 3.

⁵ Массон М. Е. *Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен*. Ташкент, Фан, 1973, С. 9.

⁶ Яшты. Гл. X. Перевод С. П. Виноградовой. В кн.: *Хрестоматия по истории Древнего Востока. Часть 2*, М., 1980, С. 66.

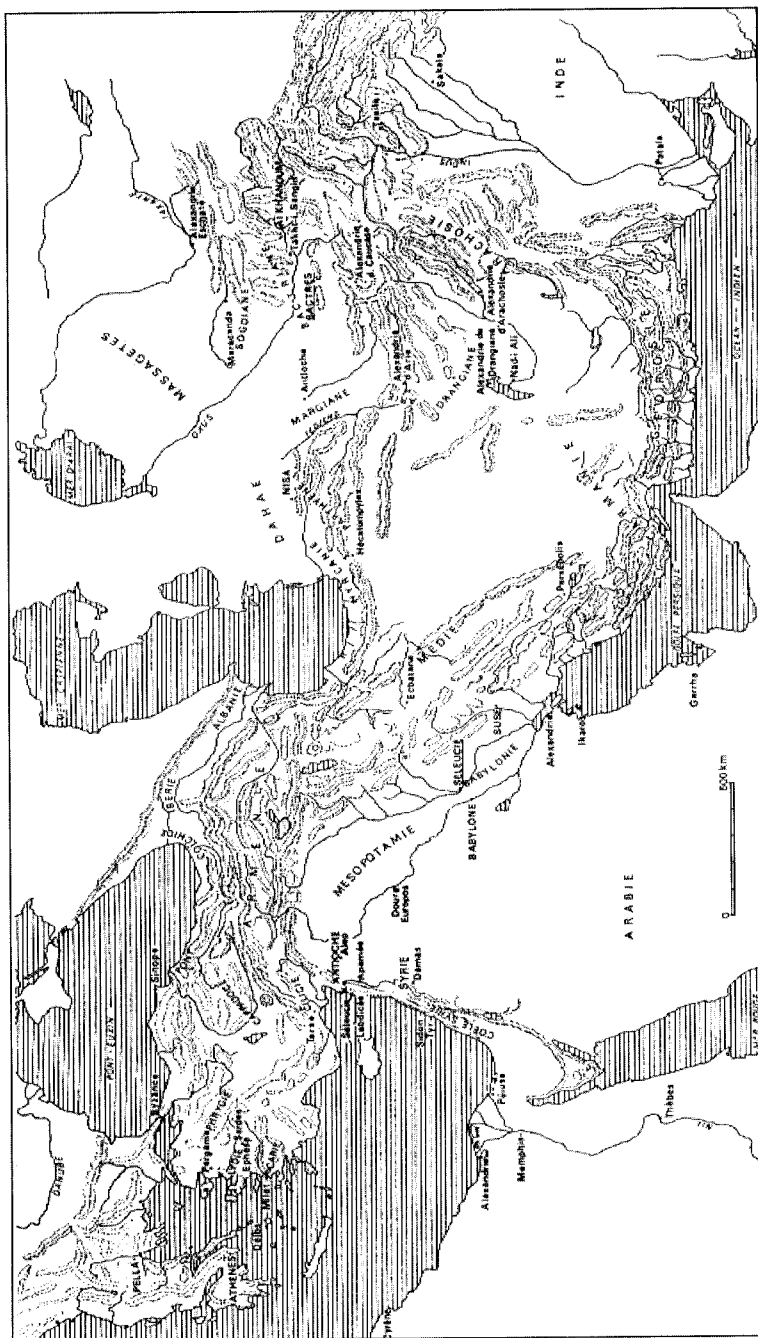
⁷ Қадимги Кеш-Шахрисабз тарихидан лавҳалар. Тошкент, Шарқ, 1998, С. 10.

⁸ О другом маршруте похода греко-македонцев из Бактры в Мараканду см.: Пьянков И. В. *Мараканды* // ВДИ, 1970, 1, С. 36.

⁹ Мухаммаджонов А. Р., Валшев П. С. *О работах Бухарского отряда* // АО-1976, М., 1977;

Ахраров И., Усманова З. И. *Новые данные к истории Бухары* // *История и археология Средней Азии*. Ашхабад, 1978.

¹⁰ Сагдуллаев А. С. *К вопросу о второй столице*, С. 229.

Государство Александра Македонского.

*Лидии Ртвеладзе
посвящаю*

ВВЕДЕНИЕ

Поход Александра Македонского на Восток, в том числе в Трансоксиану — Среднеазиатское Двуречье — один из величайших эпизодов мировой истории, поворотный момент во взаимоотношениях Востока и Запада. Александр Македонский подвигнутый в этот поход идеей отмщения персам за поругание эллинских святынь и освобождения от их ига своих малоазийских соотечественников, вдохновителем которого был Исократ и его учитель Аристотель, в ходе своего многолетнего похода начинает проводить иную политику — политику сближения с Востоком. Эта идея созревала у него давно, начиная, вероятно, с египетского похода. Но именно в Средней Азии, в Байсунских горах, у знаменитых Железных ворот она обрела практическое воплощение в женитьбе Александра на дочери бактрийского аристократа Оксиарта-Вахшувара — Роксане.

Походу Александра Македонского в Среднюю Азию посвящено немало трудов, начиная с XIX в., когда в Европе, а затем в России, появляются первые работы, посвященные этой проблеме¹. Историография ее заслуживает отдельного исследования и не входит в задачу нашей книги. Все же позволю себе ряд замечаний.

Существенным недостатком европейской историографии прошлого, да и современной, является то обстоятельство, что они опирались только на сведения письменных источников, описания путешественников и данные географических карт, зачастую устаревших. Сами западные исследователи места походов Александра Македонского в Среднюю Азию никогда не посещали и не были знакомы с реальной географией областей, по которым проходили войска Александра. Исключение составляет, пожалуй, только Ф. Шварц — автор большой работы на немецком языке², живший в Туркестане и проводивший астрономические наблюдения в экспедиции Н. А. Масва.

Другим существенным недостатком западной историографии является поверхностное знакомство, а порой и просто игнорирование достижений среднеазиатской археологии (как в части открытий, так и публикаций) в изучении археологических памятников ахеменидского периода и его финального этапа, т. е. времени похода Александра Македонского³.

Между тем эти достижения весьма значительны и именно они позволяют уточнить как направления маршрутов похода, так и те области и пункты, которые упоминаются в письменных источниках.

Начиная с шестидесятых и, особенно, в семидесятых годах XX века в различных историко-географических регионах юга Средней Азии были открыты и частично исследованы десятки и сотни археологических памятников VI–IV вв. до н. э.⁴ Особенно много их было открыто в Согдиане и в Северной Бактрии, что в 1975 г. позволило дать первичную характеристику их топографии и географии размещения⁵, а затем впервые привлечь археологические данные для более конкретной и реальной локализации упомянутых при описании походов Александра Македонского греко-римскими авторами населенных пунктов и областей⁶.

Я начал заниматься изучением этой проблемы в 1966 г., когда мы вместе с моим учителем профессором М. Е. Массоном в невероятно жаркий июньский день совершили маршрут к югу от Карши по направлению к Келифу для проверки веро-

ятности одного из маршрутов армии Александра Македонского. Затем в течение более тридцати лет пешком, на машине и верхом на лошади мною были пройдены фактически все древние и средневековые дороги от Сырдарьи (Яксарт) на севере до Амударьи (Окс) на юге, от Бухары на западе до Ходжента на востоке. Особенно много маршрутов было совершено мною в Южном Согде и Северной Бактрии, в горах Гиссара и Баба-тага, в долинах крупных и мелких рек. Последний из этих маршрутов «по следам Александра Македонского» был совершен мною вместе с японским исследователем — фотографом Омурасаи, а так же с фотографами Д. Михайловым, А. Шелепиным, Н. Утарбековым, которым принадлежат почти все фотографии в этой книге, когда в сентябре 2000 г. мы проехали по всем дорогам Центрального и Южного Узбекистана, где могла проходить армия Александра Македонского.

В результате этих многолетних исследований был сформулирован мой метод исследования исторической географии, приложенный, в частности, к изучению маршрутов похода Александра Македонского. Он базируется на всестороннем комплексном исследовании всех видов источников, включающем:

- 1. Внимательное прочтение письменных источников и доскональная выборка всех сведений вплоть до «мелочей», относящихся к той или иной научной проблеме. Сличение русского перевода, особенно по части терминологии, с языком оригинала.*
- 2. Тщательное изучение истории вопроса или проблемы, при анализе выводов и наблюдений предшествующих исследователей.*
- 3. Изучение данных путешественников и разведчиков XIX - нач. XX в. по публикациям и архивным документам, содержащим важные сведения о системе дорог и караванных троп, пролегавших по Восточной Бухаре и о переправах, сейчас забытых, через Амударью. Именно эти пути сообщения, а не созданные в XX веке, пролегали здесь в древности и средневековье.*
- 4. Отбор топонимов, этнонимов и гидронимов по картам, литературным источникам и непосредственному опросу старожилов и сличению их с таковы-*

ми в письменных источниках, показывающих в некоторых случаях их идентичность.

5. Анализ сведений географического, ботанического, геологического порядка, содержащихся в письменных источниках и сличение их с данными современной науки и реальной географии той или иной местности.

6. Использование данных археологических раскопок для выявления времени обживания того или иного поселения, а также времени функционирования древних дорог.

7. Широкомасштабные археологические рекогносцировки местности, что дает всестороннее представление о степени ее обживания и густоте заселения в хронологическом и территориальном отношении.

Именно этот комплексный метод был использован мною при локализации упомянутых в письменных источниках населенных пунктов, областей и местностей времени похода Александра Македонского.

Отсюда вытекает и цель нашей книги, которая состоит в воссоздании исторической географии Северной Бактрии и Согдианы второй половины IV в. до н. э. и в связи с этим — направления и последовательности походов Александра Македонского в этих областях.

Эти сведения письменных источников, учитывая их уникальность, при правильной интерпретации на базе описанного выше метода, приобретают значение важнейшего источника для решения многих значимых вопросов истории Среднеазиатского Двуречья.

Археологические исследования не только подтверждают сведения письменных источников о достаточно высоком развитии этого региона в ахеменидский период, но и дополняют их множеством ранее неизвестных фактов.

В частности, степень обживаемости территории в Северной Бактрии и Южном Согде была достаточно велика. Так, только в Сурхандарьинской области Узбекистана — части Северной Бактрии уже зафиксировано около тридцати крупных и мелких поселений этого периода.

Они располагались в долинах крупных рек и мелких горных саев, концентрируясь в оазисах обычно с доминирующим хорошо укрепленным центральным поселением. Среди них имелись крупные (Мараканда, Коктепа, Узункыр) и небольшие города (Кызылтена), имеющие четко выраженную трехчастную или четырехчастную структуру (цитадель, собственно город, пригород и сельская округа), в которой как показывает топография Кызылтена, находились достаточно большие хорошо укрепленные усадьбы аристократов⁷.

Имелись и разнообразного типа селения с разнотипными жилищами от простых жилищ общинников полусельского типа до монументальных сооружений из крупноформатного сырцового кирпича и пахсы.

Так, в Северной Бактрии Ш. Б. Шайдуллаев выделяет шесть типов поселений VI-V вв. до н. э.: город, состоящий из нескольких частей, окруженных мощными стенами; поселение с цитаделью; поселение без цитадели; усадьбы; крепости; здания специального назначения⁸. В Южном Согде, по данным А. С. Сагдуллаева и О. Н. Лушненко, существовали следующие типы поселений: отдельная крепость — цитадель, укрепленная двумя рядами стен; крупные крепости, выполнявшие функции военного убежища для населения сельскохозяйственной округи; крепости с земляным валом, незастроенные внутри; крупные рассредоточенные поселения с отдельными жилищами; сельские дома-усадьбы⁹.

Особое место в системе этих поселений занимали крепости с мощной фортификацией, включающей крепостные стены с башнями и бойницами, широкие и глубокие рвы. Они контролировали дороги, места распределения воды и речные переправы.

О степени экономической значимости Средней Азии в системе ахеменидского царства свидетельствует сумма налогов, взимаемых с сатрапий этого региона, в том числе с Бактрии и Согды, в совокупности равная 970 талантов или около 2300 кг серебра. Очевидно, по общей сумме собранного налога сатрапии Средней Азии занимали одно из ведущих мест в ахеменидском царстве, уступая лишь Месопотамии — 1000 талантов и Малой Азии — более 1000 талантов. (Геродот. III, 93).

Таким образом, свой поход Александр Великий совершил не в ту часть мира, которая согласно выводу В. В. Тарпа¹⁰, широко распространенному у западных ученых, почти не знала городов, за исключением ахеменидских крепостей, а в высокоразвитую, густо заселенную страну с разнотипными поселениями.

Примечания:

¹ *Историографию этой проблемы см.: История таджикского народа. т. I, М., 1963. С. 236-275 (раздел написан Литвинским Б. А.);*

Гафуров Б. Г. Цибукидис Д. И. Александр Македонский и Восток. М., 1980;

Они же. Древняя Греция и Восток. М., 1981. С. 149-166;

Хлопин И. Н. Историческая география Южных областей Средней Азии. Ашхабад, 1983;

Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979;

Пичикян И. Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический период. М., 1991.

Библиография зарубежных исследований см.: Frank L. Holt. Alexander the Great in Bactria. Leiden-New York-Kobenhaven-Koln. 1989. P. 104-110.

² *Первое издание его книги осуществлено в Мюнхене, в 1893 г.; второе издание – Schwarz F. Alexanders de Crossen. Feldzuge in Turkestan. Stuttgart. 1906;*

Маев Н. А. Очерки Гиссарского края. // Материалы для статистики Туркестанского края. СПб, 1879. С. 163-164.

³ *Исключение составляют работы французских исследователей, особенно Поль Бернара:*

Bernard P. et Francfort H. P. Etudes de geographie historique sur la plaine d' Ai-Khanoum (Afganistan). CNRS. Centre de Recherches Archeologiques. Publications de l'URA. 10. Memoire I. Paris, 1978;

Bernard P. Alexandre et Ai-Khanoum. // Journal des Savants. 1982. P. 125-138;

Bernard P. Alexander du Caucase on Alexandrie de l'Oxus. // Journal des Savants. 1982. P. 217-242;

Bernard P. Du nouveau sur la mosaïque d' Alexandre. // Studia Iranica. 1984. P. 263-264;

Bernard P. Alexandre et l'Asie Centrale, Reflexions a propos de l'ouvrage de Holt F. L. Alexander the Great and the formation of Greece Frontier in Central Asia (Mnemosyne, 104, 1988) // Studia Iranica. 1990.

⁴ *Дьяконов М. М. Сложение классового общества в Северной Бактрии. // СА. XIX. 1954;*

Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. // МИА. 73. М. Л., 1959;

Ртвеладзе Э. В. К характеристике памятников ахеменидского времени на юге Узбекистана. // СА. 2, 1975. С. 62-66.

Заптаров Ш. Х. Ртвеладзе Э. В. Раскопки древнебактрийского поселения Талашкан-тепе I. // Бактрийские древности. I., 1976. С. 19-24;

Аскарлов А. Альбаум Л. И. Кучук-тепа. Ташкент, 1979;

Сагдуллаев А. С. Поселение раннежелезного века в бассейне Кашкадарьи. // СА. 3, 1984;

Сагдуллаев А. С. Усадьбы древней Бактрии. Ташкент, 1987;

Нугаченкова Г. А. Ртвеладзе Э. В. Северная Бактрия-Тохаристан. Очерк истории и культуры. Ташкент, 1990. С. 92-95;

Абдуллаев А. Памятники раннего железного века в Пянджском районе. // Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987;

Шайдуллаев Ш. Б. Северная Бактрия в эпоху раннего железа. // Цивилизации Турана-Мавераннахра. IV. Ташкент, 2000.

⁵ *Ртвеладзе Э. В. К характеристике... С. 62-66.*

⁶ *Ртвеладзе Э. В. Ксениппа-Паретака. // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981. С. 95-110;*

Rtveladze E. V. On the historical geography of Bactria-Tokharistan. // Silk Road Art and Archaeology. № 1, Kamakura, 1991. P. 4-14;

Ртвеладзе Э. В. Газаба-Гозбон. // ИМКУ. № 30, Самарканд. 1999. С. 104-109;

Они же. К локализации города Бранхидов. // ВДИ, № 4, 2000;

Они же. К вопросу о петрах. // Древняя и средневековая культура Сурхандарьи. Ташкент. 2001. С. 7-12;

Сагдуллаев А. С. О «второй столице» Согдианы (критерий оценки города Согда и Бактрии периода походов Александра Македонского). // Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда IV в. до н. э. - VIII в. н. э. Ташкент. 1986. С. 101-103;

Он же. Оседлые области Средней Азии в эпоху раннего железа (генезис культуры и социально-экономическая динамика). // Автореферат дис. докт. ист. наук. М., 1989;

Он же. Огненные стрелы. Ташкент. 1993;

Сагдуллаев А. С. Ртвеладзе Э. В. В стране золотого огня. Ташкент, 1983. С. 44-60;

Ртвеладзе Э. В. Сагдуллаев А. С. Памятники минувших веков. Ташкент, 1986. С. 10-39;

Пугаченкова Г. А. Ртвеладзе Э. В. Северная Бактрия-Тохаристан. Ташкент, 1990. С. 92-95.

⁷ Сагдуллаев А. С. Усадьбы

⁸ Шайдуллаев Ш. Раннежелезный С. 8-18.

⁹ Сагдуллаев А. С. Оседлые области С. 10-11.

¹⁰ Лушпенко О. Н. Раннежелезный век Южного Согда. // Автореферат дис. канд. ист. наук. Самарканд, 1998. С. 8.

Tarn W. W. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1938. P. 120-124;

Этот вывод В. В. Тарна давно опровергнут русскими учеными: Толстов С. П. Подъем и крушение империи эллинистического «Дальнего Востока». // ВДИ. № 3-4, 1940. С. 194-209;

Литвинский Б. А. Среднеазиатский город в древности по археологическим данным. // Города и торговля Древнего Востока III-II тыс. до н. э. Ереван. 1972. С. 95-110.

Часть I

НАЧАЛО ВОЕННОЙ КАМПАНИИ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО В ТРАНСОКСИАНЕ

1. Дорога к Оксу. Адраспа и Аорн

Ранней весной 329 г. до н. э. Александр Македонский, перейдя Кавказский хребет — так греки именовали Гиндукуш, вторгся на территорию Бактрии. Отправным местом его похода в Бактрию, была основанная им у под-

ножья Гиндукуша Александрия Кавказская, где он поселил семь тысяч старейших македонцев и воинов, непригодных к военной службе (Курций, VII, 3, 22, 23). Согласно, Арриану «принеся там жертву богам, каким у него положено, он перевалил через гору Кавказ» (Арриан, III, 28, 4). Локализация Александрии Кавказской и перевала через Гиндукуш до сих пор вызывают разногласия среди ученых. Александрию Кавказскую помещали в Бамиане, в Беграме и в Парване¹, а рядом исследователей была высказана гипотеза о тождестве Александрии Кавказской с Александрией в Опиане, упомянутой Стефаном Византийским² и локализации её в районе Чарикара, где отмечено древнее городище Опиан (или Упиан)³.

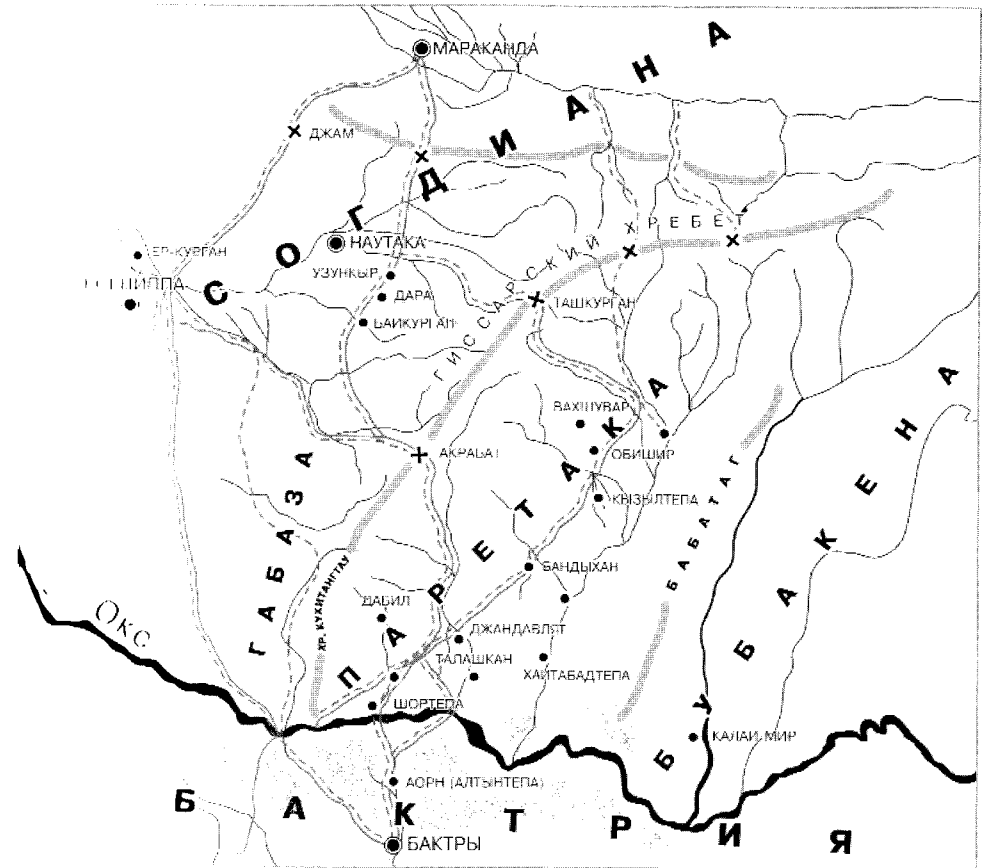
В своем дополнении к книге Риттера «Кабулистан и Кафиристан» В. В. Григорьев, опираясь на данные средневековых источников и маршруты английских разведчиков (главным образом А. Борнса и Т. Вуда), самым тщательным образом рассмотрел все перевалы через Гиндукуш от Шибара до Хавака⁴. Он пришел к выводу, что перевал, через который перешел Александр с войском, находился в восточной части Гиндукуша между Салапгом и Хаваком, а Александрия Кавказская — в Бамиане. Именно этим путем, по его мнению, была возможность пройти к Андерабу, который он сопоставил с Драсакой Арриана и Адрапсой Страбона⁵ (Арриан, III, 28; Страбон, XV, II, 10) — первым бактрийским городом, встреченным Александром Македонским на пути после перевала через Гиндукуш.

Однако, в Андераб-Адрапсу, можно было также пройти из долины р. Гурбенд через перевал Опиан или Хупиан. Именно этой дорогой воспользовался Бабур, отступавший с севера со своими войсками по долине Кундуздари от преследования Шейбани-хана в Кабулистан⁶.

Здесь особого внимания заслуживает само название этого перевала Гупиан или Упиан, которое имеет очевидную близость с названием Александрия в Опиане Стефана Византийского. По-видимому, в долине Гурбенда, у подножья Гиндукуша, там, где начиналась дорога к перевалу, и был построен Александром город, получивший название Александрия Кавказская, а у Стефана Византийского — Александрия Опианская. Не исключено, что Опианом называлась вся область долины Гурбенда, а в основе этого названия лежит бактрийское слово «аб» — вода, река с суффиксом «ан», образовавшее по типу «Бамийан», «Чаганиан».

Что касается Адрапсы-Драсаки, то, вероятнее всего, она находилась при слиянии рек Сурхаб (Сайган) и Андераб. Согласно средневековым источникам, владение Андераб пользовалось значительной самостоятельностью при Саманидах, а сам город был третьим по величине в Тохаристане после Балха и Талукана и даже чеканил свою монету. Из Андераба до Балха можно было доехать за пять дней по удобной дороге, которая шла через Пули-Хумри, Рабатак и Айбак (средн. Саманган) к Хульму (Ташкурган), а затем в Балх (Бактры)⁷. Види-

Историко-географические области юга Среднеазиатского Двуречья в эпоху походов Александра Македонского.

мо, эта дорога существовала и в древности и именно ею, как наиболее удобным путем от Гиндукуша в Бактры, воспользовался Александр Македонский.

По свидетельству Арриана, «Александр прибыл в Драпсак, дал войску отдохнуть и повел его на Аорн и Бактры; это самые большие города в бактрийской земле. Взял он их с ходу; в Аорне, в кремле оставил гарнизон под начальством Архелая, Андроклова сына, одного из «друзей» ... Сам он пошел к реке Окс» (Арриан, III, 29, 1).

Таким образом, для поселения, претендующего на отождествление с Аорном, необходимо наличие следующих характеристик:

- 1. Крупные размеры. Городище должно быть самым большим среди других археологических памятников Бактрии ахеменидского времени (VI-IV вв. до н. э.), за исключением Балха.*
- 2. Наличие цитадели, по-видимому, тоже большой, поскольку в ней смог разместиться целый гарнизон.*

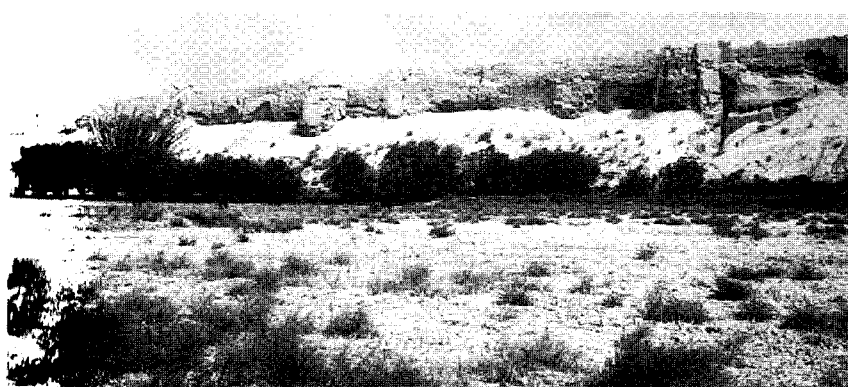
Весьма существенны и другие обстоятельства: так как Аорн и Бактры в тексте Арриана упомянуты вместе, а Драпсака отдельно, то Аорн, по всей вероятности, располагался или вблизи Бактр-Балха, или, по крайней мере, в одном с ним географическом районе. Кроме того, после описания Аорна, о том, что Александр пошел к Оксу говорится сразу же, без упоминания каких-либо иных географических пунктов. Это, по нашему мнению, должно означать, что Аорн находился на дороге, ведущей к одной из переправ через Окс-Амударью.

Рассмотрим теперь, насколько точно высказанные прежде гипотезы о местоположении Аорна отвечают вышесприведенным обстоятельствам. Ф. Шварц полагал, что Аорн был расположен в долине р. Хульм на месте Таш-Кургана⁸. Позже аналогичного мнения придерживались И. Каэрст⁹ и В.Тарн¹⁰. Аргументы, приводимые этими исследователями в пользу данной гипотезы, не подкреплены археологическими данными, свидетельствующими о существовании на месте Таш-Кургана большого города ахеменидского времени. К кушанскому времени относится городище Шахри-Бацу и другие памятники, расположенные вокруг Таш-Кургана¹¹, но даже если в процессе их дальнейших исследований будет выявлено наличие культурных слоев ахеменидского времени, то

это не будет аргументом для определения местоположения здесь Аорна, так как сами эти поселения по своим размерам небольшие. С. Ахмед, посвятивший, специальную статью географии Бактрии по греческим источникам пришел к выводу, что точную локализацию Аорна установить нельзя. Однако, по его мнению, он мог находиться у современного Дербента в Афганистане¹². Иную точку зрения, чем его предшественники, высказал Х. Хумбах. Отметив, что у Арриана в истории походов Александра Македонского фигурируют три города — Бактры, Драпсака и Аорн, а у Страбона в описании событий греко-бактрийского времени — те же три города, но третий из них имеет иное название — Евкратидея, и, опираясь на сведения Птолея о наличии якобы в районе Евкратидеи народности варны, он доказывает, что оба эти названия Аорн и «варны» — одного происхождения, восходящего к авестийскому «варэна», и считает Аорн тождественным Евкратидею. Он также полагает, что Аорн-Евкратидея располагалась на месте средневекового Варвализа (совр. Кундуз), так как у Птолея Евкратидея помещена в нижнем течении р. Даргоида (Кундуздавия, в «Худуд ал-Алам» названная Даргамапом)¹³.

С мнением Х. Хумбаха о тождестве Аорна и Евкратидеи полностью согласен Б. Я. Ставиский. Однако, он ошибочно принимает Х. Хумбаху локализацию Аорна-Евкратидеи в районе Балхана¹⁴ — в данном месте Х. Хумбах помещает Бактру (Дарапсаку)¹⁵. Предложенная им гипотеза интересна, но все же не может

Крепостная стена Балха (Бактр).

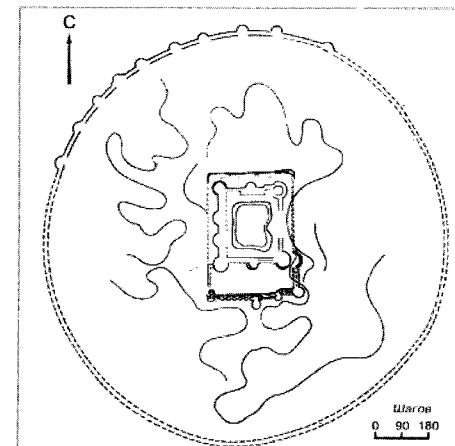

до конца решить проблему, поскольку, как и гипотезы, высказанные прежде, страдает существенным недостатком — отсутствием археологических данных. Расположенное на восточной окраине Кундуза городище Бала-Хисар в своей основе восходит, по-видимому, к аптичному времени, поскольку более ранних культурных слоев здесь пока не обнаружено¹⁶.

По данным Птолемея нельзя точно установить местонахождение Евкратидеи в нижнем течении Даргоида. Разница в географическом местоположении Даргоида (1160/590) и Евкратидеи (1150/420) довольно существенная и составляет около одного градуса (Птолемей, II, 9-21). Совсем не обязательно считать, что Аорн в греко-бактрийское время был переименован в Евкратидею — это никак не вытекает из сопоставлений сведений Арриана и Страбона. Страбон (XI, II, 2) пишет: «Их (т. е. греко-бактрийских царей, Э. Р.) города были: Бактры, называемые также Зариаспой, через которую протекает одноименная река, впадающая в Окс, Даранса и некоторые другие. Среди последних была также Евкратидея, названная по имени бывшего ее правителя». Иными словами в Бактрии имелся еще ряд городов, и среди незапамятных мог быть и Аорн. Но не менее вероятно и другое предположение — ко времени возникновения Греко-Бактрийского царства Аорн потерял свое былое значение крупнейшего бактрийского города, и возможно, полностью прекратил свое существование. По-видимому, совсем не случайно его не упоминают ни Страбон, ни Птолемей, хотя последний приводит название ряда больших городов Бактрии (Птолемей, II, 6 7).

Факт запустения многих поселений и городищ Северной Бактрии ахеменидского времени после походов Александра Великого, в том числе и самого большого — Кызылтепа, сейчас установлен достаточно надежно¹⁷. Сходный процесс, по всей вероятности, происходил и в Южной Бактрии, где многие поселения VI-IV вв. до н. э. в последующее время больше не обживаются.

И, наконец, еще одно замечание, Х. Хумбах, доказывая этимологическую связь названий города Аорна и племени варнов, живших, согласно Птолемею в Бактрии забывает, что имелся еще один Аорн, расположенный на берегу Инда совсем в иной области, а это заставляет с сомнением отнестись к его доводам. Уже К. Риттер считал Аорн греческим топонимом и переводил его как «не птичий», т. е. «куда птицы не залетают», а Ловенталь пытался связывать его с названием местности Варанас или Варанаса, находящейся на западном берегу р. Инд,

*Алтын-Дильбертепа.
Схематический план
(Глазомерная
съёмка З.Хакимова).*

к чему весьма скептически относился В. В. Григорьев¹⁸. Наиболее верное толкование этого названия, по нашему мнению, было предложено Х. Вилсоном. Он считал, что Аорн — эллинизированная форма санскритского слова «авара» или «аварана», т. е. ограда, налсад, встречающееся в названиях ряда городов до сих пор: Пешаур (Пешавар), Баджаур и т. д.¹⁹

Таким образом, приведенные выше данные не позволяют согласиться с Х. Хумбахом в отождествлении Аорна с Евкратидею и локализацией их на месте Кундуза.

Полученные в последнее время археологические данные при сопоставлении их со сведениями Арриана об Аорне дают возможность высказать иную гипотезу. Маршрутные обследования Южной Бактрии, проведенные Советско-Афганской археологической экспедицией, выявили десятки городищ и поселений VI-IV вв. до н. э. Наиболее интересно городище Алтын-Дильбертепа²⁰, открытое З. А. Хакимовым в 35 км. к северу от Балха-Бактра на древнейшем караванном пути, ведущем из этого города к переправам Чушка-Гузар и Шуроб на Оксе и далее в Северную Бактрию и Согд. Это округлое в плане огромное городище диаметром около 800 м., обнесенное оборонительной стеной с башнями. В центре его находилась прямоугольная в плане цитадель площадью около 3 га со сложной фортификационной системой, включающей два ряда стен с башнями.

Громадные размеры городища, наличие могучей цитадели и развитой фортификационной системы, обширной пригородной зоны свидетельствуют о том, что Алтын-Дильбертепа в период

вхождения ее в состав Ахеменидского государства было не рядовым городком, а крупным городским центром Бактрии. Согласно же Арриану, «Аорн и Бактры — самые большие города в бактрийской земле...». Поскольку других городищ этого времени, равных по площади Алтын-Дильбертепа (быть может, за исключением Балха-Бактр) здесь нет, то вполне допустимо считать, что это городище было бактрийским городом Аорном. Местонахождение его в одном районе с Бактрами на пути к переправам через Окс служит дополнительным аргументом в пользу этого предположения²¹.

Древнее городище в запасах песка и зарослях саксаула.

2. Переправы через Окс

Все исследователи, расходясь между собой в определении точного местонахождения переправ войск Александра Македонского через Окс, сходились в одном: все эти переправы находились на участке Амударьи между Термезом на востоке и Келифом на западе. В качестве таковых предлагались переправы у Термеза²², Чушка-Гузара²³ и Келифа²⁴.

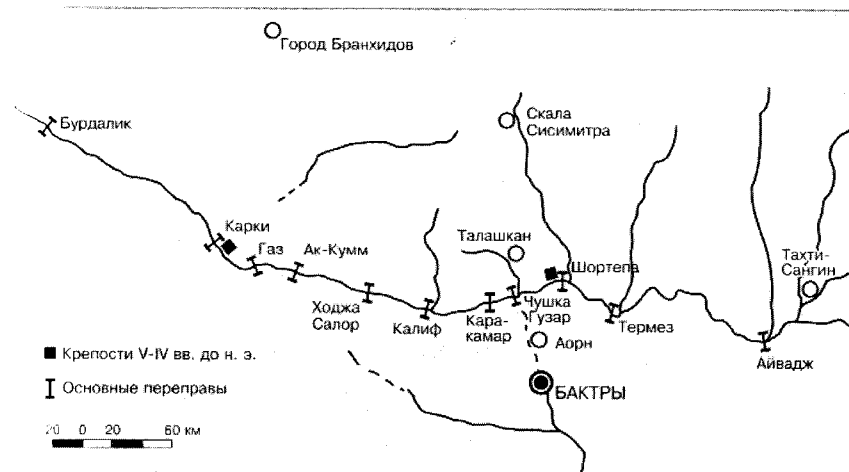
Анализ сведений греко-римских источников, направление маршрутов армии Александра Македонского, уточнение местопо-

хождения упомянутых в них областей и пунктов подтверждают правоту этого заключения.

Однако прежде чем перейти к локализации этих переправ, отметим ряд важных общих факторов, способствовавших возникновению переправ вообще и на данном участке Амударьи в частности. Эти факторы таковы:

1. *Ширина русла реки.*
2. *Направление дорог и наличие удобных подходов к местам, выбранным для переправ.*
3. *Наличие природных материалов для строительства плавучих средств.*
4. *Наличие стационарных населенных пунктов, обеспечивающих всем необходимым для существования постоянно действующей переправы. Время сложения и функционирования этих пунктов определяет и древность бытования той или иной переправы.*
5. *Традиционность использования той или иной переправы на данном участке Амударьи.*

Переправы через Окс.

Отметим, что наиболее ранние, древнейшие переправы эпохи бронзы и камня необязательно должны отвечать всем этим факторам. Первоначально они складывались стихийно в зависимости от географических условий, и лишь впоследствии у них создавались крепости для охраны как самих переправ, так и подходящих к ним дорог и складывались населенные пункты, основной функцией населения которых было обслуживание проходящих торговых караванов.

Судя по данным греко-римских письменных источников, Александр Македонский со своей армией переправлялся через Окс-Амударью четыре раза: дважды с юга и дважды с севера. Первая переправа с юга была совершена, по видимому, весной 329 г. до н. э., когда Александр, преследуя Бесса, перешел через Окс и прошел затем далее в Согдиану, Уструшану и к Танаису (Сырдарье).

*Лодка-каюк у переправы через Аму Дарью.
Рисунок конца XIX в.*

Вторая переправа, на этот раз с севера, была осуществлена осенью этого же года при возвращении из согдийского похода в Бактрию, где он провел зиму 329-328 гг. до н. э.

Третья переправа была осуществлена с юга весной 328 г. до н. э., когда Александр Македонский выступил в новый поход в Согдиану, по завершении которого Александр провел зиму 328-327 гг. до н. э. в согдийской области Наутака.

Четвертая переправа через Окс состоялась весной или летом 327 г. до н. э. с севера, когда Александр Македонский, завершив военную кампанию в Габазе, прошел мимо какой-то крепости и, переправившись через Окс, остановился с основной армией в Бактрах. Спустя некоторое время сюда же прибыли его отряды под начальством Кратера и Полиперкона, оставленные для усмирения Парейтакены и Бубакены. Из Бактры Александр осенью 327 г. до н. э. начал поход в Индию. И если для первой переправы в письменных источниках все таки имеются некоторые географические ориентиры для определения её места, в отношении остальных — это только косвенные соображения. При этом следует отметить, что место четвертой переправы можно определить достаточно точно, исходя из общего направления движения войск Александра Македонского из Наутаки в Габазу и Парейтакену.

Первая переправа через Окс

Согласно Арриану, Александр со всей армией, за исключением части, оставленной в цитадели Аорна, двинулся к Оксу. Несколько ранее, уходя от преследования Александра, Бесс со своими союзниками Датаферном и Спитаменом, переправился через Окс, сжег все суда, имеющиеся на переправе и ушел на север в Наутаку (Арриан, III, 28).

Александр, по видимому, шел к той же переправе через Окс, которой воспользовался и Бесс, по подробности его движения к Оксу, Арриан, в отличие от Квинта Курция Руфа, не приводит. Саму же переправу Арриан характеризует так: «Александр ... видел, что, переправиться через эту реку нигде невозможно: шириной она была по крайней мере в шесть стадий, а глубина ее соответствовала ширине, она была гораздо глубже с песчаным дном и таким сильным течением, что оно легко выворачивало камни, которые загоняли в дно, тем более что они некрепко сидели в песке...» (Арриан, III, 29). Поскольку все суда на переправе были сожжены по приказу Бесса, то Александр приказал своим

войскам собрать шкуры животных, набить их травой и использовать для переправы, причем таким образом войско переправлялось через Окс пять дней.

Ряд дополнительных географических ориентиров добавляет Квинт Курций Руф, согласно которому, Александр, передав область бактрийцев Артабазу и, оставив там поклажу и обоз, вступил в пустыни Согдианы, которые простирались на 400 стадий (около 80 км). Преодолев пустыню, авангард его войска подошел к Оксу, где на высокой горе воины зажгли костры, чтобы остальная часть войска, изнемогавшая от жажды в песках, могла найти дорогу по ним. Переправа через Окс по Квинту Курцию Руфу также заняла пять дней и осуществлялась при помощи кожаных мешков, набитых соломой (Квинт Курций Руф.....). Суммируем все географические признаки, приведенные Аррианом и Квинтом Курцием Руфом:

- 1. Местом выступления армии Александра были Бактры или, вероятно, Аорн.*
- 2. Переход к Оксу занял пять дней.*
- 3. По пути к переправе армия Александра преодолела пустыню, занимавшую расстояние в 400 стадий, что при стадии равной 191 м., соответствует около 80 км.*
- 4. У места переправы находилась высокая гора.*
- 5. Ширина Окса в месте переправы занимала не менее 6 стадий, т. е. около 1,2 км.*
- 6. Течение реки в месте переправы было очень быстрым.*

Сопоставим теперь эти признаки с географическими особенностями этого района и описаниями переправ через Амударью и дорог, подходящих к ним, которые были составлены русскими офицерами в 70-х годах XIX века.

В связи с этим отметим два важных обстоятельства:

- 1. Фактически все исследователи, занимавшиеся выяснением места переправы Александра Македонского через Окс, не использовали археологические данные в качестве обоснования своего мнения, поскольку до*

давнего времени этих данных попросту не имелось. А между тем именно археологические данные позволяют определить время возникновения и последующего функционирования переправ. Такого рода данные появились после проведенных мною в начале 70-х годов XX века археологических рекогносцировок, а в некоторых местах и раскопок, вблизи бывших переправ от Термеза до Келифа включительно.

2. С установлением южной границы СССР, переправы через Амударью между Термезом и Келифом — Шуробская, Чушка-Гузарская и Кара-Камарская утратили свое былое значение. Функционировали только переправы у Термеза и Келифа, т. к. через них проходили важные транзитные пути из Советского Союза в Афганистан.

Вероятно, эти обстоятельства оказали влияние на утвердившееся в науке мнение о переправе Александра Македонского в районе Келифа или Термеза. Иногда — обычно в работах русских исследователей, хорошо знакомых с дореволюционной географической литературой — в качестве таковой фигурировала и переправа Чушка-Гузар.

Впервые переправы через Амударью между Термезом и Келифом, как и дороги, ведущие к ним, были исследованы и описаны русскими офицерами — штабс-капитаном А. Быковым и полковником Н. А. Маевым, которые посетили эти места в 1878 г. во время рекогносцировок в Восточной Бухаре. Причем А. Быкова интересовали только переправы через Амударью, а так же способы их преодоления, количество и качество плавучих средств, что он и отразил в специальном очерке²⁵. Н. А. Маева, наряду с переправами, интересовали в большей степени системы дорог, ведущие с севера из Самарканда в Восточную Бухару, которым он дал подробное описание, с характеристикой всех населенных пунктов²⁶. Эти два очерка являются прекрасным источником по многим вопросам и, в частности, для выявления мест переправ Александра Македонского через Окс. В XX в. такие переправы как Шуроб, Чушка-Гузар и Кара-Камар перестали существовать, тогда как при посещении их Н. А. Маевым и А. Быковым в конце XIX в. они еще функционировали, и по ним осуществлялся переезд на левый

Способ переправы на плоту, укреплённом на надувных шкурах. Верховья Амударьи.

афганский берег Амударьи, отделявший Бухарское ханство от Афганистана. На участке между слиянием Вахша и Пянджа А. Быков назвал следующие переправы: Кобадянскую, Патта Гисар, Шуроб, Чушка-Гузар, Кара-Камар, Келиф, Ходжа-Салор, Ак-Кумм, Хатаб и Карки (т. е. Керки) — все они были обследованы им в августе 1878 г.

Существование этих переправ, согласно А. Быкову, определялось тремя главными факторами:

1. *Естественными выходами и путями из населенного района или долины рек.*
2. *Более важными транзитными путями.*
3. *Нуждами окрестного населения.*

В соответствии с этими факторами А. Быков разделил все исследованные им переправы на три категории.

К наиболее важным из них он отнес переправы Кабадиан у устья реки Кафирниган, Патта Гиссар у устья Сурхандарьи, Шуроб в месте впадения Карасу в Амударью и Чушка-Гузар²⁷.

Теперь проанализируем данные Н. А. Маева и А. Быкова в сопоставлении с определенными выше шестью признаками.

Первый признак. Место откуда выступила армия Александра по пути к Оксу. Строго говоря, это могли быть Бактр и Лори, но, вероятнее всего, это был Лорн, коль скоро он упомянут последним в списке взятых Александром городов в Бактрии. Лорн, как мы показали выше, соответствует Алтын-Дивергена.

Второй и третий признаки. Пустыня, ее протяженность и время, затраченное на ее преодоление. Пустыня, которую Квинт Курций Руф называет Согдийской, простирается на всем протяжении с южной стороны вдоль Амударьи от Келифа на западе до Термеза и далее на восток. Ширина ее занимает не менее 60 км. Отметим, что от городища Алтын-Дивергена до переправы Чушка-Гузар более 60 км., и немногим более 70 км. до переправы Шуроб. До переправы Келиф всего 80 км.

Квинт Курций Руф пишет, что Окса (Амударьи) войска Александра достигли на четвертый день. Здесь ширина пустыни — определяющий признак, поскольку, учитывая сложность перехода через пески, армия Александра могла проходить в день и 30 км — немногим более и немногим менее.

Четвертый признак. Наличие у переправы высокой горы, на которой зажгли сигнальный огонь для заблудившейся части армии Александра.

Подобные возвышенности имеются на левом южном берегу Амударьи у ряда переправ. Так, у Келифской переправы находится отдельно стоящая высокая гора, называемая местными жителями Хадамгача²⁸. Наличие высокого холма Шортена у переправы Чушка-Гузар отметил еще Н. Дж. Мейтланд в 1885г., сведения которого опубликованы В. Баллом²⁹.

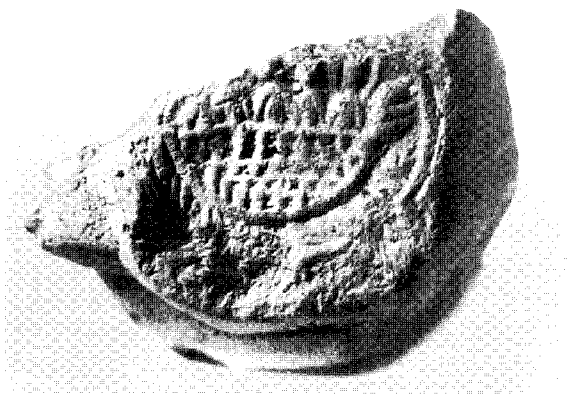
Возвышенности, доминирующие над остальной местностью, с которых можно подать сигнальные огни и которые могут быть видны за многие километры, имеются у переправы Шуроб, в том, как и в случае с Чушка-Гузаром, я мог убедиться сам.

Так что и здесь наличие высокой горы не является определяющим признаком для локализации первой переправы Александра Македонского.

Пятый и шестой признаки. Скорость течения, ширина реки и связанный с этим способ переправы войск Александра через Окс.

Эти признаки на наш взгляд являются определяющими. Согласно Н. А. Маеву, (который приводит данные о ширине Амударьи у ряда переправ, измеренных топографом и астрономом Ф. Шварцем), ширина Амударьи у Келифа равнялась 167 сажням, т. е. 356 м или около 2 стадий. В то же время ширина реки у переправ Чушка-Гузар, Кара-Камар и Шуроб равнялась 800 сажням т. е. 1.704 км или немногим менее 9 стадий³⁰.

Очевидно, что ширина, которую приводят античные источники, — не менее 6 стадий — больше соответствует ширине Окса у этих переправ, нежели ширина менее 2 стадий в районе Келифа.

*Изображение
военного корабля на
булле из Каратепе
(Старый Термез).*

Скорость течения и способ переправы. Согласно античным авторам, скорость течения в районе переправы была весьма стремительной. Армия Александра, тем не менее, переправилась через реку на кожаных мешках, набитых сухой травой.

Обратимся, однако, к описанию Н. А. Маева скорости течения Амударьи в районе Келифской переправы, согласно которому «река сжатая до ширины 500 шагов (167 сажень), несется с глухим шумом. Течение ее весьма быстрое, едва каюк выйдет из-за камней, как попадает в самое бурное, клопочущее пенными волнами, место реки. Течение быстро относит каюк, далеко вниз, и жалко видеть с каким трудом и усилием животные борются со страшной силой потока»³¹. Здесь имеются в виду лошади с обеих сторон привязываемые к судну, и без которых, используя только

шту весел на каюке или киме (большегрузное судно) было невозможно из-за стремительности течения переправиться на левый афганский берег. Н. А. Маев также пишет о том, что лошадей носило течением далеко от места переправы и только у берега им удалось повернуть назад. При переправе с левого берега Амударьи на бухарский правый берег, течение реки сносило каюки не дальше, так что их затем приходилось тянуть назад веревкой, привязываемой к идущим на берегу реки лошадям³².

Надо отметить, что при переправах через Амударью использовались тяжелые кимэ длиной 20 м. и более, которые управлялись с обеих сторон привязанными к ним лошадьми³³, но даже при этом способе переправы сами суда далеко относились от места переправы. Что же говорить, о легких шкурах, набитых травой — при столь стремительном течении всю переправляющуюся таким способом армию Александра Македонского унесло бы далеко вниз по реке.

К тому же место переправы у Келифа имеет ряд примечательных особенностей. Далеко вперед в реку здесь выдвигается скальный массив, из-за которого река здесь менее широкая, чем в местах других переправ³⁴.

Представляется, что античные авторы с их склонностью к описанию географических подробностей непременно упомянули бы эту важную географическую особенность, если бы армия Александра Македонского переправлялась в районе местонахождения Келифской переправы.

При археологических разведках, я опрашивал еще живших в Келифе профессиональных кимэчи-лодочников на предмет возможности переправы в этом месте на набитых травой или надувных шкурах, и все они отвечали, что никогда здесь такой способ переправы не использовался. Не отмечен он и в средневековых письменных источниках, неоднократно описывающих Келифскую переправу. В то же время способ переправы через Амударью с помощью шкур возможен у переправ Шуроб, Чушка-Гузар и Кара Камар. Живущие в к. Шуроб старики, предки которых занимались грабежом караванов и контрабандой, говорили мне, что на переправе Шуроб зачастую переправлялись на надувных шкурах животных. Этнограф-краевед Ш. Устаев, бывший начальник вневедомственной охраны в пос. Гагарино, рассказывал мне, что контрабандисты даже в советское время использовали надувные шкуры и резиновые шины для переправы из Афганистана в СССР через переправу Шуроб.

Таким образом, анализ географических признаков, приведенных греко-римскими авторами, в сравнении с описаниями переправ через Амударью русскими путешественниками, поз-

*Переправа через Амударью на каяке.
Рисунок конца XIX в.*

воляет отдать большее предпочтение переправам Чушка-Гузар и Шуроб, нежели келифской как месту первой переправы Александра Македонского через Окс.

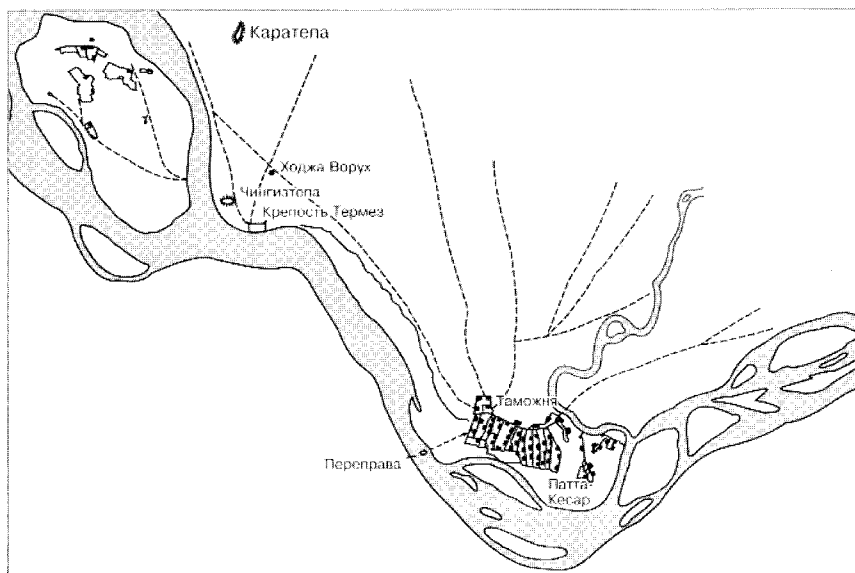
Еще большее значение локализации места перехода войск Александра Македонского через Окс имеют расположенные у переправ археологические памятники синхронного — вторая половина IV в. до н. э. — и более раннего времени, поскольку именно они более чем что-либо свидетельствуют о функционировании той или иной переправы в этот период.

3. Характеристика археологических памятников, расположенных у переправ через Амударью от Термеза до Келифа

Переправы в районе г. Термеза и городища Старого Термеза

Переправы в районе г. Термеза и городища Старого Термеза

В этом районе имелось несколько переправ. Одна из них — недалеко от впадения Сурхандарьи в Амударью, к востоку от современного г. Термеза. В этом городе неподалеку от железнодорожного вокзала раскопано небольшое полуразрушенное здание, представляющее собой, видимо, усадьбу. При раскопках найден комплекс керамики V-IV вв. до н. э.³⁵ У самой же переправы никаких археологических памятников не отмечено. Основные же переправы через Амударью в данном районе находились у цитадели Старого Термеза, расположенной в 7 км от современного Термеза, к западу от нее, там, где в средневековье была пристань и проживали лодочники — кештбабды, а также к востоку в районе острова Арал-Пайгамбар.

Ситуационный план в районе Старого и Нового Термеза.

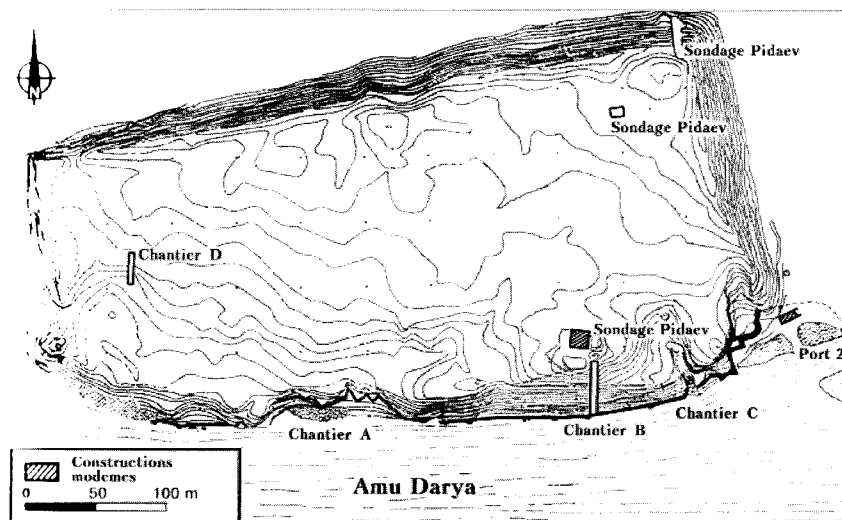
Возникновение поселения на месте цитадели Старого Термеза следует отнести, вероятнее всего, к концу IV-III в. до н. э. Цитадель, как и территория, вблизи нее, интенсивно обживалась в греко-бактрийский период — слои данного времени мощностью до 1,0 - 2,5 м зафиксированы в шурфах и разрезах заложенных в юго-западной и восточной частях цитадели. Ш. Пидасев хорошо показал, что в греко-бактрийское время Термез-Тармита был уже довольно значительным городом с цитаделью и примыкавшим к нему неукрепленным поселением³⁶. Здесь, в частности, найдено уже большое число монет всех великих греко-бактрийских царей, начиная с Диодота и кончая Гелиоклом. По мнению Ш. Пидасева, основание крепости на месте цитадели Старого Термеза связано с приходом сюда греков. Как и ряд его предшественников, он даже связывает с ней Александрию Оксианскую. Но он также полагает, что первоначальное поселение на месте цитадели Старого Термеза возникло до прихода сюда греков в середине I тыс. до н. э. в ахеменидское время. Основанием для этого вывода послужили керамические материалы, найденные им в самом нижнем слое разреза-2, заложенного в юго-восточном углу цитадели и шурфа-2 — также в восточной её части³⁷.

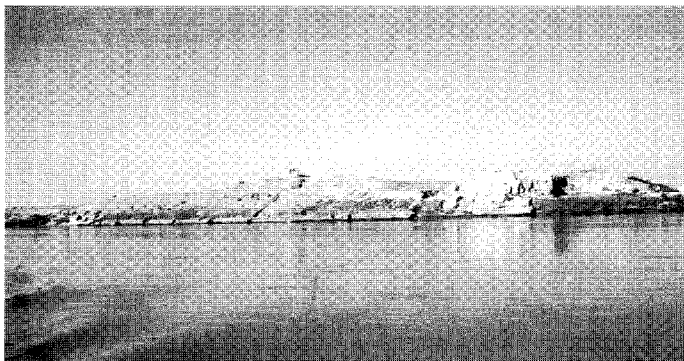
Однако, на наш взгляд, эти материалы не дают убедительных аргументов для столь ответственного научного вывода. Так, в данным Ш. Пидасева приведенным в первой его публикации, разрезе-2 были найдены только один фрагмент стенки цилиндрикоконической формы, одно дноце и два венчика хумов манжетонной формы³⁸. В другой, более поздней публикации, он пишет уже о паходках венчиков крупных цилиндрикоконических сосудов нижних половин сосудов той же формы, по малых размеров, что создает впечатление о большом их количестве³⁹.

Несмотря на то, что по столь мизерному количеству невозможно точно датировать как саму керамику, так и культурный слой откуда она происходит, был сделан вывод о полной аналогии этой керамики с керамикой действительных памятников ахеменидского времени, что якобы свидетельствует об основании поселения на месте цитадели Термеза в середине I тыс. до н. э. Однако более исторично было бы датировать самые нижние слои шурфа-2 постахеменидским-раннеселевкидским временем.

Итак, сейчас нет убедительных оснований для отнесения первоначального поселения на месте цитадели Старого Термеза к середине I тыс. до н. э. Здесь отсутствует культурный слой и нет никаких фортификационных сооружений этого времени. В лучшем случае, даже если признать найденные фрагменты керамики

Цитадель старого Термеза. План. По П. Лершю.

*Цитадель
старого
Термеза.
Вид со
стороны
Амударьи.*

ки относящимися к данному периоду, можно говорить лишь о каких-то незначительных следах временного обживания.

Значение этого места бесспорно возрастает в селевкидское и особенно в греко-бактрийское время, когда к Тармите-Термезу переходит от Шортена (см. ниже) функция главной крепости при важнейшей переправе через Окс, от которой на юг с севера шли дороги в разные части селевкидского и греко-бактрийского царств. Как и другие исследователи, я полагаю, что основание Тармиты и оформление ее в крепость произошло в

Переправа у Термеза. Рисунок Н. Каразина. 1878 г.

период царствования Антиоха I (280-261 гг. до н. э.), поэтому не случайно и ее название «Антиохия-Тармита», употребленное в ряде источников.

Переправа Шуроб

Вблизи этой переправы находится комплекс разновременных городищ, следующих по направлению с востока на запад: Шуроб-Курган, Кампыртспа и Шортена. Первые два из них были обнаружены и обследованы автором в 1972 г. Третье, наиболее длинное из них — Шортена — археологом С. Савчуком (Курбановым) в 1985 г. Оно же затем было подробно обследовано мною.

Городище Шуроб-Курган расположено в 20 км к западу от Термеза у одноименного кишлака, на правом берегу Кара-су, у впадения ее в Амударью. Городище расположено на высокой речной террасе и простирается с востока на запад более чем на 600 м, а с севера на юг — более чем на 400 м. С южной стороны оно частично разрушено из-за естественных обвалов лессового берега. Городище состоит из двух основных частей: цитадели и собственно города, территория которого в свою очередь делится на несколько участков.

В юго-восточном углу, на высоком лессовом останце расположена довольно значительная по площади цитадель (170x70 м), возвышающаяся над остальной территорией на высоту около 10 метров. Ее восточный фас обращен к р. Кара-су, а южный — к долине Амударьи, так что с этой стороны, где высота достигает более 20 м, она была фактически неприступна. С северной же и западной сторон цитадель отделена от остальной части города широким рвом, выведенным из Кара-су и Амударьи. Собственно город, расположенный к западу и северу от цитадели, состоит так бы из нескольких частей, разделенных двумя рвами, которые, по-видимому, помимо своих оборонительных функций, выполняли так же роль каналов, снабжавших город водой. Эти рвы, выведенные из Амударьи, проходили через весь город и выходили к Кара-су. В настоящее время ширина их от 6 до 12 м, глубина 2-5 м. Южная и средняя часть города, разделенные первым рвом, по своей конфигурации одинаковы — это длинные, вытянутые параллельно друг другу, но не очень широкие возвышенные участки жилой застройки. По иному спланирован северный участок, отделенный от предыдущих участков вторым рвом. С южной стороны, над ним ровная площадь, а с востока — лес-

совый обрыв Кара-су. Эта часть подквадратная в плане 150-130 м, с несколько скошенной северо-западной графью. В промежутке между северным и южным участком отдельно стоит возвышенный (до 8 м) бугор, который представляет собой, остатки монументального строения. Следы былой застройки отмечены за рвом к северу от цитадели, где они простирались, по-видимому, до берега реки Кара-су. Здесь было найдено большое количество керамических шлаков и брака, что говорит о наличии керамического производства. Следы металлического производства — криц и шлаков обнаружены и в средней части города.

Разрез стены эллинистического времени. Кампыртепа.

Стратиграфические шурфы, раскопки и подъемный материал, собранный на различных участках, с достаточной очевидностью свидетельствует о весьма длительном обживании городища.

На ряде объектов городища Шуроб-Курган в восьмидесятых годах XX века были произведены археологические раскопки. В частности, на цитадели был заложен стратиграфический шурф и небольшой раскоп, вскрывший позднесредневековый слой, и слои развитого средневековья. К северо-западу от цитадели, С. Болеловым был раскопан большой жилой дом, датируемый по керамике и монетам (поздние подражания чекану Пероза, тан-

*Кампыртепа.
Килой квартал
и улица.*

ские монеты, арабские фельсы (VII-VIII вв. н. э.)). В западной части Шуроб-Кургана был частично исследован могильник того же времени, состоявший из наземных наусов, погребальный обряд в которых близок к зороастрийскому.

Таким образом, все имеющиеся данные свидетельствуют о том, что городище Шуроб-Курган, возникшее в позднекушанский период обживалось на протяжении всего средневековья и вплоть до начала XX века⁴⁰. Однако слоев ахеменидского времени здесь нет. Следовательно, можно говорить о том, что переправа здесь стала функционировать в более позднее время.

*Кампыртепа.
Общий вид.
На дальнем
плане —
Цитадель.*

Кампыртепа-Пандахейон

В перечне переправ на Амударье персидский автор XV века Хафиз-и Абру после Тармиза по направлению к западу называет еще одну переправу — пассаж о ней дословно переведен на русский язык В. В. Бартольд¹¹ и на английский — В. Ф. Минорским (с этого перевода он воспроизведен на русский язык О. Д. Чехович)¹², а также перепроверен мною в некоторых важных деталях.

Вот что он гласит: «Бурдагуй» — место на берегу Джейхуна, около Термеза. Говорят, оно существовало, задолго до Термеза и было основано тоже Александром. И это «Бурдагуй» есть греческое название, которое дано ему тоже при Александре в значении «гостеприимный дом». В древние времена крупные судовладельцы, ответственные за переправу через Джейхун, находились в этом «Бурдагуе». Переправа (гузаргох) султанов, которые переезжали через реку, была здесь. Древние надишахи покровительствовали жителям этого (места), за то, что они стерегли переправу через реку, и освобождали их от налогов (тархан). По этой причине население было многочисленно и хозяева (ходжагон) богаты. Они хорошо служили каждому путешественнику, который проезжал там. Так, поскольку местные жители узнали об их щедрости, путешественники, проезжавшие те места, стали объектом конкуренции между жителями... Каждый из них стремился пригнать (путешественников) в своем доме. Между жителями Термеза и «Бурдагуй» большую часть времени шла борьба. В окрестностях «Бурдагуй» имеется много лесов (джангал) и в них водятся тигры (шир).

В той же области имеется другая переправа, называемая Кениф. Она считается принадлежащей Хорасану...»

Кампыртепа. Общий вид жилых кварталов.

Вид Кампыртепа с воздуха.

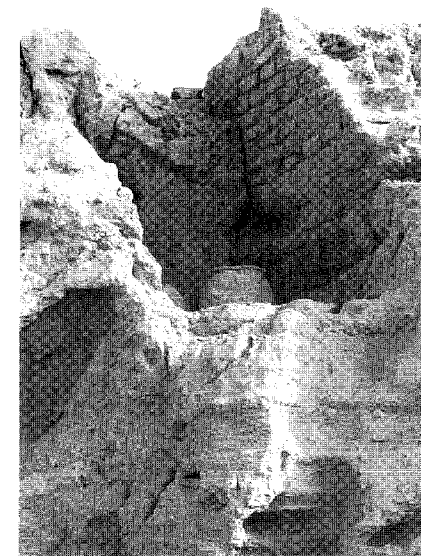
шириной около 5 м и окружена рвом шириной до 10 м. Внутри она целиком застроена разными функциональными помещениями, объединенными в четыре крупных блока, которые разделены коридорами-улицами.

Структура собственно поселения определяется наличием внутреннего рва, отделяющего его от цитадели, жилых массивов застройки, крепостной стены с башнями и внешнего рва. Массив жилой застройки, охватывающий ров с трех сторон, расположен в виде амфитеатра, в котором помещения одного и того же здания спускаются вниз от крепостной стены ко рву ступенчатыми террасами, вырубленными в материковом слое лесса. Наибольшая концентрация зданий наблюдается в восточной половине, которая состояла из пяти отдельных жилых блоков, включающих множество помещений.

Неукрепленный «пригород» городища, занят в основном, погребальными комплексами. В западной и северо-западной его части на площади 0,5 га располагаются десять погребальных зданий типа наусов различной планировки и размеров. В восточной его части также находится несколько погребальных сооружений,

Кампыртепа. Юго-восточный угол цитадели. Ворота. II в. до н. э.

Кампыртепа. Внутренний коридор.

в том числе прямоугольного плана ката, состоящие из трех зданий, соединенных друг от друга проходами.

За ними, на расстоянии 20-40 м паходятся две керамические печи — одна кушанского, другая греко-бактрийского времени. Установлены четыре основных периода в жизни этого городища:

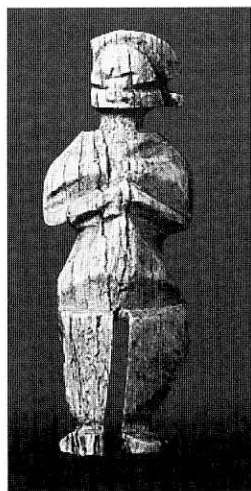
1. III-середина II вв. до н. э. — Возведение крепости на берегу Амударьи на месте будущей цитадели.
2. Середина II-I вв. до н. э. — интенсивное обживание поселения в пределах крепости.
3. II-I вв. н. э. — расцвет и рост крепости, превращение ее в четырехчастный городок: цитадель, собственно поселение с крепостной стеной, неукрепленная часть с погребальными постройками, торговая пристань.
4. Середина II — вторая половина II в. н. э. — Заброс городища.

а.

б.

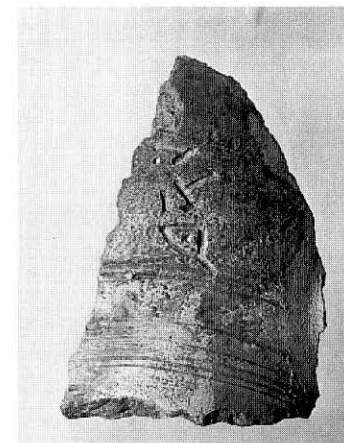
в.

Кампыртепа:

а) Монета Антиоха I (280-261 гг. до н. э.);
б) Монета Гелиокла (155-140 гг. до н. э.);
в) Костяная статуэтка.

Среди большого и разнообразного числа находок с этого городища выделяются три острака с древнегреческими граффитами. Одно из них передает греческое имя, начинавшееся с ΚΛΣΘ; два других — меры веса и жидкости, выраженные в драмах и хойях. Эти находки убедительно свидетельствуют о проживании здесь в первых веках до н. э. греческого населения, знакомого с правилами и нормами древнегреческого языка и письменности. Весьма существенно и то обстоятельство, что первоначальная стена цитадели Кампыртепа возведена в традициях эллинской фортификации с протехизмой и «глухими» бастionsами без внутрибашенных помещений. Среди других находок эллинистического происхождения — селевкидские монеты Антиоха I (281-261 гг. до н. э.), греко-бактрийские Диодота (250-230 гг. до н. э.), Евтидема I (230-200 гг. до н. э.), Деметрия (200-185 гг. до н. э.), Евкратида (171-155 гг. до н. э.), Гелиокла (155-140 гг. до н. э.), керамика типа амфор, фиал, кратеров, рыбных блюд, мегарских чаш, предметы быта, терракотовые статуэтки. Все эти находки, сделанные на городище, с одной стороны являются наиболее ранними по времени, а с другой — свидетельствуют о том, что Кампыртепа было основано эллинистической администрацией Бактрии, первоначально — как крепость, важнейшей функцией которой была охрана основной переправы на Оксе; именно по этой переправе шла прямая дорога в Бактры — столицу Греко-Бактрийского царства.

В кушанское время функция крепости постепенно утрачивается, и она

Кампыртепа:

Амфора (слева); Фрагмент сосуда с греческой надписью (справа).

превращается в городок, основной функцией которого, становится обслуживание проходивших караванов и торговля, о чем свидетельствует наличие значительного числа раскопанных на цитадели складских помещений и найденные там монеты. Одновременно этот городок осуществлял и функцию таможни.

Шортепа

Находится в 0,5 км к западу от цитадели Кампыртепа, на правой, высотой до 10 м, надпойменной террасе Амударьи. Городище состоит из двух, разделенных между собой рвом, частей: собственно крепости и примыкающего к нему с северо-востока поселения. Общая протяженность городища по оси юго-запад — северо-восток составляет более 300 м, ширина — 130-150 м.

Первая часть (230x130-150 м) с юго-запада ограничена поймой Амударьи, которая в древности вплотную подходила к городищу, а с северо-запада — глубоким рвом шириной до 10 м, хорошо сохранившимся до настоящего времени. С юго-востока ее также ограничивал ров, на месте которого сейчас образовался глубокий и широкий овраг.

Шортена.
Общий вид
городища.

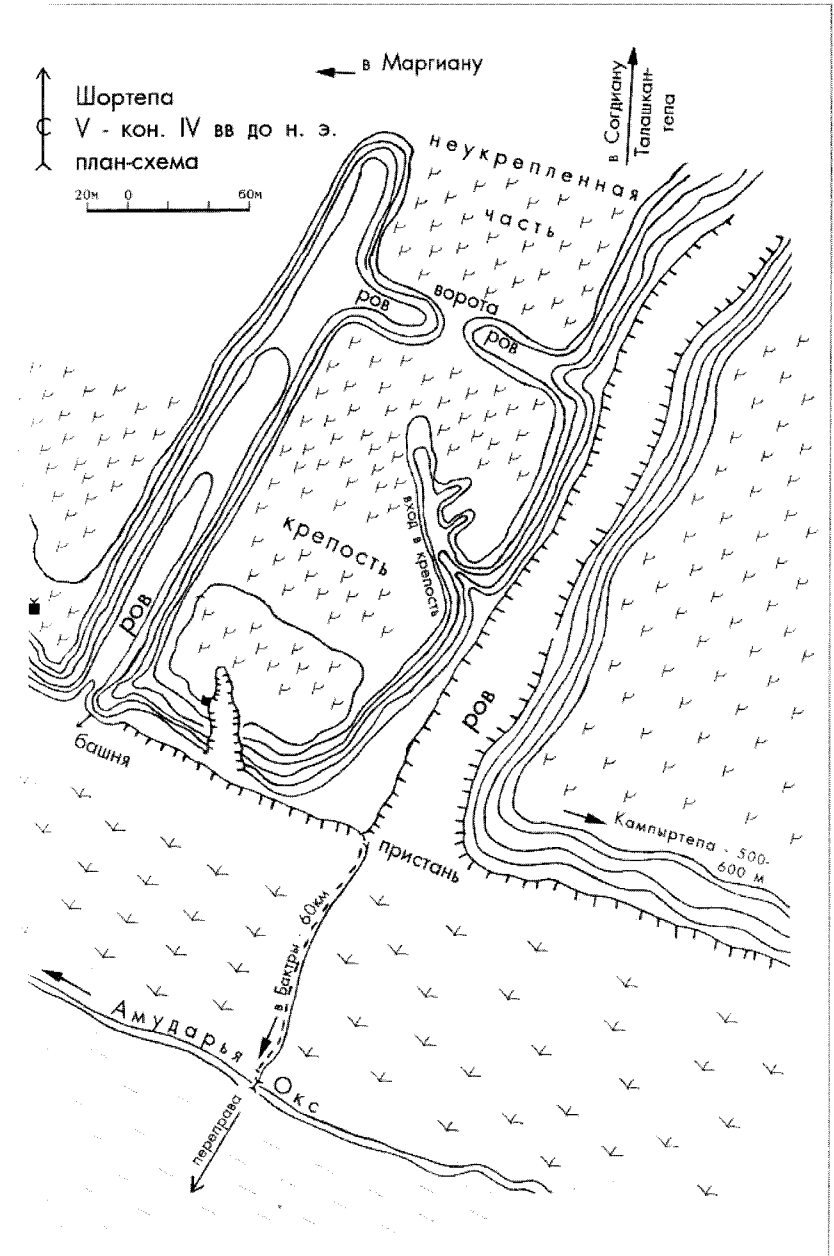

В юго-восточной, несколько скошенной стороне первой части хорошо прослеживается вход на нее со стороны Амударьи, идущий наклонным пандусом. Он проложен между естественными холмами, причем ширина его до 5-6 м понижу. Вход начинается с ровной площадки, расположенной у подножия террасы, от которой сохранился небольшой треугольный участок 35x15 м, возвышающийся над уровнем Амударьи на 2,5 м. Не исключено, что данный участок, судя по его расположению, представлял собой пристань, куда причаливали суда, перенаправлявшиеся через Амударью. Отсюда же начинался подъем по пандусу в крепость. В срезах края этого участка на глубине до 2-3 м хорошо прослеживается культурный слой с характерной для ахеменидского времени цилиндрикоконической керамикой.

За пределами рва расположена вторая часть городища, также защищенная с трех сторон рвами, однако ее граница с северо-восточной стороны неясна, так как здесь (как впрочем на всей поверхности городища) располагается кладбище.

В южной части крепости был заложен стратиграфический шурф 2x2,5 м, приспособленный к краю вырытой здесь современной траншеи. В нем были зафиксированы три культурных разновременных слоя. Первый слой от дневной поверхности, толщиной 50 см, рыхловатой структуры датируется по найденной керамике кушанским временем — I-II вв. н. э.

Второй слой уплотненной земли, толщиной 50x56 см, датируется, вероятно, постахеменидским временем, так как найденные в слое фрагменты керамики по цвету ангоба, форме венчи-

План Шортена. Съемка Э. Ртвеладзе.

ка (но более плавных очертаний) и форме стенок сосудов близки к так называемой ахеменидской керамике.

Третий слой представлен разнохарактерными по содержанию и структуре заполнениями большого полуподземного жилища с заваленными углами, вырытого в плотном материковом грунте. Ширина его 1,8-1,9 м по оси запад-восток и 1,1 м по оси север-юг, т. е. это было достаточно большое жилище, т. к. в шурфе выявлен только юго-западный его угол, а остальная часть разрушена траншеей.

Заполнение жилища представлено слоями и прослойками органики, плотной и рыхлой землей с угольками, а также тремя уровнями полов. Здесь найдены фрагменты керамики от больших и малых сосудов цилиндрической формы, типичной для VI-IV вв. до н. э.

Таким образом очевидно, что основной период обживания Шортена приходится на ахеменидское время, а его запустение — на конец IV в. до н. э. И связано это, видимо, как и в случае со многими другими поселениями ахеменидского времени, с похода-

Шортена. Пов.

и Александра Македонского. Судя по небольшой мощности боя и его насыщенности, поселение продолжает существовать не какое-то время спустя этих походов, но затем надолго приходит в упадок. Это связано с тем, что в 0,5 км к востоку от Шортена при селевкидах для охраны переправы через Окс была возведена новая крепость — Кампыртепа-Пандахейон.

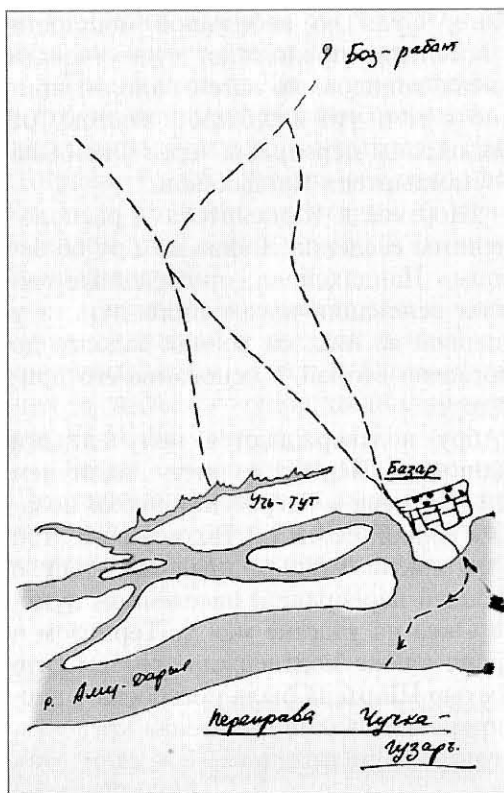
Так как обе крепости — Шортена и Кампыртепа — расположены рядом, то к ним применимы сведения Хафиз-и Абру об основании «греческой переправы» Пандахейона, приведенные выше. Им изложены две версии основания населенного пункта у этой переправы. Согласно первой из них, он возник задолго до македонского завоевания, согласно второй — основание его приписывается именно Александру.

Обе версии Хафиз-и Абру подтверждаются полученными сейчас археологическими данными. Первая из них — наличием здесь ахеменидской крепости Шортена и погребения эпохи поздней бронзы, обнаруженного в южной ее части. Возможно в этой местности нашли отражение отголоски старых представлений о «Пандахейоне» как о древнейшей переправе и населенном пункте при нем на правобережье Окса на участке между Термезом и Делифом. Но и вторая версия также подтверждается тем, что рядом с ахеменидской крепостью Шортена была построена в эпоху Александра близкая ей по времени эллинистическая крепость, получившая греческое название «Пандахейон». Наличие этих крепостей рядом друг с другом воспринималось как одно поселение, но каковой причине Хафиз-и Абру и привел сведения о них как о едином целом.

Переправа Чушка-Гузар

Находится в 30 км к западу от Термеза. Рекогносцировку в районе этой переправы мне удалось провести в том же 1972 г., когда было открыто Кампыртепа, однако она не дала никаких либо существенных результатов в отношении археологических памятников, за исключением нескольких фрагментов средневековой керамики. Вместе с тем нельзя не учитывать факт наличия всего лишь в 20 км прямо на север от этой переправы, поселения эпохи бронзы Сапалитепы, а на юг — главной дороги на Бактры и в древнеземледельческие оазисы эпохи бронзы в Южной Бактрии.

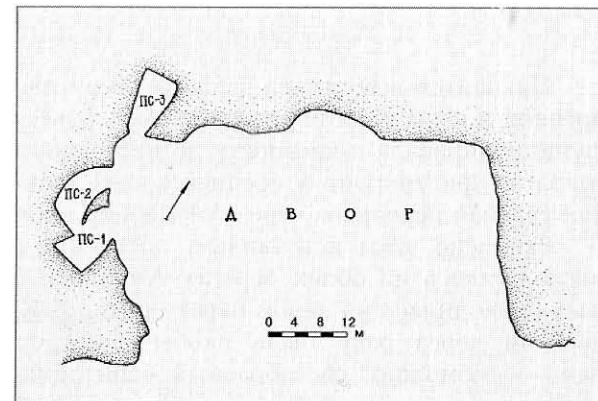

Переправа Чушка-Гузар.
План. Конец XIX в.

Поэтому не исключено, что переправа Чушка-Гузар была одной из тех переправ, через которую в эпоху бронзы часть населения Южной Бактрии мигрировала на правобережье Амударьи.

Переправа Кара-Камар

Расположена в 45 км от Термеза на запад. Упомянута Н. А. Маевым и В. Быковым, обследована мною в 1973 году. У самой переправы никаких археологических памятников обнаружено не было. Однако, в районе одноименного заброшенного кишлака, находившегося в нескольких километрах от переправы мною были подняты несколько фрагментов керамики кушанского времени. К тому же, недалеко от этой переправы, в 3 км к северо-востоку находится пещерный комплекс, где были найдены бактрийские, греческие и две латинские надписи, относящиеся к первым векам н. э., а также арабские надписи эпохи средневековья⁴⁷. Это позволяет говорить о функционировании данной переправы как в кушанское, так и в более позднее время.

Кара-Камар.
План митреума.

Кара-Камар.
Общий вид.

Латинская
надпись.
Кара-Камар.

Переправа Келиф

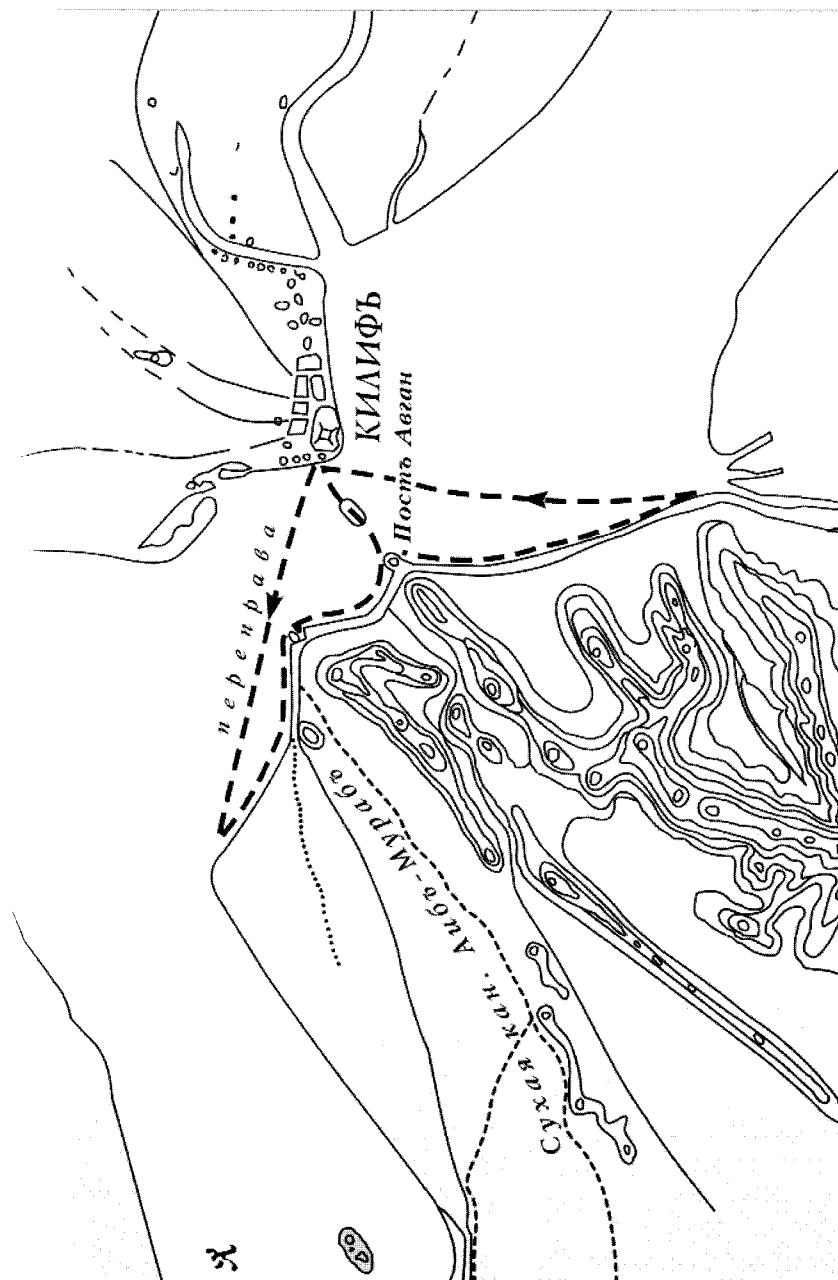
Находится в 60 км на запад от Термеза. Это одна из самых древних и известных переправ на Амударье, которая непрерывно функционировала с древности до настоящего времени. Она многократно фигурирует в средневековых письменных источниках как главная переправа через Амударью, наряду с Термезской⁴⁸.

Согласно этим источникам, поселение на месте переправы располагалось на обоих берегах Амударьи, причем главная его часть находилась на левом берегу реки. В X веке между обеими частями через реку была якобы переброшена металлическая цепь — возможно, своеобразный «понтонный» мост, сооруженный из лодок и плотов⁴⁹.

До XIII в. основную роль на этой переправе играл левобережный Келиф, который ас-Самани называет неприступной крепостью. В нем находилось множество зданий, а недалеко от него высокая гора окружностью в 8 фарсахов с изобилием воды и великолепных пастбищ на ее вершине.

В конце XVII века левобережный Келиф приходит в упадок, что связано с постепенно приходящим в негодность каналом Фахир — кстати единственным каналом, выведенным из Амударьи на всем ее протяжении вплоть до Хорезма.

С этого времени начинается возвышение правобережного Келифа, где проживали лодочники — кимэчи и находилась главная таможня Бухарского ханства, взимающая налоги за перевоз людей и грузов на левый берег Амударьи. Келифская переправа, также связана с именем Александра Македонского. В X веке, согласно письменным источникам, на левом берегу находился рабад, посивший его имя. А Хафиз-и Абри пересдал легенду, повествующую о кладе, зарытом в Келифе Александром Македонским, который впоследствии безуспешно пытались найти местные жители⁵⁰. Археологические раскопки на территории как афганского, так и туркменского Келифа до сих пор не проводились, хотя, в отличие от Афганского Келифа, Туркменский Келиф дважды обследовался археологами. Во второй половине 70-х годов его обследовал археолог В. Н. Пилишко, согласно которому на месте городища Келиф им были найдены слои кушанского времени⁵¹. В 80-х годов кратковременное обследование ее калы было совершено мною, причем у подножья калы на ее склонах были найдены фрагменты керамики типичной для

Переправа Келиф. План. Конец XIX в.

III-II вв. до н. э. Никаких фрагментов керамики ахеменидского времени здесь пока не отмечено.

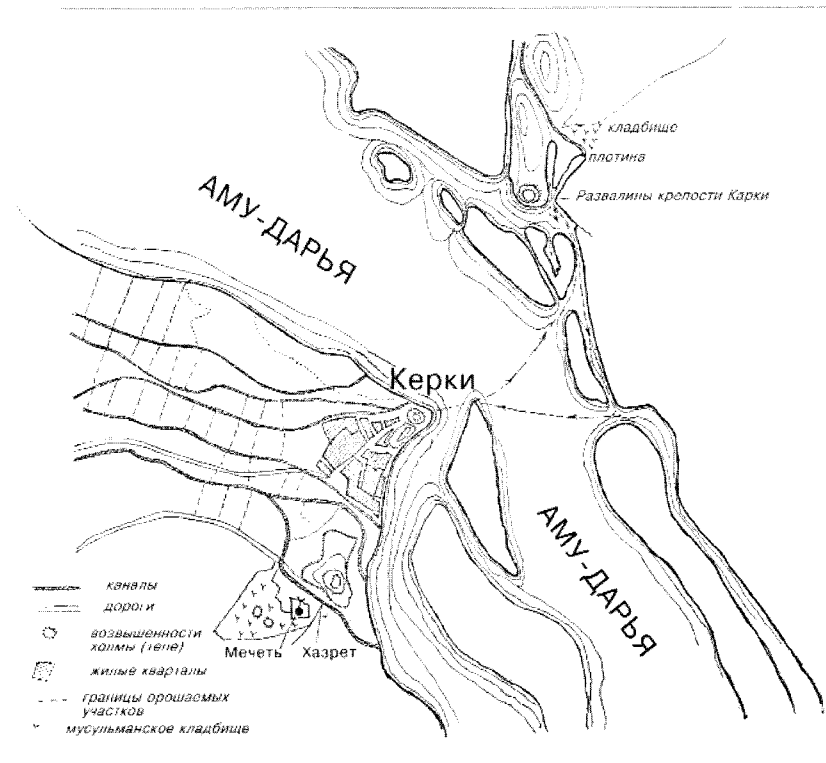
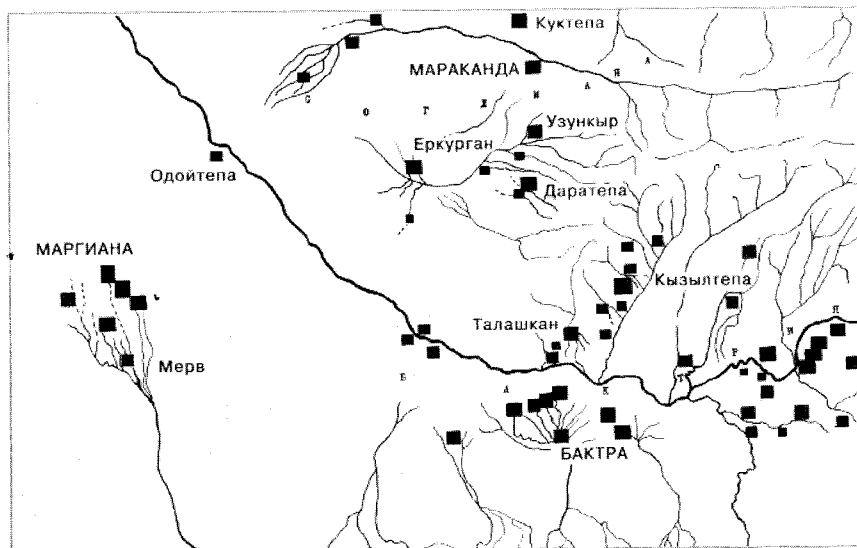
Наличие культурного слоя ахеменидского времени зафиксировал В. Пиллико при раскопках крепости Керки, расположенной у одной из главных переправ через Амударью, по дороге ведущей из Маргианы в Согд и Бактрию⁵².

Таким образом, у всех известных переправ через Амударью в пределах крайнего юга Узбекистана и юго-восточного Туркменистана только у переправы Шуроб в ахеменидское время, т. е. V-IV в. до н. э., имела мощная крепость, охранявшая как дорогу к ней, так и саму переправу.

Отсутствуют подобного рода сооружения и при переправах через Амударью в Южном Таджикистане — при Айвадже, Кокумской переправе и других.

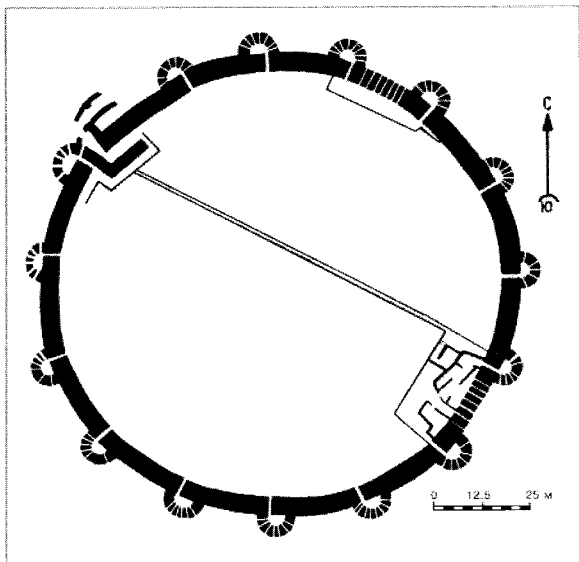
Собственно крепость Шортепа при переправе через Амударью является единственной крепостью V - кон. IV вв. до н. э. на всем ее протяжении от верховьев Амударьи до Керки. Это со всей очевидностью показывает, что ахеменидская администрация Бактрии, возводя грозную крепость именно возле этой переправы, придавала ей особо важное значение.

Археологические памятники юга Среднеазиатского Двуречья ахеменидского времени (по А. С. Сагдуллаеву).

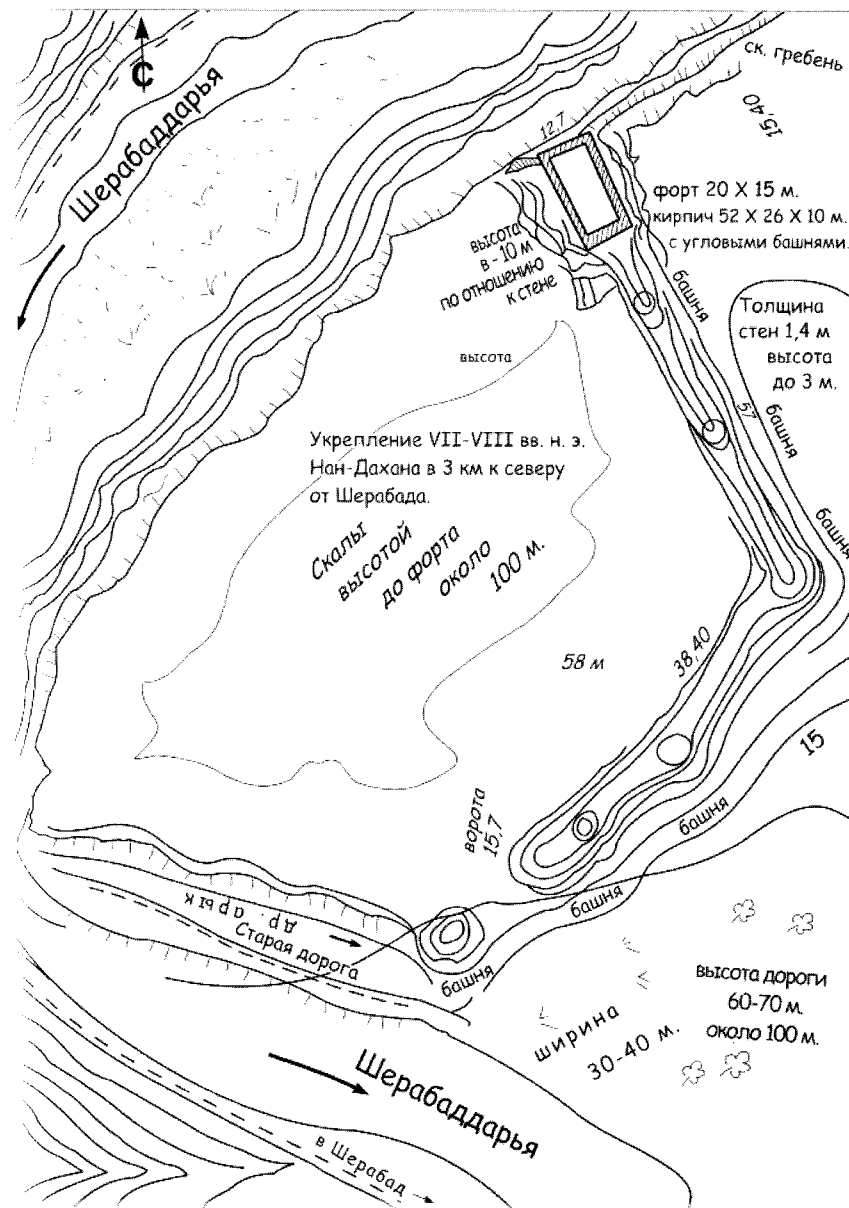
План г. Керки. Конец XIX в.

Исходя из этого можно считать, что именно здесь проходила главная дорога в столицу Бактрии — город Бактры, в свою очередь, соединявшая в ахеменидское время две основные сатрапии — Бактрию и Согдиану. Если следовать с юга, то она начиналась в Афрах, следовала через Алтыштепа (Аорн), переправу через Окс Шортепа, затем через мощную крепость Талашкантепа выходила из крепости Кафиркала у Шерабада, а затем по Шерабадарье через Железные ворота (в районе которых находилась крепость Симитра) следовала на север, пересекая реку Кичи-Ура-Дарью, где находится поселение V-IV вв. до н. э. Бай-курган, в Наутаку и отсюда в столицу Согда — Мараканду. Почти на всем протяжении этой дороги имеются поселения ахеменидского времени, часть которых выполняла функции крепостей у переправ (Шортепа) и в горных проходах (Кафиркала и скала Симитра).

Талашкентепа. План
(по Ш. Шайдуллаеву).

Крепость Нондахана у Шерабада.

Крепость Нондахана (Тавка-курган).
План. Съемка Э. Ртвелидзе 27 сентября 1987 г.

Такого рода «сторожевые посты» весьма характерны для Ахеменидского государства. Согласно Геродоту, описывавшему дорогу от Эфеса до Суз, «сторожевые посты» сооружались на границах между областями, в горных проходах и у речных переправ. Они описаны также Ксенофонтом и Диодором⁵³. По-видимому, подобного рода «сторожевым постом», при главной в то время переправе через Окс, было Шортена. И еще одно. Согласно античному источнику, из последнего похода в Согдиану, после взятия скалы Хориена, Александр «двинулся в Бактрийскую землю, прошел мимо какой-то крепости и переправился через реку Окс». Сейчас становится очевидным, что этой крепостью могла быть только Шортена, так как никаких других крепостей на этом участке Окса не имеется.

Попытка Ш. Пидаева связать эту крепость с цитаделью Старого Термеза не оправданна, так как здесь не обнаружено никаких крепостных стен ахеменидского времени, а только небольшой культурный слой якобы начала IV в. до н. э.⁵⁴

И еще одно важное обстоятельство. Арриан писал, что Бесс при своей переправе через Окс приказал сжечь все суда, находившиеся на ней (Арриан, III, 28). А это говорит о том, что это была постоянно действующая переправа, при которой непременно должно было быть поселение, где проживали лодочники, как это имело место, к примеру, в средневековье⁵⁵. Подобного рода поселение — Шортена — имеется только у переправы Шуруб.

Таким образом, анализ всех данных показывает, что первая переправа, перейдя которую Александр Македонский вторгся в Трансоксиану равно как и последняя его переправа через Окс, посредством которой он навсегда покинул ее территорию, находилась на участке этой реки между Кампыртепа и Шортена. В позднее средневековье эта переправа называлась Шуруб.

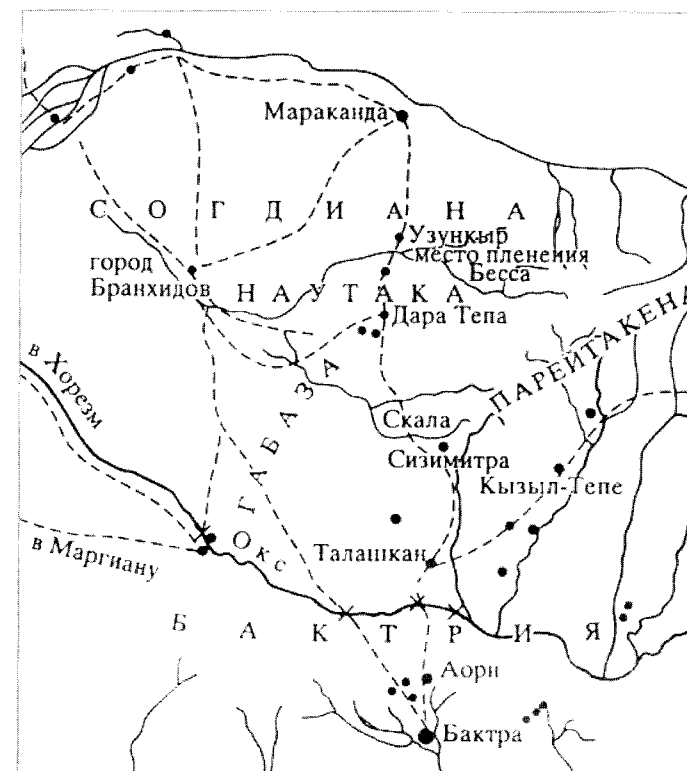
4. Путь от Окса к Мараканде. Место пленения Бесса. Город Бранхидов

Прежде чем перейти к локализации этих двух населенных пунктов в общих чертах охарактеризуем события произошедшие после переправы войск Александра Ма-

кедонского через Окс. Основной целью похода на данном этапе являлось пленение Бесса, который, согласно Арриану, за месяц до Александра, перейдя Окс вместе со своими соратниками Дариферном и Спитаменном, ушел в согдийскую область Наутака. Перепитии пленения Бесса и роль в этом Спитамена неоднократно обсуждались учеными; нас же прежде всего интересует вопрос историко-географического характера, где находился городок Бранхидов и селение, в котором был пленен Бесс?

Северная Бактрия и Южный Согд в эпоху Александра Македонского.

Согласно Арриану, сведения которого почерпнуты у Птолемея, Александр, перейдя Окс, вначале «спешно направлялся туда (т. е. в Наутаку — Э. Р.), где по его сведениям, находился

Бесс с войском» (Арриан, III, 29). Однако, получив известие от Спитамена и Датаферна о содержании у них под стражей Бесса и возможности выдачи его отряду Александра, он дал основному войску передышку.

Для захвата Бесса им был послан довольно значительный отряд, состоящий из конницы и пехоты под начальством Птолемея, который за четыре дня прошел путь, на преодоление которого обычно затрачивалось десять дней, и прибыл в Паутаку. Здесь Птолемей узнал о том, что Спитамен и Датаферн вовсе не стремились выдать Бесса, а просто покинули его в селении и ушли с основным войском. Тогда Птолемей оставил пехоту, а сам, с конницей добравшись до селения, объявил жителям его, чтобы они сдали Бесса. Жители селения впустили Птолемея с отрядом в селение, которое, по словам Арриана, было окружено стеной с воротами, где он, пленив Бесса, направился к основной армии Александра Македонского (Арриан, III, 29-30). Такова основная канва событий связанных с движением Александра Македонского от Окса в Согдиану. Эти события, так же как и ряд деталей географического характера, по-разному изложены у Арриана и Квинта Курция Руфа. Несколько нарушая их порядок, обратимся в начале к локализации города Бранхидов.

Эпизод с городом Бранхидов ряд древних авторов упоминает в связи с военной компанией Александра Македонского в Бактрии и Согдиане. Но наиболее подробно его описал Квинт Курций Руф, согласно сведениям которого, Бесса, после пленения, привели к Александру, после чего армия Александра достигла «небольшого города, населенного Бранхидами». Далее Квинт Курций Руф объясняет: «Некогда по приказанию Ксеркса, возвращавшегося из Греции, они переселились из Милета на это место в качестве изгнанников, ибо в угоду этому царю осквернили храм, называемый Дидимсон. Они еще не забыли обычаев предков, но говорили на смешанном языке, постепенно отвыкнув от родного. Они приняли царя с радостью и сдались ему со всем городом. Но тот велит созвать милетцев, служивших под его знаменами. Милетцы питали издавна ненависть к роду бранхидов за измену. Поэтому царь предоставил милетцам решить их судьбу, учитывая как их вину, так и общее с ними происхождение. Так как мнения милетцев разделились, Александр заявил, что сам подумает, как лучше поступить. Когда они пришли к нему на следующий день, они велит Бранхидам следовать за ним. Подойдя к городу, он вступает в ворота в сопровож-

дении легко вооруженного отряда. Фаланга получает приказ — окружить городские стены и по сигналу разграбить город, убившие изменников, а их самих перебить до единого. И вот по всюду избиваются безоружные, и не могут смягчить жестокости врагов ни мольбы, ни священные покрывала, взывающие к ним на общем языке. Наконец, чтобы от города не осталось следа, стены его разрушаются до самого основания. Не только вырубают, но даже выкорчевывают деревья в священных рощах и лесах, чтобы на этом месте была обширная пустыня с бесплодной землей, лишешпой даже корней деревьев»⁵⁶.

Вопрос о достоверности этого эпизода и локализации города Бранхидов был поднят в исторической науке уже давно. Еще в 1880 г. С. Бил проанализировал сведения о Бранхидах в специальной статье, где, однако, не рассматривался вопрос о точной локализации города⁵⁷. Пожалуй, первым исследователем, который коснулся этого вопроса, был Ф. Шварц, локализовавший город Бранхидов в районе Келифа⁵⁸.

И в последующем многие исследователи, описывая поход Александра Македонского в Бактрию и Согдиану, как правило, затрагивали вопрос о городе Бранхидов. Причем мнения исследователей о нем разделились. Одни считали этот эпизод недостоверным. К примеру, В. Тарн полагал, что весь он придуман Каллисфеном, а на самом деле у Александра не было никаких встреч с Бранхидами⁵⁹. Другие исследователи, напротив, считали, что сообщение древних авторов о городе Бранхидов в Средней Азии заслуживает полного доверия, и даже делали определенные исторические выводы из этого факта: В. Б. Хэд⁶⁰, К. В. Тревер⁶¹, А. К. Нарайн⁶², Ф. Кауэр⁶³, Х. Раулинсон⁶⁴, К. Классен⁶⁵, И. Зайберт⁶⁶, Э. Босворт⁶⁷. Свое суждение по этому поводу в начале 60-х годов высказал и Б. А. Литвинский: по его мнению, вопрос о существовании города Бранхидов в Средней Азии остается открытым⁶⁸.

В последние десятилетия так же появились статьи, посвященные Бранхидам. В частности, П. Бернар весьма обстоятельно изучил вопрос о городе Бранхидов в Средней Азии и аргументировано опроверг мнение В. Тарна, доказав историчность сведений греко-римских источников о пребывании Бранхидов в Согдиане⁶⁹. Еще более полный анализ этих источников, с привлечением археологических и эпиграфических данных, провел И. Р. Пичикаш. Его вывод таков: анализ этих источников полностью подтверждает существование в Согдиане или Бактрии

города Бранхидов, а некоторые детали рассказа Курция Руфа (например, поголовное истребление жителей города) — одно из преувеличений, нередко встречающихся у данного автора, вызванное желанием очернить Александра. Согласно И. Р. Пичкиану, жреческий род Бранхидов продолжал существовать в Средней Азии и позднее⁷⁰. Мы согласны с этим выводом, и к аргументации И. Р. Пичкиана хотели бы добавить только одно соображение. Отсутствие данного сюжета в рассказе Арриана не может служить доказательством его легендарности. Уже давно исследователи обратили внимание на значительные лакуны в рассказе Арриана о среднеазиатском этапе похода Александра⁷¹.

Однако признание реальности существования города Бранхидов в Средней Азии, пребывания там Александра, каких-то мер, предпринятых им по отношению к жрецам и т. д., естественно, требует решения вопроса о локализации этого города. К сожалению, данный вопрос не имеет сейчас убедительного решения. Большинство авторов, признающих аутентичность сообщения Курция Руфа, даже не ставят вопроса о локализации города Бранхидов. Только немногие предлагают свои решения, но они носят слишком общий характер. Так, И. Р. Пичкиан помещает его на границе между Бактрией и Согдианой⁷², А. К. Парин — между Балхом и Самаркандом⁷³, П. Бернар — в Согдиане⁷⁴. Только Ф. Шварц предлагает более узкую локализацию — в районе Келифа⁷⁵. Однако эта локализация, как и подавляющее число иных его историко-географических предположений не заслуживает внимания⁷⁶.

Впервые отождествление города Бранхидов с конкретным древним городищем было предложено мною в начале 80-х годов. Я предполагал, что этим городом могло быть городище VI-IV вв. до н. э. Талашкаптана, расположенное в 30 км к северу от Амударьи в Сурхандарьинской области Узбекистана, т. е., на территории Северной Бактрии⁷⁷. Однако это мнение, как представляется мне сейчас, ошибочное. Археологические раскопки, проведенные на этом городище, показали отсутствие каких-либо следов эллинской культуры, которые можно было бы ожидать, если бы здесь находился город Бранхидов — жрецов храма Аполлона⁷⁸. В связи с этим я пересмотрел все полученные в последние годы археологические материалы Северной Бактрии и Южного Согда, сопоставив их с результатами моих маршрутных исследований в Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областях Узбекистана и данными античных источников.

Обратимся вначале к сообщениям Курция Руфа, сопоставив их со сведениями Арриана, хотя у последнего и нет эпизода с Бранхидами, но у того и другого все события происходили между Оксом и Маракандом. Схема последовательности этих событий по Курцию Руфу (VII. 5. 1-6. 10) такова: поход из Бактры через пустыню, переправа через Окс — лагерь на берегу Окса — преследование Бесса — заговор против Бесса и его пленение — движение к городу Бранхидов и его разрушение — привод Бесса в лагерь Александра — отсюда движение к Мараканде, до которой Александр и его войско дошли на четвертый день. Схема событий по Арриану (29. III. 29-30): поход из Аорна к Оксу — переправа через Окс — лагерь на берегу Окса или неподалеку от него — преследование Птолемея Бесса, прошедшего обычный 10-дневный маршрут за четыре дня, — пленение Бесса в селении, окруженном крепостными стенами с воротами, привод Бесса к Александру, который с основной армией шел навстречу Птолемею, — отсюда в поход в Мараканду.

Город Бранхидов в этой цепи событий, по Курцию Руфу, был захвачен Александром после пленения Бесса и привода его в лагерь Александра, который располагался уже далеко от Окса, поскольку армия Александра продвинулась, возможно, на север от этой реки. По Арриану, Бесс был пленен Птолемея в небольшом селении в области Наутака, а затем был доставлен к песочному месту, которого достигла армия Александра по пути от Окса на север. Следовательно, город Бранхидов должен был находиться или в самой Наутаке или вблизи нее — к югу или юго-западу. Локализация Наутаки в восточной части Кашкадарьинского оазиса, предложенная еще в конце XIX в., сейчас подкреплена археологическими данными⁷⁹. Именно здесь в предгорных районах с небольшими речками выявлено более 20 поселений первой половины — начала второй половины I тыс. до н. э., которые группируются в пяти районах: Кайрагачском, Гульдарьинском, Шуробсайском, Танхоздарьинском, Кызылдарьинском. Среди них имеются и укрепленные крепостными стенами или земляными валами поселения, такие, как крепость-цитадель Сениртена с двумя рядами стен площадью 3 га, крупная крепость Узункыр, занимающая большую площадь, несколько поселений с земляными валами, но без следов внутренней застройки⁸⁰. Вполне вероятно, что в одном из этих селений и был пленен Бесс. Имея в виду описание Арриана (селение, окруженное стенами с воротами), можно предположить, что это Узункыр

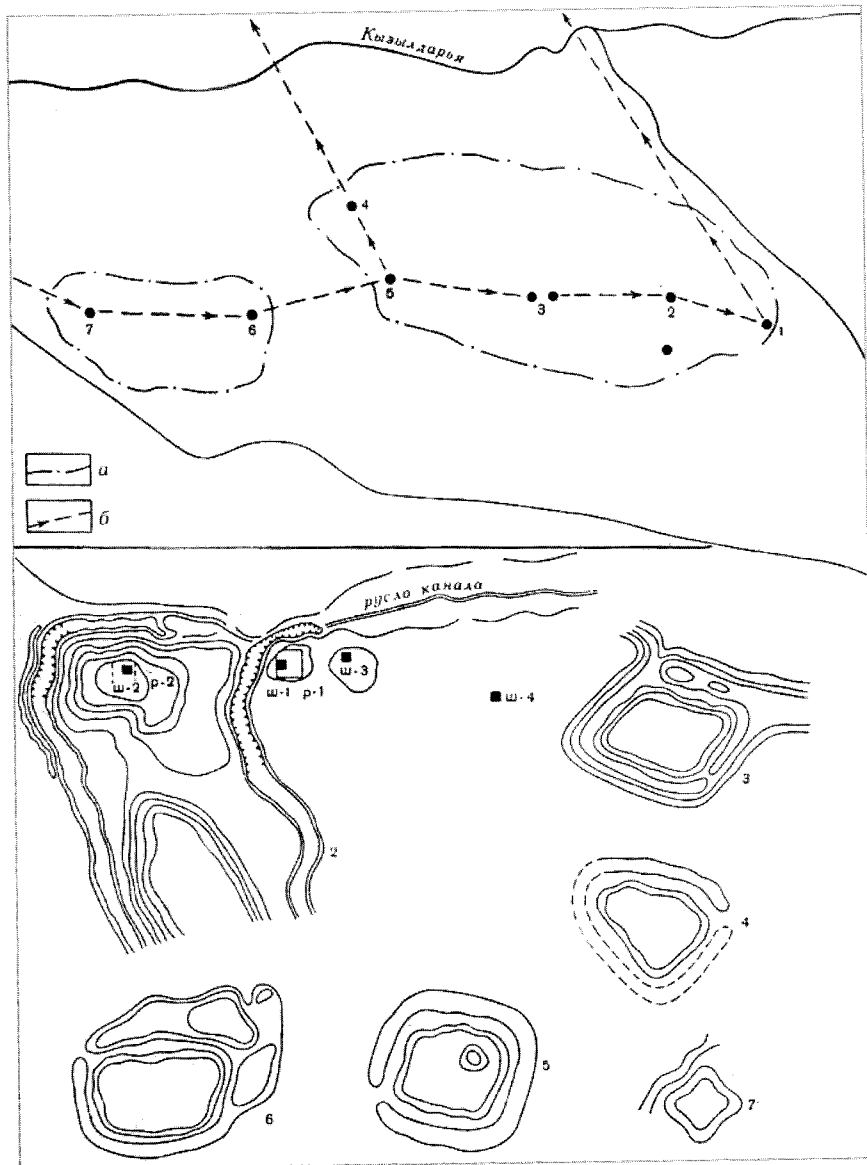
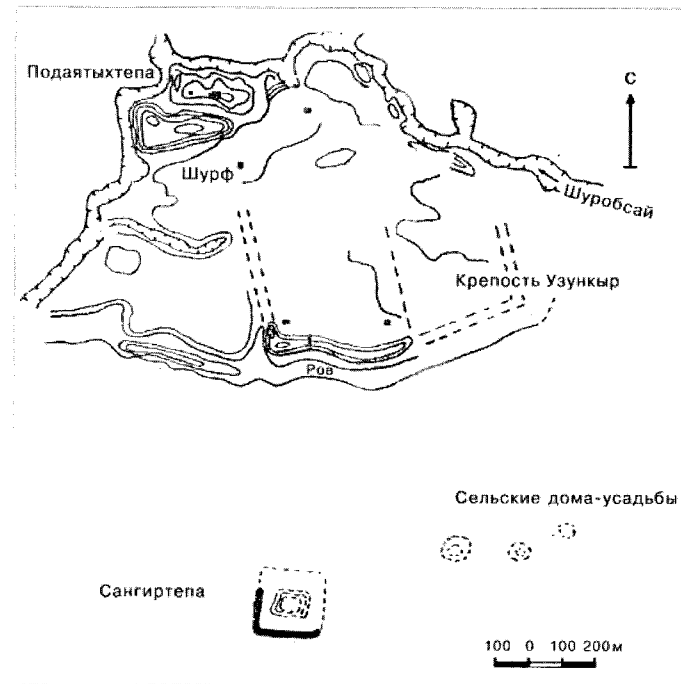
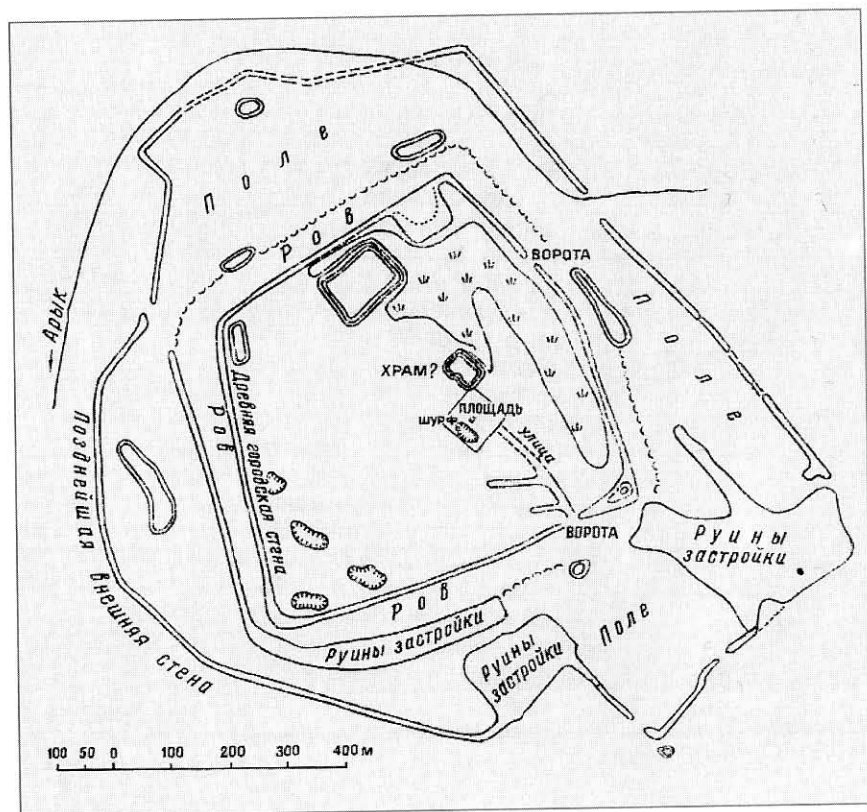

Схема расположения и планы поселений Кайрагачского и Гульдарьинского культурно-хозяйственных районов: 1 – Кайрагачтепа; 2 – Даратепе; 3 – Тутрбурчактепа; 4 – Самантепа; 5 – Кузатепе; 6 – Курганча; 7 – Бешкутантепа а) – границы оазисов; б) – древние пути.
(По А. С. Сагдуллаеву).

Поселения Шуробсайского оазиса. Узункыр, Сангиртепа.
(По А. С. Сагдуллаеву).

или Сенгиртепа, расположенные неподалеку друг от друга. Вероятно, отсюда отряд греко-македонских войск после пленения Бесса двинулся навстречу основной армии Александра, которая продвигалась от Окса. Если бы этот отряд отправился из Наутки сразу на юг, то он попал бы в горные районы, которые простираются от Кашкадарьи до Сурхандарьи на протяжении более 150 км и в которых всего лишь одно поселение ахеменидского времени – Бай-Курган. Следовательно, Птолемей пошел на запад и встретился с Александром, доставив ему плененного Бесса, где-то в западной части современной Кашкадарьинской области, где одни ученые локализуют Ксепишну, а другие – Наутаку. В западной или, точнее, юго-западной части современной Кашкадарьинской области выявлено всего лишь два поселения середины - начала второй половины I тыс. до н. э. Это небольшое укрепленное поселение Караултепа и крупное городище Ер-Курган, укрепленное уже в то время крепостными стенами⁸¹.

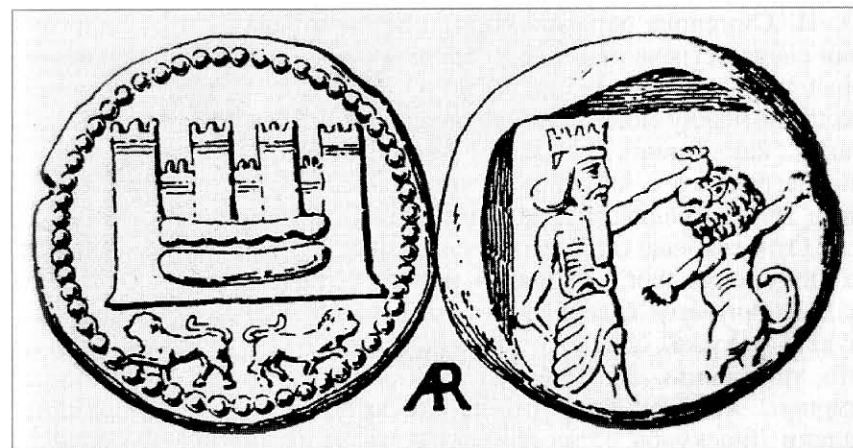

Городище Ер-Курган. План.
Съемка Н. Васецкого и Э. Ртвеладзе 10 июня 1966 г.

Очевидно, таким образом, исходя из направления движения обеих армий Александра, Ер-Курган более всего может претендовать на отождествление его с городом Бранхидов. Но не только эти соображения указывают на такую локализацию, имеется и ряд косвенных археологических данных, возможно, позволяющих подтвердить это. А именно — весьма интересна найденная при раскопках храма II-III вв. на Ер-Кургане глиняная мужская голова с продолговатым подбородком, полными губами и прямым длинным носом; глаза, зрачки и брови переданы черной и красной красками⁸². Эта находка, не имеющая аналогов в скульптуре древней Средней Азии, обладает определенным сходством с архаической греческой скульптурой. Я понимаю всю условность

Монеты Кеша. III-VI вв. н. э.

Монета Сидона. IV в. до н. э. Прорисовка.

подобного сопоставления, но сохранение в условиях изоляции от метрополии весьма древних черт культуры и искусства у небольших коллективов — явление достаточно широко распространенное и зафиксированное неоднократно. Не является ли эта скульптурная голова частным примером подобного феномена?

Есть и другое обстоятельство, на которое следует обратить внимание. В III-VI вв. н. э. в долине Кашкадарьи, особенно в районе Ер-Кургана чеканились бронзовые монеты с изображени-

ем головы правителя на аверсе и героя, поражающего мечом ставшего на задние лапы льва или чудовища, на реверсе. По поводу интерпретации данных монет и чтения имеющихся на них легенд высказан ряд предположений⁸³. В частности, в науке, на основании того, что находки этих монет были сделаны преимущественно в области Нашхеба, за ними утвердилось название «нашхебских монет». Однако, это неправомерно, поскольку данное название в письменных источниках зафиксировано только для VII в. н. э., начало же чеканки монет относится к II–IV вв. н. э., а легенда читается как *kšn'k mry* — «кешский царь» или «царь Кеша», что связано с политической гегемонией кешских правителей над всей территорией Южного Согда. Наличие же на реверсе этих монет древнейшего сюжета сцены единоборства героя с чудовищем или львом вызвало у исследователей области недоумение, поскольку ни в Средней Азии, ни в сопредельных областях подобного сюжета на древних монетах не отмечено. Только О. И. Смирнова обратила внимание на тот факт, что аналогичная сцена встречается на серебряных монетах ахеменидских сатрапов Тарса в Киликии⁸⁴ (рис. 4). Она указала и на другие параллели между монетами Средней Азии и областей Малой Азии, таких, как Ликия, Киликия и Кария, заметив при этом, что решение вопроса о проникновении малоазиатских традиций монетного дела в среднеазиатское монетное дело «стоит на очереди»⁸⁵.

Отметим еще один интересный факт. Из Ер-Кургана происходит уникальная серебряная монета с греческой легендой. Начало ее читается совершенно определенно — ΔΙΟΥΣ, последующие буквы — хуже, однако и этого достаточно для предположения, что это монета, выпущенная местным правителем с греческим именем. Укажем еще, что на оборотной стороне изображены шапки Диоскуров — так же чисто греческий символ. По определению автора книги монета должна относиться к II–I вв. до н. э.⁸⁶

О длительном сохранении в Южном Согде — Наутаке стойких эллинских традиций свидетельствует и чеканка в I–III вв. н. э. серебряных монет с изображением Геракла и Зевса. Высказанное Е. В. Зеймалем в осторожной форме предположение о выпуске их здесь⁸⁷, сейчас подтверждается как отдельными находками, так и кладом этих монет (более 100 экз.), случайно обнаруженным у кишлака Талимарджан по пути от Нахшаба к Амударье. Примечательно, что из всех известных нам многочисленных эмиссий монет в Согде и Хорезме только в Бухаре и Южном Согде сохраняются в монетной иконографии изобра-

жения эллинских божеств: на монетах Бухары — Геракла, на монетах Южного Согда — Геракла и Зевса. Взятые сами по себе, вышеприведенные данные не были бы столь интересны, но в свете предложенной нами локализации на месте Ер-Кургана города Бранхидов они приобретают важную историческую значимость.

*Ер-Курган (город Бранхидов).
Восточный угол городища.*

И. Р. Пичикян показал длительную историю рода Бранхидов — жрецов храма Аполлона Дидимского в Милете, продолжавшего играть важную роль еще в первые века нашей эры. Он так же обратил внимание на то обстоятельство, что культ Апол-

Джамская дорога. Памятник русским воинам 1881 г., умершим при подготовке похода в Индию.

лона Дидимского существовал в Согдиане и после якобы полного истребления Александром Бранхидов⁸⁸. Об этом свидетельствуют алтари Аполлону Дидимскому, установленные селевкидским полководцем Демодамом за Яксарт - Сырдарьей в первой половине III в. до н. э. (Plin. NH. VI. 18) и найденные в кушанских слоях Дильберджинтепа дипинти Бранхидов⁸⁹. Не исключено, что род согдийских Бранхидов сохранялся еще продолжительное время и восстановил свои связи с родиной, в частности, через милетцев, пришедших в Среднюю Азию с Александром Македонским и поселившихся здесь.

На живучесть древних малоазийских эллинских традиций указывают вышеприведенные археологические и нумизматические данные, они же служат подтверждением предложенной нами локализации города Бранхидов на месте городища Ер-Курган.

И, наконец, еще одно обстоятельство: согласно Курцию Руфу, от города Бранхидов или некоего места вблизи него войска Александра дошли до Мараканды на четвертый день. От Самарканды до Карши, вблизи которого расположено городище Ер-Курган, 120-130 км удобной степной дороги, следующей через Джам и Сарыкуль вдоль канала Эски-Анхор. Данное расстояние соответствует обычному дневному переходу в 5-6 фарсахов, то есть 30-35 км, согласно арабо-персидским средневековым дорожникам. Эта дорога, согласно исследованию С. К. Кабанова⁹⁰, интенсивно использовалась в древности и средневековье, что было выявлено так же и в результате маршрутных поездок отряда

КАТЭ во главе с М. Е. Массоном в 1964-1965 годах, в которых принимал участие и автор данной статьи. Эта дорога была традиционной для военных походов. Путь из Самарканды в Карши использовали и русские войска, о чем свидетельствует памятник у Сарыкуля русским солдатам, умершим от болезней во время подготовки похода в Индию. Согласно съемке топографа Петрова в начале 70-х годов XIX в., путь от Самарканды до Джама укладывался в два дневных перехода. Далее он соединялся с дорогами, идущими на Карши и Чиракчи⁹¹. По другим источникам того же времени, путь от Джама до Карши — 60-65 км — занимал два дневных перехода, а вся дорога от Самарканды до Карши — четыре дня.

Таким образом, и более поздние топографические данные о времени, затрачиваемом на переход из Самарканды в Карши, совпадают с сообщением Курция Руфа о движении войск Александра в Мараканду, тем самым подтверждая локализацию города Бранхидов на месте городища Ер-Курган.

Примечания:

¹ Кошеленко Г. А. *Греческий полис на эллинистическом Востоке*. М., 1979. С. 144-145.

² Там же. С. 143. Массон В. М., Рамонин В. А. *История Афганистана*. т.1. М., 1963. С. 86;

Tarn W. W. *The Greeks...* P. 96; Holt F. *Alexander ...* P. 20, 24.

³ Mc. Crindle J. W. *The Invasion of India by Alexander the Great*. Westminster. 1893, P. 331.

⁴ Риттер К. *Кабулистан и Кафиристан*. Перевел с приво-сокуплением критических примечаний и дополнил по источникам Григорьев В. В. СПб., 1867. С. 77-101, 521.

⁵ Там же. С. 733-736.

⁶ *Бабур-наме*. Ташкент. 1959. С. 140.

⁷ Бартольд В. В. *Туркестан в эпоху монгольского завоевания*. Соч. т.1, М., 1963. С.117.

⁸ Schwarz F. *Alexanders.....* P. 28.

⁹ Kaerst F. *Ceschichte des Hellenismus*. Bd.1, 3. Lps.-Berlin, 1927. S. 432.

¹⁰ Tarn W. W. *Alexander. The conquest of the Far East* // САН, VI, 1933. P. 391.

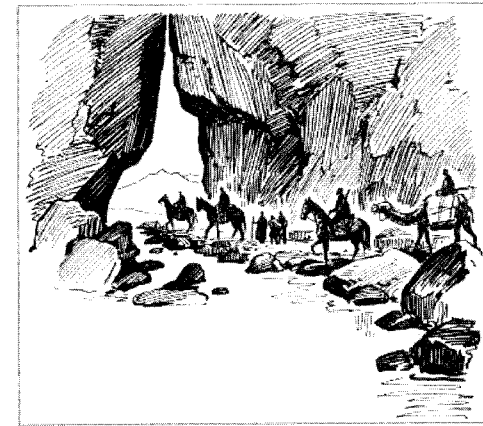
¹¹ Carl I. *Fouilles dans le site de Shahri-Banu et sondages an Zaker-tepe*. // MDAFA. №8, 1959. P. 59-73.

- 12 Ahmed S. S. *Geography of Bactria in Greek Sources. // Afghanistan. V. 20. № 4. Cabul, 1968. P. 32.*
- 13 Гумбах Г. *Птолемей и Центральная Азия в кушанскую эпоху. // В кн. Центральная Азия в кушанскую эпоху. т. II, М., 1975. С. 74.*
- 14 Ставиский Б. Я. *Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977. С. 91-92.*
- 15 Гумбах Г. *Указ. соч. С. 75.*
- 16 Fischer K. *Preliminary notes on some ancient remains at Qunduz. // Afghanistan. V. 16. № 1, Cabul, 1961. P. 12-16;*
- Idem. Gand-harian sculpture from Qunduz // Artibus Asiae. V. 21. № 3-4, 1958. P. 231-253.*
- 17 Ртвеладзе Э. В. *К характеристике памятников Сурхандарьинской области ахеменидского времени. // СА № 2, 1975. С. 261-265.*
- 18 Григорьев В. В. *Указ. соч. С. 49, 762, прим. 28.*
- 19 Wilson H. H. *Ariana Antiqua. London, 1841. P. 192.*
- 20 Кругликова И. Т. Сарияниди В. И. *Пять лет работы Советско-афганской археологической экспедиции. // Древняя Бактрия. М., 1976. С. 9-12.*
- 21 Ртвеладзе Э. В. *О местонахождении бактрийского города Аорна. // ВДИ, № 1. 1982.*
- 22 Droyzen I. *Alexander der Crossen. Zuge durch Turan. // RMP. 1834. P. 84.*
- 23 Кастальский Б. Н. *Историко-географический обзор Сурханской и Шерабадской долины. // Вестник ирригации. № 2. Ташкент, 1930. С. 69-70.*
- 24 Григорьев В. В. *Указ. соч. С. 41;*
- Масальский В. И. Туркестанский край. СПб., 1913. С. 730-731. Дройзен И. Г. История эллинизма. т. 1. СПб., 1881. С. 70; Schwarz S. 32-33;*
- Kaerst J. Geschichte S. 432; Литвинский Б. А. Борьба народов Средней Азии против греко-македонских захватчиков. // История таджикского народа. Т. 1. М., 1963. С. 242, 524-525.*
- 25 Быков А. *Очерк переправ через Амударью. Ташкент, 1879.*
- 26 Маев Н. А. *Очерки Гиссарского края. // Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. № 5. Ташкент, 1879. С. 159-165.*
- 27 Быков А. *Указ. соч. С. 17-20.*
- 28 Маев Н. А. *Указ. соч. С. 314.*
- 29 Ball W. *Catalogue des sites archeologiques d'Afghanistan. T. 1. Paris. 1982. P. 256;*
- Records of the intelligense party Afgan Boundary commission. Vol. II, Duary of Major Maitland. Simla. 1986. № 1094. 95.*
- 30 Маев Н. А. *Указ. соч. С. 313.*
- 31 Маев Н. А. *Указ. соч. С. 313.*
- 32 Маев Н. А. *Указ. соч. С. 313-314.*
- 33 Быков А. *Указ. соч. С. 27; Ртвеладзе Э. В. Согдийцы-мореплаватели. // Общественное мнение. № 3-4. Ташкент, 1999. С. 106-107.*
- 34 Маев Н. А. *Указ. соч. С. 313-314.*
- 35 Шайдуллаев Ш. Аннаев Т. Д. *Два новых пункта раннежелезного века на юге Узбекистана. // ОНУ. № 5. 1989. С. 31-34.*
- 36 Козловский В. А. Некрасова Е. Г. *Стратиграфический шурф на цитадели древнего Термеза. // Бактрийские древности. Л. 1976. С. 31-38;*
- Пидаев Ш. Р. Стратиграфия городища Старого Термеза в свете новых раскопок. // Городская культура Бактрии-Тохаристана. Ташкент. 1987. С. 88-89;*
- Пидаев Ш. Р. Термезгреко-бактрийского времени в свете новых археологических раскопок. // ОНУ. № 10-11. С. 48-53.*
- 37 Пидаев Ш. Р. *К вопросу о локализации Александрии на Оксе. // ИМКУ. № 28. Ташкент, 1992. С. 46-59.*
- 38 Пидаев Ш. Р. *Материалы к изучению древнейшей истории Термеза. // ОНУ. № 3.*
- 39 Ставиский Б. Я. *Кушанская Бактрия. М., 1977;*
- Пидаев Ш. Р. Термез С. 52; Tarn W. W. Two seleukid studies. Turmita. // JNS. № IX, London. P. 209.*
- 40 Ртвеладзе Э. В. *Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана. // Древняя Бактрия. Л., 1974. С. 74;*
- Болелов С. Б. Комплекс керамики VII-VIII веков из Северного Тохаристана. // Древняя и средневековая культура Сурхандарья. Ташкент, 2001. С. 64-81;*
- Гендельман П. И. Результаты археологических исследований на цитадели Шуроб-Кургана. Там же. С. 91-108.*
- 41 Бартольд В. В. *Хафиз-и Аbru и его сочинения. Соч. т. VIII. М. -Л., 1973. С. 93.*
- 42 Minorsky V. F. *Greek crossing in the Oxus. // BSOAS, VXXX, part 1. London, 1967. P. 45-53;*
- Минорски В. Ф. Греческая переправа на Амударье. // Восточная филология. II. Тбилиси, 1972. С. 119-126. Перевод Чехович О. Д.*
- 43 Махмуд ибн Вали. *Море тайн. Ташкент, 1977. С. 95-137.*
- 44 Массон М. Е. *Городища Старого Термеза и их изучения. // Труды Уз Фан ССР. Серия 1, История, Археология. Вып. № 2. ТАКЭ. 1936. Ташкент, 1940. С. 105, прим. 18.*
- 45 Минорский В. *Греческая... С. 119-126.*

- 46 Ртвеладзе Э. В. Кушанская крепость Кампыртепа (исследования и открытия). // ВДИ. № 2, 1984. С. 95-110;
- Rtveladze E. V. *Kampyr-tepe: structures, written documents and coins.* // *Bulletin of Asia Institute.* № 8. Boston, 1995;
- Rtveladze E. V. *Decouvertes en numismatique of Epigraphic Greco-Bactriennes a Kampyr-tepe.* // *RN.* № 150. Paris, 1995;
- Ртвеладзе Э. В. Кампыр-тепе - греческая переправа на Амударье. // *Мозийдан садо.* Ташкент, 1999. С. 12-15;
- Rtveladze E. V. *Kampyr-tepe - Pandokheion on les greek out traverse l'Oxus.* // *Dossiers d' Archeologie.* № 247. Paris, 1999. P. 56-57;
- Ртвеладзе Э. В. Кампыртепа-Пандахеион: греческая переправа на Оксе. // *Материалы Тохаристанской экспедиции.* Вып. № 1. Археологические исследования Кампыртепа. Ташкент. 2000.
- 47 Ртвеладзе Э. В. Новые открытия Узбекистанской искусствоведческой экспедиции. // ВДИ. № 4. 1990. С. 140-145;
- Устинова Ю. Б. Римская и греческая надпись из Кара-Камара. // *Там же.* С. 145-147;
- Ртвеладзе Э. В. *Воины Митры.* // *Общественное мнение.* № 1-2. Ташкент, 1998. С. 19-27.
- 48 Бартольд В. В. *Туркестан . С. 130-131; Камалетдинов Ш. С. «Китаб ал-Ансаб» Абу Са' да Абд ал-Карима ибн Мухаммада ас-Самани как источник по истории и истории культуры Средней Азии.* Ташкент, 1993. С. 54-55;
- Ахмедов Б. А. *История Балха.* Ташкент, 1982. С. 38-40.
- 49 Ахмедов Б. А. *Указ. соч.* С. 40.
- 50 Бартольд В. В. *Туркестан,* С. 130.
- 51 Пилипко В. Д. *Топография находок кушанских монет на побережье Средней Амударьи. История и археология Средней Азии.* Ашхабад, 1978, с. 90;
- Он же. *Поселения северо-Западной Бактрии.* Ашхабад, 1985. С. 181.
- 52 Пилипко В. Д. *Поселения* С. 174.
- 53 Пьянков И. В. *Бактрия* С. 46.
- 54 Пидаев Ш. Р. *Материалы к изучению древнейшей истории Термеза.* // ОНУ. № 3, 2000.
- 55 Ртвеладзе Э. В. *Согдийцы* С. 105-106.
- 56 Curt. VII. 5. 28-34. Мы пользовались переводом: *Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. Сохранившиеся книги* // Под ред. В. С. Соколова. М., 1963.
- 57 Beal S. *Branchidae* // *Indian antiquary.* Calcutta. 1880. P. 68-71.
- 58 Schwarz F. *Alexanders der Grossen Feldzug in Turkestan.* 2. Aufl. Stuttgart, 1906. S. 37.
- 59 Tarn W. W. *The Massacre of the Branchidae* // *Classical review.* 1922. XXXVI. P. 63-66. Позднее В. Тарн несколько раз возвращаясь к этому вопросу, дополняя и уточняя свою аргументацию (Tarn W. W. *Alexander the Great.* T. I. Cambr., 1948. P. 67., T. II. Cambr., 1950. P. 272-275). Взгляды В. Тарна разделяет Д. В. Энгельс (Engels D. W. *Alexander the Great and logistic of the Macedonian Army.* Berkley - Los Angeles - London, 1980. P. 99).
- 60 Head V. B. *The earliest Greco-Bactrian and Greco-Indian coins* // *NS.* 1906. VI. P. 4. Он считал, что древнейшие в Средней Азии монеты греческого облика чеканились именно в этом городе.
- 61 К. В. Тревер предполагала, что в Средней Азии существовал язык, в котором смешивались греческий и согдийский (Памятники греко-бактрийского искусства. М. - Л., 1940. С. 4).
- 62 А. К. Нарайн (Narain A. K. *The Indo-Greeks.* Oxf., 1957. P. 3) выдвинул идею о существовании греческого искусства в Средней Азии еще до походов Александра Македонского.
- 63 Cauet F. *Branchidae* // *RE.* Bd III. 1899. S. 809-813.
- 64 Rawlinson H. G. *Bactria. The History of Forgotten Empire.* L., 1912. P. 33-41.
- 65 Classen C. G. *Branchidae* // *Lexicon der Alten Welt.* Zürich, 1965. S. 494.
- 66 Seibert J. *Alexander der Grosse.* Darmstadt, 1972. S. 144 f.
- 67 Bosworth A. B. *Conquest and Empire. The Reign of Alexander the Great.* Cambr., 1995. P. 108.
- 68 *История таджикского народа.* I. М., 1963. С. 244.
- 69 Bernard P. *Les monnaies hors tresors. Questions d'histoire gréco-bactrienne* // *MDAFA.* T. XXVIII. P., 1985. P. 123-125.
- 70 Пичикян И. Р. *Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды.* М., 1991. С. 288-301.
- 71 См. Radet J. *La valeur historique de Quinte-Curce* // *CRAI.* 1924. P. 355-365;
- Bosworth A. B. *Errors in Arrian* // *The Classical Quarterly.* 1976. 26. P. 117-139;
- Idem. *A Missing Year in the History of Alexander the Great* // *JHS.* 1981. 101. P. 17-39;
- Маринович Л.П. *Время Александра Македонского // Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма).* М., 1982. С. 54-61.
- 72 Пичикян. *Ук. соч.* С. 301.
- 73 Narain Op. cit. P. 3.
- 74 П. Бернар (op. cit., p. 126) указывал при этом, что Центральная Азия при Ахеменидах (во всяком случае со времен Дария I) была обычным местом ссылки.
- 75 Schwarz. Op. cit. S. 7.

Часть II

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЕННАЯ КАМПАНИЯ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО В СРЕДНЕЙ АЗИИ. ПОХОД В ЮЖНЫЙ СОГД И СЕВЕРНУЮ БАКТРИЮ

1. Ксениппа-Наутака

Последняя военная кампания Александра Македонского в Средней Азии, судя по сведениям Квинта Курция Руфа и Арриана, происходила осенью и весной 328-327 гг. до н. э. в равнинных и горных областях, расположен-

76 Д. В. Энгельс (ор. cit., р. 99) указывает на полную несостоятельность главных локализаций Ф. Шварца вообще в применении к городу Бранхидов в частности.

77 Сагдуллаев А. С., Ртвеладзе Э. В. В стране золотого огня. Ташкент, 1983. С. 50-60.

78 Ртвеладзе Э. В., Пидавев Ш. Р. Древнебактрийская крепость Талашкан-тепе // СА, 1993. №2.

79 Ртвеладзе. Ксениппа-Паретака. С. 95-102., Сагдуллаев. Древние пути С. 35-38.

80 Сагдуллаев А. С. О второй столице Согдианы // СА. 1988. № 4. С. 226-229.

Лушпенко О. Н. Раннежелезный век южного Согда: автореф. Дис. Канд. ист. наук. Ташкент, 1998. С. 7-11.

81 Исаметдинов М. Х., Сулейманов Р. Х. Ер-Курган. Ташкент, 1984.

82 Культура и искусство Узбекистана. Т. I. М., 1991. С. 186.

83 Кабанов С. К. Нахшебские монеты V-VI вв. // ВДИ. 1961. № 1. С. 137-144.

Массон М. Е. Парфяно-согдийские монеты области долины Кашкадарьи // Искусство и культура античного мира. М., 1977. С. 131-137.

84 Смирнова О. И. Сводный каталог согдийских монет. М., 1981. С. 18.

85 Там же. Отметим в связи с этим, что недавно был поставлен вопрос о кликийских прообразах типов монет Вахшувара. До недавнего времени предполагали, что этот правитель и Андрагор, отложившийся от Селевкидов правитель Парфянской сатрапии в середине III в. до н. э., одно и то же лицо. Сейчас можно считать доказанным, что это два разных правителя (см. Кошеленко Г. А., Гаибов В. А., Бадер А. Н. Монеты Андрагора, как источник по ранней истории Парфии // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VII. Москва-Магнитогорск, 1999. С. 294-309).

86 Ртвеладзе Э. В., Нефедов Н. Уникальная серебряная монета греческого правителя из Ер-Кургана (Южный Согд) // Нумизматика Центральной Азии I. Ташкент, 1995. С. 60-63.

87 Зеймаль Е. В. Южносогдийские монеты с изображением Геракла и Зевса // СГЭ. XXXVII. С. 68-74.

88 Пичикян. Ук. соч. С. 296-297.

89 Круглякова И. Т. Дильберджин. М., 1974. С. 74-80. Рис. 51-52., Лившиц В. А. Надписи из Дильберджина // Древняя Бактрия. Материалы Советско-афганской экспедиции 1969-1973 гг. М., 1976.

90 Кабанов. Нахшебские монеты.

91 Быков. Ук. соч. С. 62-63.

ных между Маракандой и Бактрами. Военные действия развернулись главным образом в Ксенишпе, Наутаке, Паретакепе, где были осаждены и взяты горные крепости-скалы «Сисимитра», «Согдийская» и «Хорисна», а также в Габазе и Бубакене.

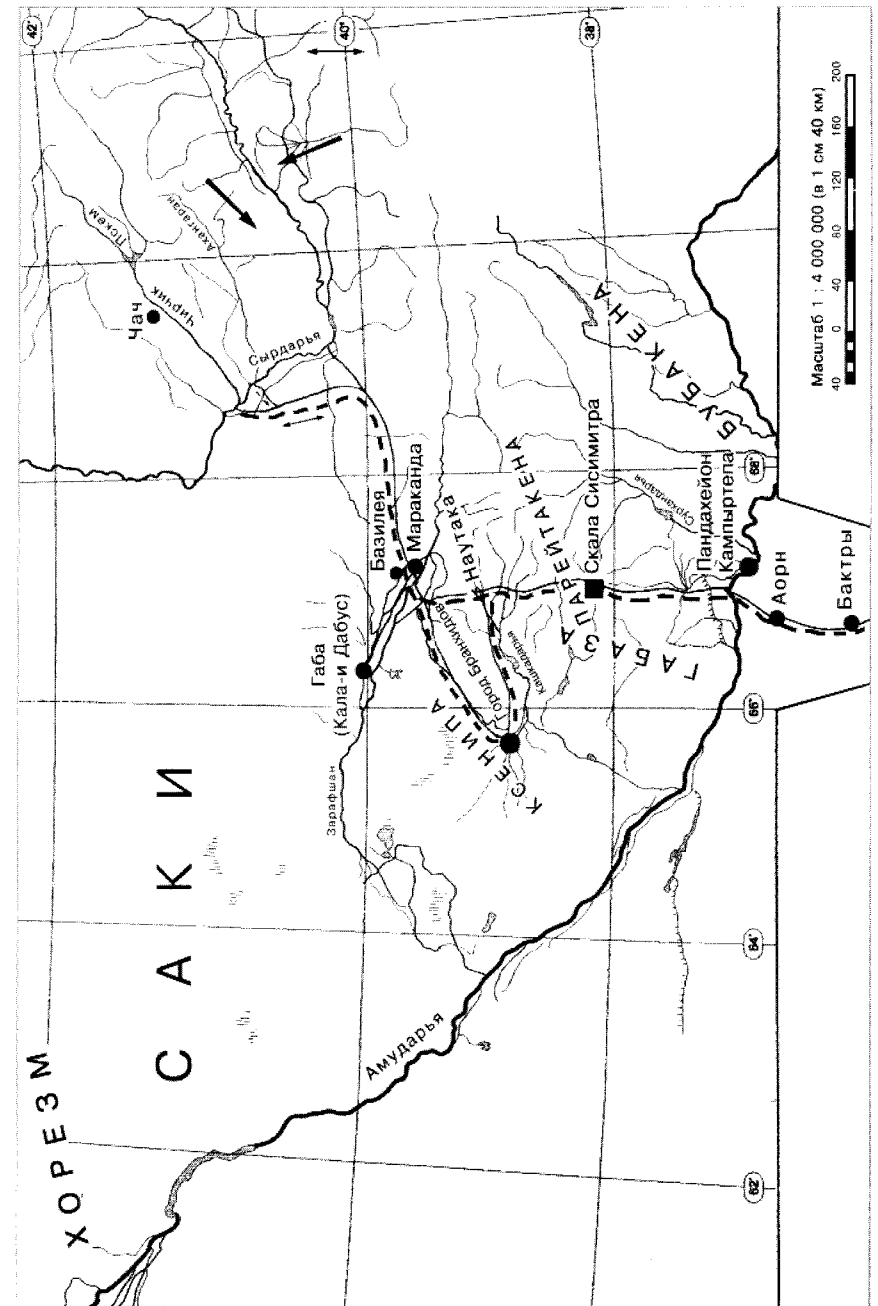
По поводу локализации этих областей в науке уже более ста лет ведется оживленная дискуссия. Были высказаны различные предположения, исходящие из анализа сведений античных письменных источников и подкрепленные данными, почерпнутыми из географических карт. При этом следует отметить, что основные работы по данной проблеме, среди которых выделяются труды В. Григорьева¹, И. Дройзена², В. Томашека³, Ф. Шварца⁴, И. Каэртса⁵, В. Тарна⁶, И. Маркварта⁷ были написаны в конце прошлого или начале нынешнего столетия.

Исследование этой проблемы отечественными и зарубежными учеными продолжалось и позднее, хотя в них в основном повторялись с небольшими поправками прежде высказанные гипотезы. Из их числа наиболее интересное исследование принадлежит Б. А. Литвинскому⁸. В статье М. Е. Массона обращает на себя внимание попытка привлечь для локализации Ксенишпы и Наутаки немногочисленные в ту пору археологические данные⁹. В остальных же работах имеются или отдельные высказывания по поводу местоположения той или иной области¹⁰ или более обоснованные аргументами данные, но опять же по сведениям письменных источников¹¹.

Несмотря на некоторое различие во мнениях, большинство исследователей пришли к выводу, что упомянутые области находились в основном на юге Узбекистана и отчасти в Таджикистане. Причем основные гипотезы были предложены в тот период, когда никаких археологических обоснований не имелось. Не могли быть использованы археологические данные до семидесятых годов XX века, поскольку на всем юге Узбекистана и Таджикистана было известно лишь три поселения VI-IV вв. до н. э.: Калаи-Мир, Мупчактепа¹² и Кучуктепа¹³.

Однако уже с начала семидесятых годов это положение стало значительно изменяться. Благодаря широким рекогносцировочным исследованиям в Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областях Узбекистана, а также в Южном Таджикистане было выявлено около шестидесяти памятников ахеменидского времени, т. е. VI-IV вв. до н. э., многие из которых, несомненно, существ-

Маршруты походов Александра Македонского. →

*Сардоба
в Каршинской
степи.
По зарисовке
Б. Литвинова
в 1898 г.*

вовали в период походов Александра Македонского в Бактрию и Согдиану. Суммарная их характеристика с распределением по оазисам дана в работах А. С. Сагдуллаева и О. П. Лушненко по Кашкадарьинской области¹⁴, Э. В. Ртвеладзе, А. С. Сагдуллаевым и Ш. Шайдуллаевым по Сурхандарьинской области¹⁵ и А. Абдуллаевым по Южному Таджикистану¹⁶.

На некоторых из этих памятников (Кызылтена, Таланкантена, Тамошатена, Узункыр, Даратена и другие) были проведены стационарные раскопки.

Таким образом, была создана фундаментальная, по существу новая источниковедческая база археолого-топографических данных, которая вкупе со сведениями письменных источников позволяет уже не произвольно размещать на карте ту или иную древнюю область, а привязывать ее к определенному кругу археологических памятников.

Впервые эти новые археолого-топографические данные были широко привлечены мною для локализации Аорна, города Брахидов, Ксениппы, Наутаки и Парейтакены уже в середине-конце семидесятых — в начале восьмидесятых годов¹⁷. Впоследствии была локализована и область Габаза¹⁸.

Аналогичные сопоставления, в частности, в отношении локализации «второй» столицы Согдианы, были осуществлены несколько позднее А. С. Сагдуллаевым, который подтвердил их данными своих археологических исследований в Кашкадарьинской области¹⁹.

Перейдя к основной цели, попытаемся уточнить местонахождение областей Ксениппа и Парейтакена, упомянутых Квинтом Курцием Руфом и Аррианом, используя показания письменных

источников и современные археологические данные. Исследование последней военной компании Александра в Средней Азии показывает, что она протекала в обширном районе между Маракандой и Бактрами, причем исходным ее пунктом являлась Мараканда, главным промежуточным — Наутака, конечным — Бактры.

По Квинту Курцию Руфу, путь, совершенный Александром и его полководцами Кратером и Полиперконом, выглядит так: Мараканда — Ксениппа — скала Сисимифра в Наутаке — зимовка в Наутаке — горный перевал — область Габаза — страна Бубакена — Бактры (VIII, 2, 1; VIII, 5, 2). По Арриану: Мараканда — зимовка в Наутаке — Согдийская скала — скала Хориена в стране Паретаков — страна Паретакена — (поход Кратера) — Бактры (IV, 186, 422, 2).

Весь поход, следовательно, можно разделить на два этапа. Первый этап начался с момента выхода армии Александра Македонского из Мараканды и завершился прибытием ее на зимовку в Наутаку. Второй этап охватывает промежуток времени от выступления из Наутаки в Габазу весной 328 г. до возвращения войск, возглавляемых Кратером в Бактры.

Последовательность событий, совершившихся на первом этапе, согласно Квинту Курцию Руфу, следующая: первоначально Александр по пути в Наутаку прибыл в граничившую со Скифией область Ксениппу с множеством густо расположенных сел. В Ксениппе укрывались бактрийцы изгнанные из своей родины. Между ними и авангардом войск Александра, возглавляемых Аминтой, произошло ожесточенное сражение, закончившееся поражением бактрийцев. После этого Александр проследовал в один из горных районов Наутаки, где захватил крепость — скалу, принадлежавшую сатрапу Наутаки Сисимифру. Преследуя не пожелавших сдаться защитников крепости, Александр по трудной, каменистой дороге совершил поход в горную местность (VIII, 2, 13-40).

У Арриана нет подробностей военных действий на первый этап; по его словам, Александр из Мараканды сразу же прибыл на зимовку в Наутаку (IV, 18, 1-2).

По поводу локализации Ксениппы и Наутаки существует ряд предположений. За исключением ничем не обоснованных точек зрения И. Ф. Хертцберга, помещавшего Ксениппу в Нурагинских горах, или А. Форбигера, локализовавшего ее в Ура-Тюбе²⁰, большинство исследователей устанавливают их местоположение

в пределах современных Кашкадарьинской и северо-западной части Сурхандарьинской области Узбекистана.

Согласно В. В. Григорьеву, Ксенишпа могла находиться в районе Шахрисябза или в Байсуицкой долине²¹. В. В. Томашек допускал возможное звуковое сходство названий Ксенишпы и Пахшеб и на этом основании склонен был располагать ее в низовьях Кашкадарьи²². По мнению И. Г. Дройзена, Ксенишпа располагалась в горах к северо-востоку от Кеша-Шахрисябза²³. М. Е. Массон, используя археолого-топографические наблюдения, полученные при работах КАТЭ, писал, что пока нет археологических данных, свидетельствующих в пользу помещения города Ксенишпы на месте Китаба, хотя такое предположение вполне допустимо²⁴. Вместе с тем, следует отметить, что в письменных источниках Ксенишпа называется только областью, а не городом, и поэтому связывать ее с каким-либо одним городищем или поселением неоправданно (VIII, 2, 13-19).

В определении местоположения Наутаки также существуют сравнительно небольшие расхождения во мнениях, усугубленные тем обстоятельством, что одни ученые считают Паутаку только городом, а другие — областью. В этом споре, прав, по-видимому М. Е. Массон, по мнению которого первоначально название Наутака носил главный административный центр, а впоследствии это наименование было перенесено и на всю область²⁵. Однако, как мы покажем ниже, могло быть и наоборот, вначале название «Наутака» носила только область, а затем город.

В зависимости от трактовки характера Наутаки исследователи помещали ее на месте какого-либо города долины или района Кашкадарьи. Так, В. В. Григорьев считал, что Паутакой была область, к югу от Шахрисябза и вплоть до Амударьи²⁶, В. Томашек локализовал ее на месте Шахрисябза²⁷, И. Г. Дройзен предлагал искать Паутаку или в Карши, или в Шахрисябзе отдавая предпочтение Карши²⁸. Согласно К. В. Тревер, Наутака — это область долины Кашкадарьи²⁹. С. К. Кабанов предполагал, что Наутака могла находиться в верхней части долины Кашкадарьи³⁰. М. Е. Массон высказал предположение, что столичный центр Наутаки располагался на месте городища Ер-Курган в 10 км к северо-западу от Карши, а сама область — в низовьях Кашкадарьи³¹. Того же мнения придерживался и Р. Сулейманов, проводивший раскопки на городище Ер-Курган. Там были получены интересные материалы, говорящие о том, что возникшее на этом месте в эпоху поздней бронзы — раннего железа поселение, в VI-

IV вв. до н. э. было обнесено крепостной стеной из прямоугольного сырцового кирпича и занимало обширную территорию, поскольку слои ахеменидского времени вскрыты на разных, достаточно удаленных один от другого участках городища³².

Иную, отличную от других, локализацию предложил И. П. Хлопин, поместивший некий город Паутаку в районе Шерабада. Для доказательства выдвинутого положения он привлек косвенные данные: сведения Макдиси о наличии городка Навидах на Джейхуне (Амударья) и имеющийся около Шерабада кишлак Паувах с будто бы созвучным названием, расположенный, по мнению автора по пути из Балха (Мазари Шерифа) в Самарканд, и примерно в 30 км от берега Амударьи. Свой этюд о локализации Наутаки автор заключает словами, «...что локализация античной Наутаки равносильна установлению точного путевого указателя»³³.

Рассмотрим этот вопрос более подробно. Отметим вначале две показательные ошибки, свидетельствующие о пренебрежении автора к точным фактам и географическим ориентирам: Балх и Мазари Шериф вовсе не равнозначные пункты, а два разных города, расположенные в 30 км друг от друга; кишлак Паубаг (а не Паувах) находится в 50-55 км к северу от Амударьи, а не в 30 км от нее.

Установленная И. Хлопиным будто бы однозначность трех названий: Наутака, Навидах и Паубаг далека от истины, поскольку все они имеют разное значение. Так в основе второго компонента слова Наутака, вероятнее всего, лежит согдийское слово «utaka» — «область, земля» или слово «tak» — «свод, арка, подножье», тогда как в слове Навидах — второй компонент «dah» «деревня, село», а в слове Паубаг — «bag» («сад»). И первый компонент при внешнем сходстве может означать разные понятия: «нау» — «новый», «нав» — «желоб». Уже это подвергает серьезному сомнению предложенную И. П. Хлопиным локализацию согдийской Наутаки. Но, кроме того, им допущены ошибки историко-географического характера, основанные на невнимании к географическим ориентирам, содержащимся в письменном источнике. Так, из текста Макдиси, совершенно очевидно, что городок Навидах (или Невида, по В. В. Бартольд) ³⁴ находился между Керкухом (Керки) и большой хорасанской дорогой, проходящей через Амуть (Чарджоу) в пределах современного Туркменистана, на правом берегу Амударьи, тогда как кишлак Паубаг

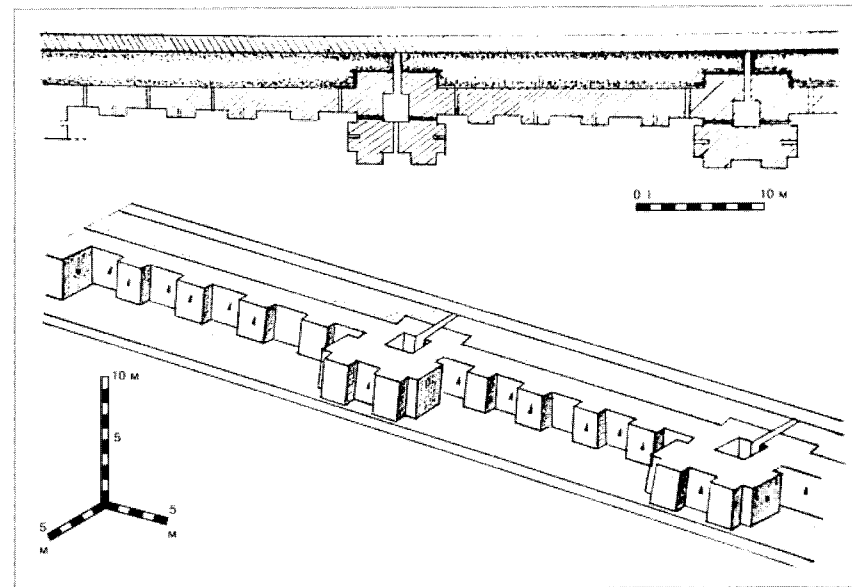
расположен в Сурхандарьинской области Узбекистана, в совершенно противоположной стороне.

Напрасны категорические утверждения И. П. Хлопина о том, что Наутака — это не провинция, а город в Согдиане у переправы через Окс. Согласно Квинту Курцию Руфу, это согдийская область, которую называют Наутака (VII, II.19), по Арриану «согдийская земля» (III. 30, 1, 2). Это обстоятельство было подчеркнуто еще В. В. Григорьевым.

Таким образом, Наутака — это не только, по-видимому, город, а в первую очередь, область расселения согдийцев. На это указывает и само содержание названия Наутака — «*nau-utaka*», состоящее из двух согдийских слов: «*nau*» — «новый» и «*utaka*» — «область, земля». Таким образом, это «новая область, новая земля»³⁵. По-видимому, данное название возникло в ту пору, когда согдийцы осваивали новую для них территорию — область современной Кашкадарьи. Предложенная И. П. Хлопиным локализация вызвала справедливую критику³⁶. К сожалению, он не учел мою статью, опубликованную за два года назад до выхода его книги, где впервые локализация Наутаки в восточной части области Кашкадарьи аргументируется на базе не только сведений античных письменных источников и данных географических карт, но и с привлечением археологических материалов, имевшихся к началу 80-х годов. Мной Наутака была локализована в районе Чим-Кургана-Яккабага и юго-западной стороны Гиссарского хребта³⁷. Позднее А. С. Сагдуллаев, используя новые археологические данные, расширил границы этой области от Зерафшанского хребта до Урадарьи (Гузардарьи)³⁸.

В пределах Южного Согда — современной Кашкадарьинской области намечаются две области концентрации памятников VI-кон. IV в. до н. э., разделенные между собой «пустым» пространством. Первая область, расположенная в степной зоне, вдали от гор, приходится на низовья Кашкадарьи, где зафиксировано два памятника — небольшое поселение Караултепа к юго-западу от Карши и крупное городище Ер-Курган, окруженное в ахеменидское время крепостными стенами.

Вторая область занимает предгорную зону верхнего течения Кашкадарьи и ее притоков. Здесь выявлено 20 оседлых поселений, 18 из которых находятся в округе Яккабага, Шахриябза и Китаба. Они группируются в пяти небольших оазисах: Кайрагачском, Танхоздарьинском, Гульдарьинском, Шуробсайском, Кизилдарьинском.

Узункыр. Реконструкция крепостных стен (по А. Сагдуллаеву).

Вероятнее всего именно эти две области концентрации археологических памятников, многие из которых существовали в период походов Александра Македонского, соответствуют двум областям — Ксениппы и Наутаки. Обоснованием для сопоставления Ксениппы с первой областью концентрации археологических памятников, а Наутаки со второй послужили следующие соображения:

1. Согласно Квинту Курцию Руфу, Ксениппа граничила со Скифией, чему более всего может соответствовать район низовьев Кашкадарьи, с северо-запада от которого простираются широкие пространства, занятые полупустыней и степями, где находились сакские (т. е. скифские) кочевья.

В то же время ко второму району, зажатому в углу между Зерафшанским и Гиссарским хребтами, подобное определение вряд ли приложимо, поскольку общих границ со Скифией у него ни с какой стороны не имелось.

2. Из описания Квинта Курция Руфа совершенно очевидно, что Наутака занимала как предгорную, так и горную зону. Эти географические указания подходят ко второму району концентрации памятников VI-IV вв. до н. э., в восточной области Кашкадарьи, тогда как низовья Кашкадарьи — это равнинная степь с невысокими всхолмлениями.

3. По Квинту Курцию Руфу, войска Александра Македонского после выхода из Наутаки на третий день достигли горного перевала, которых несколько именно в восточной части Кашкадарьи.

Установив локализацию Ксенишны и Наутаки, обратимся к уточнению местоположения так называемой скалы Сисимитра — правителя Наутаки, которая определяет южную границу этой области.

2. К вопросу о петрах и местоположении скалы Сисимитра

В горных зонах областей Наутака и Паретакена, расположенных в правобережье Окса, в западной части Гиссара, Александру Македонскому и его войску пришлось штурмовать естественные возвышенности, где укрылись правители этих областей со своим окружением и войском.

В античных письменных источниках эти возвышенности передаются термином «ΠΕΤΡΑΣ»: «петра», каковой в переводе на русский язык обычно передается словом скала (например, «скала Хориена», «скала Сисимитра»). И только Страбон конкретизирует его значение. Он называет их не просто скалами, а «сильными укреплениями на скалах». Согласно его данным, Александр «овладел также двумя сильными укреплениями на скалах (подчеркнуто мною — Э. Р.): одним укреплением Сисимитры в Согдиане и другим — Окса в Согдиане (или, как говорят другие, Аримаса)». (Страбон, XI, 4).

Горные пейзажи Паретакены.

В античных письменных источниках в совокупности упоминаются как будто бы четыре названия подобных скал (или по Страбону – укреплений на скалах), но каждый из авторов называет только две скалы:

Страбон:

- 1) Укрепление Сисимитры в Бактриане – убежище семьи Оксиарта.
- 2) Укрепление Окса (или Аримаса) в Согдиане.

Арриан:

- 1) Согдийская скала – место убежища семьи Оксиарта.
- 2) Скала Хориена в Паретакене.

Квинт Курций Руф:

- 1) Скала, занятая согдийцем Аримасом.
- 2) Скала Сисимитры в Наутаке.

На наш взгляд, речь идет собственно о трех скалах-укреплениях, которые, несмотря на разные названия, характеризуются Страбоном и Аррианом, как убежище семьи бактрийского аристократа Оксиарта. Одна из них – Сисимитра или Согдийская. Местоположение ее Страбон устанавливает в Бактриане, а Квинт Курций Руф – в согдийской области Наутака. Подобный разнобой в географическом определении этой скалы произошел от того, что скала Сисимитра находилась, как мы увидим ниже, на границах Бактрии и Согдианы, в районе знаменитых Железных ворот, так что один античный автор мог с полным правом отнести ее к Бактрии, а другой – к Согдиане, не разбираясь в тонкостях географических определений, поскольку ни один из них не был в этих местах.

Вторая скала – согдийца Аримаса (или укрепление Окса) – находилась в Согдиане (Страбон, XI, 4). У Квинта Курция Руфа упоминание ее отделено описанием некоторых других событий от скалы Сисимитра (Квинт Курций Руф, VII, XI).

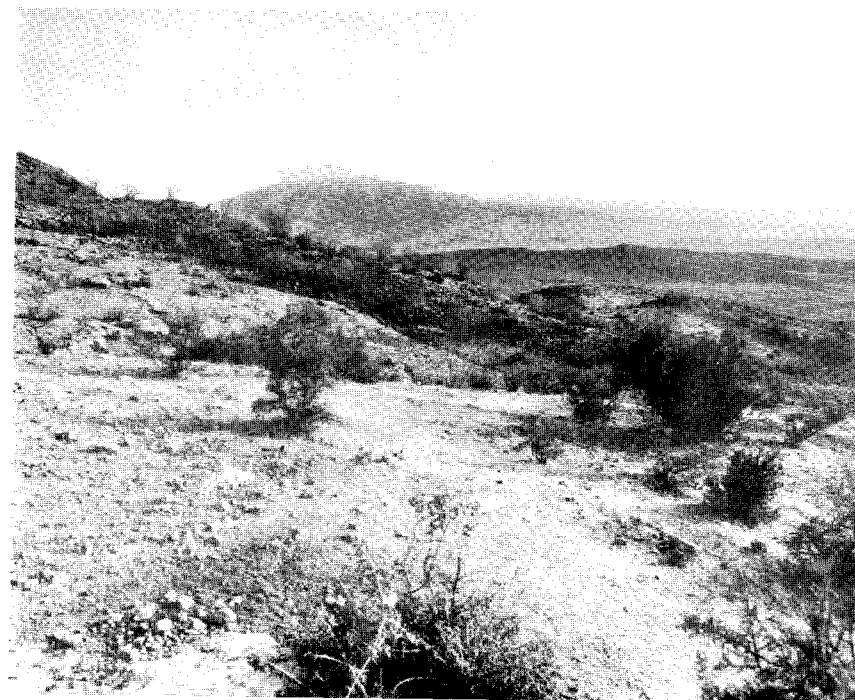
Наконец, третья скала – Хориена – упомянута только Аррианом, как находившаяся в области Паретакена (Арриан, IV, 21).

Что касается локализации этих скал, то в основном мнение ученых сводится к тому, что они находились в горной системе –

Западном Гиссаре, занимающей обширную территорию (не случайно ее название Кухистан – страна гор) на границе современных Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областей Узбекистана³⁹. Однако все наши неоднократные исследования в этой местности пока не дали сколько-нибудь выразительных археологических находок, относящихся к концу IV в. до н. э., т. е. времени похода Александра Македонского.

Вместе с тем, они позволили конкретно локализовать скалу Сисимитра, в отношении которой имеются выразительные описания географии местности, и определить, что из себя представляли в географическом отношении цетры античных источников. Осуществлено это впервые, так как распространенные мнения кабинетных ученых-историков не учитывают реальную географию горных районов Южного Узбекистана.

*Петра Сисимитра. Крепость Узун-дара.
III в. до н. э. – I-II вв. н. э. Восточный фас. Видели – Байсуитаяу.*

*Петра Сисимитра. Крепость Узун-дара.
III в. до н. э. – I-II вв. н. э. Каменная стена. Суситаз. 1991 г.*

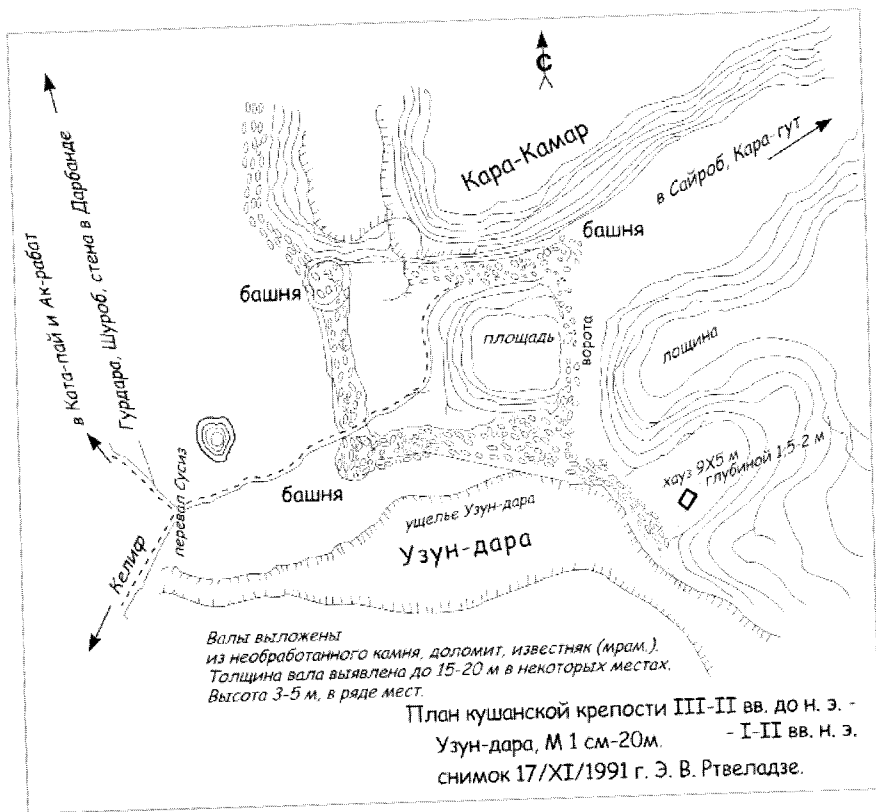
В этой связи позволю себе высказать ряд соображений по данному вопросу:

Первое. Эти скалы представляли собой, по всей вероятности, лишь временные укрепленные убежища на случай нашествия, а не стационарные поселения. Примечательны сведения Арриана о наличии в них запасов продовольствия, из которых видно, что до бегства сюда населения в самих петрах или совсем не имелось припасов или они были рассчитаны лишь на небольшое количество людей (IV, 18, 5, 21, 10).

Топография расположения поселений VI-конца IV вв. до н. э. показывает, что основная их часть находилась на небольших саях, в непосредственной близости от выхода их из горных ущелий. Другая, по значительно меньшая группа поселений, размещалась в долинах на боковых протоках более крупных рек Кафирниган, Вахш, Сурхандарья, Капкадарья. Горы и высокогорья, если и были обжиты в эту эпоху, то весьма незначительно и непостоянно. Из найденных поселений самыми «высокогорными» оказались поселения Дабиль Курган и Сартепа, расположенные на высоте около 1000 м, остальные же на высоте от 200 до 500 м над уровнем моря⁴⁰.

Обнаружение петр на местности весьма затруднительно, поскольку из-за непостоянного проживания населения на них накапливался незначительный культурный слой, который впоследствии мог быть смыт или развеян, как это происходит в ряде средневековых скальных поселений, исследованных мною в Сурхандарьинской области.

При внимательном рассмотрении раздела текста Арриана, повествующего об осаде «Скалы Хорнена» обращает на себя внимание наличие здесь очень высоких «елий», из которых по приказу Александра сделали лестницы, предназначенные для штурма (Арриан, IV, 21,3). Однако в горах Южного Узбекистана «ели» не росли и не растут сейчас. Поэтому перевод этого слова как «ели» в данном случае неточен. По всей вероятности имеется в виду арча (*juniperus excelsa*), заросли которой в горах Средней Азии встречаются в основном на высоте от более 1000 м до 2500-3000 м, изредка достигая 3500-3700 м. Причем высокие породы арчи распространены только в нижних зонах, примерно до 2500 м, а выше арча мельчает, приобретая на высоте около 3000 м и более подушкообразную форму⁴¹. Исходя из этого, можно считать, что «скала Хорнена» располагалась на высоте от 1600 до 2500 м, где ее и следует искать.

План крепости Узун-дара (съемка Э. Ртвеладзе, ноябрь 1991 г.).

Второе. Из описания греко-римских авторов очевидно, что петры представляли собой высокие труднодоступные скалы большой площади. Так, скала Аримаса в высоту достигала 30 стадий, а в окружности — 150 стадий. На ней помещалось 30 000 войска (Курций Руф, VII, XI). Высота скалы Хориена достигала 20 стадий, а окружность 60 стадий (Арриан, IV, 21). Высота скалы Сисимитра 15 стадий, окружность 80 стадий. Верхняя часть ее при этом была плоской и покрыта плодородной почвой, способной пропитать 500 человек (Страбон, XI, 4).

Следовательно, при стадии равной 191 м окружность скалы Аримаса достигала около 30 км, скалы Сисимитры — 15,3 км, а скалы Хориена немногим более 10 км.

Сопоставив характеристики особенностей петр, их размеры, данные в греко-римских письменных источниках, я еще в 70-х годах пришел к выводу, что они представляли собой особые горные массивы, которые геологи именуют куэстами. В Средней Азии такого рода куэсты с плоской вершиной называют май дап — площадь, тахт — стол, троп, доска или сырт — открытое пространство⁴². Независимо от нас к аналогичному выводу пришел хорошо знающий горы Гиссара М. А. Ханимов, опубликовавший свое мнение в небольшой и интересной книге, в которой он сопоставил Согдийскую скалу с куэстой Сар-и Маск, возвышающуюся к северу от к. Дербент⁴³.

Для куэст характерны отвесные вертикальные склоны и плоская ровная поверхность, зачастую покрытая плодородной почвой. На некоторых из них имеются природные родники, а также пещеры. Подобные горы куэсты довольно часто встречаются в Западном Гиссаре среди горных хребтов. Они бывают сравнительно небольшими и довольно значительными по площади.

Так, куэста Сар-и Маск, возвышающаяся к западу от Тургапдарьи, имеет в окружности более 30 км, куэста Сусизтаг, расположенная в том же районе и разделенная с куэстой Сар-и Маск долиной Шуробсая, — около 20 км, куэста Капокагли-Аузы, находящаяся к югу от долины Кичи-Урядарьи около 15 км.

Все эти куэсты были обследованы нами на предмет выявления археологических памятников. Среди них особо интересные материалы дало изучение куэсты Сусизтаг, на характеристике которой остановимся более подробно.

Эта куэста имеет клиновидную форму, вытянутую с юго-запада на северо-восток. С северо-востока она ограничена ущельем Шуробсая, который протекает здесь в глубоком до 150 м кашбоне.

С северо-запада естественной границей куэсты является та же, но более широкая, долина Шуробсая, где у одноименного кишлака выявлено раннесредневековое поселение Актепа, а выше, по течению, на правом берегу Шуробсая, сохранились остатки средневекового каравансарая Абдуллахана. По долине этой реки, в обход пограничной стены, на юг, через перевал Хазрат-башни, а затем по Кугитапдарье к важнейшей переправе через Амударью у Келифа шел караванный путь. Судя по археологическим памятникам, расположенным вдоль него, эта дорога стала активно использоваться уже в кушанское время.

Она же выводила к знаменитым рудникам соли — Хамкан, где добыча этого важнейшего для человека минерала, начавшаяся в глубокой древности, продолжается и сейчас.

С востока куэста Сусизтага ограничена возвышенной долиной Шерабадарьи, по которой сейчас на юг к Термезу пролегает Большой Узбекский Тракт (БУТ), а в более раннее время дорога проходила ниже — ближе к реке.

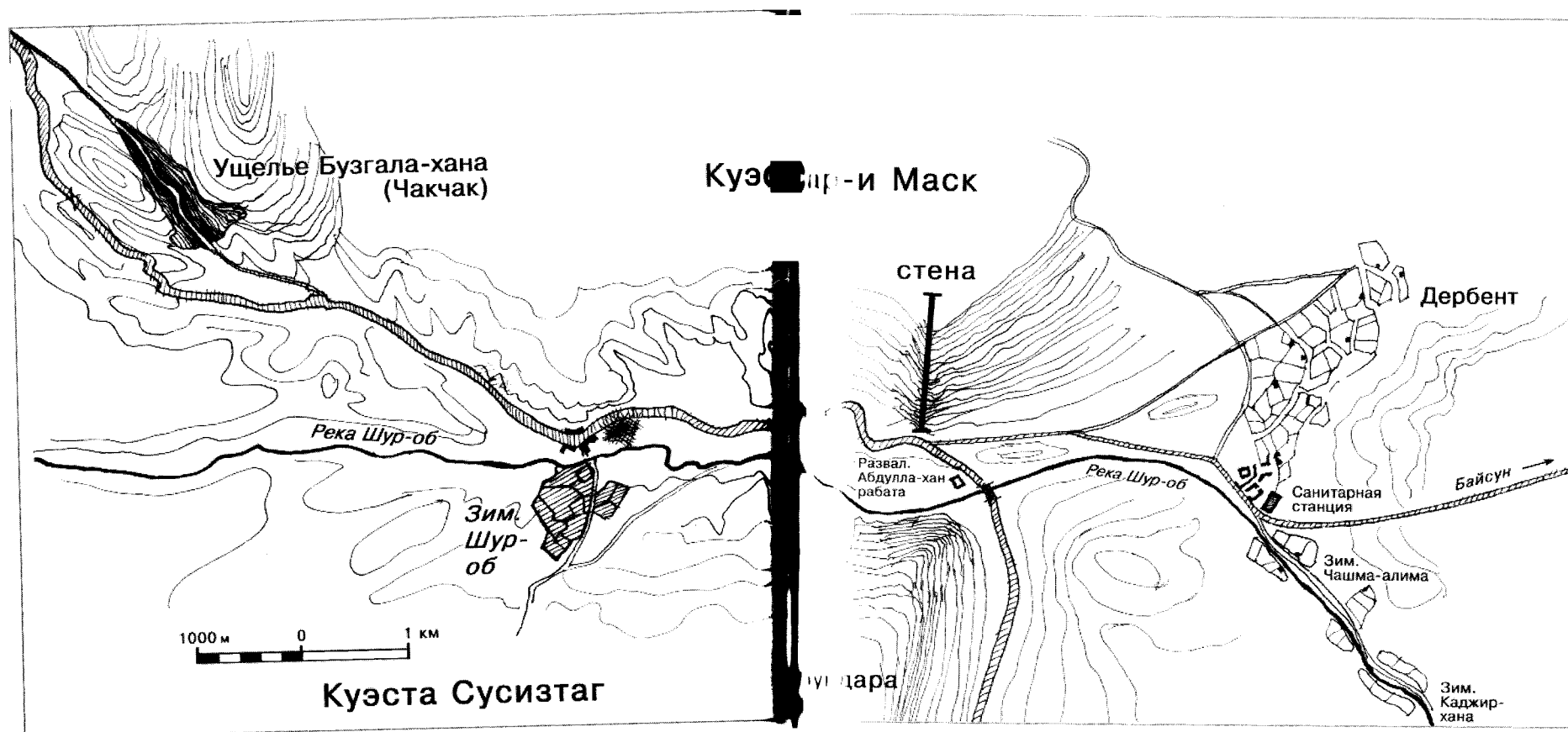
С юга естественной границей куэсты Сусизтага является река Узундара (дословно — «длинное ущелье»), протекающая здесь в глубоком скалистом каньоне.

Доступ на вершину куэсты возможен по отдельным крутым тропам, подъем по которым, как я убедился на собственном опыте, занимает несколько часов. С северной стороны подъем на нее вообще невозможен из-за вертикально обрывающихся скал.

Вершина куэсты Сусизтага плоская, с заметным уклоном к юго-западу, покрыта плодородной почвой, на которой, особенно весной, растет сочная трава, а кое-где сохранились заросли арчи и различных кустарников.

Площадь куэсты настолько значительная, что способна вместить не одну тысячу человек. Обследование куэсты выявило наличие в северной ее части остатков фундаментов круглых в плане каменных сооружений, возможно, сторожевых башен. Но наиболее интересные результаты дали исследования, проведенные на южной оконечности куэсты у ущелья Узундара в 1991г., в которых, помимо меня, принимали участие краевед П. Шаймов и фотограф Д. Михайлов.

План долины Шуробся.

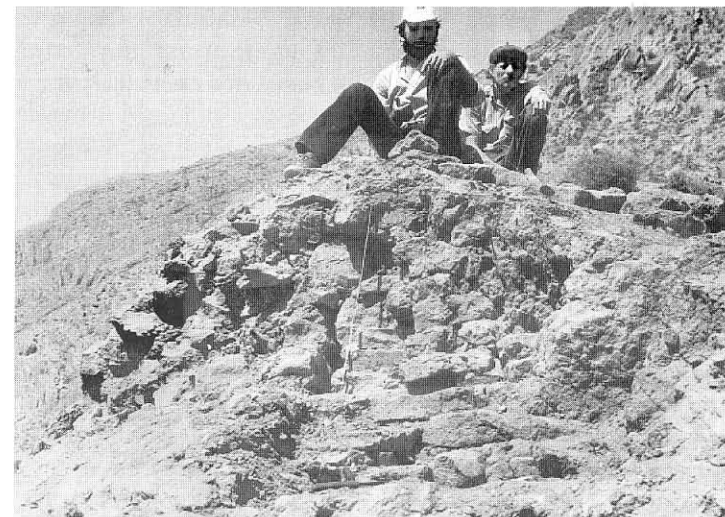

Здесь была выявлена крепость, которая находится на крутом склоне, ограниченном с юга глубоким и скалистым каньоном Узундара, а с севера — более пологим, но не менее глубоким урочищем Кара-Камар. С востока край крепости выходит к широкой лощине; между ней и Кара-Камаром проходит дорога, следующая затем в западном направлении к вершине куэсты.

Крепость прямоугольная (160-140 м., по внешнему обмеру), ориентирована по странам света. Каждый из ее углов защищен округлыми в плане башнями диаметром до 20 м. Стены крепости выложены из каменных плит и глыб, шириной 15-20 м, сохранившаяся их высота 2-3 м. В центре восточного фасада находилось ворота. Внутреннее пространство крепости различно по рельефу. Восточная часть — ровная, западная — возвышенная. От северо-западной и юго-восточной башен отходят дополнительные отрезки стен, закрывающие незащищенные пространства вдоль обрыва в ущелье.

За западной стеной имеется ровная площадка, в центре которой в скальном массиве выбит резервуар (9x5 м), глубиной 1,5-2 м. Вероятно, это был бассейн для отбора и хранения воды на случай осады. Внутри крепости и на стенах ее найдены отдельные фрагменты керамики, относящиеся по ряду признаков к первым векам н. э.⁴⁴

Пограничная стена у Дарбанда.

Кладка пограничной стены в Дарбанде.

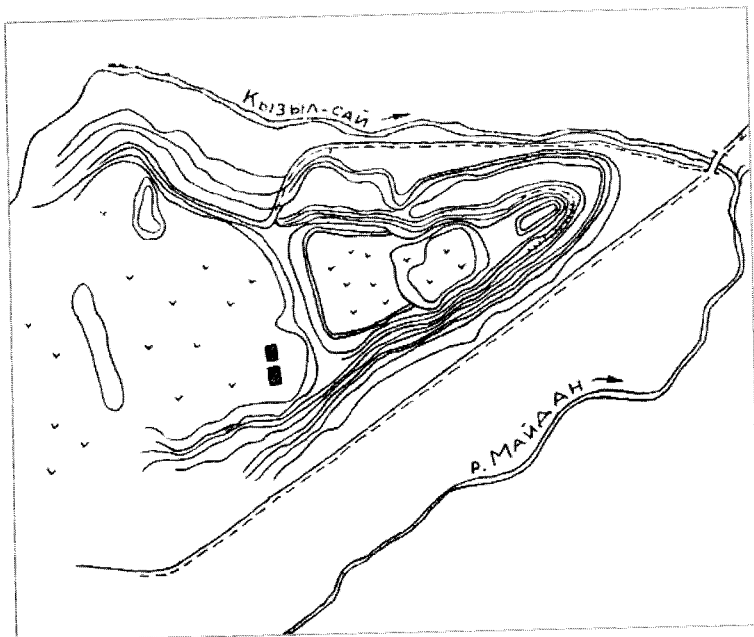
Еще одно сооружение, но неопределенного типа находилось на вершине куэсты Сусизтаг по дороге к кишлаку Гардара, расположено в долине Шуробсая у западного края куэсты. Оно было обнаружено местными жителями при строительстве хозяйственных построек.

По словам археолога К. Шейко, стены этого сооружения были возведены из сырцового кирпича, а археологический материал, найденный здесь, относится к посткушанскому времени. Таким образом, проведенные нами исследования выявили не только факт обживания куэст, но наличие на них крепостных сооружений, по крайней мере, уже в кушанский период. Однако не исключено их функционирование и в более ранние периоды, в том числе и в ахеменидское время.

Помимо вышеописанной крепости Узундара, нами еще в 1969 г. в том же горном массиве зафиксированна еще одна крепость — Майдан-кала или Майдан-курган.

Она расположена в 40 км к югу от Узундара и в 30 км к северо-западу от г. Шерабада, по дороге к знаменитой галерее неолитических наскальных рисунков — ущелью Зараутсай, на окраине кишлака Майдан, в месте слияния Кызылсая и Майдансая.

Крепость занимает вытянутый с Ю-З на С-В скалистый мыс клиновидной формы общей длиной более 300 м. Склоны его,

План крепости Майдан-курган.
Съемка Э. В. Ртвеладзе 23 апреля 1969 г.

особенно в северо-восточной части и юго-западной части, обращенной к реке Майдан, очень крутые и труднодоступные. Тем не менее, на высоте 16-17 м для дополнительной охраны крепости по склону она была укреплена стеной, сложенной из каменных плит на известковом растворе. Эта стена прослеживается только с юго-западной стороны. Сохранившаяся высота ее 1,4 м, ширина — более одного метра.

В топографии крепости четко выделяются три части. Первая — по-видимому, форт размером 24x6 - 7x6 м занимает самую крайнюю СВ оконечность мыса и отделена от второй рвом, шириной около 10 м.

Вторая — состоит из большого прямоугольного возвышения (50x40 м) в северо-восточной стороне, высотой до 5 м и прилегающей к нему ровной площади, которая с трех сторон обнесена выложенной из камня стеной. Общая длина этой части достигает 90 м, ширина — от 30 до 50 м.

Третья часть отделена от второй рвом, шириной 10-14 м. С юго-западной стороны ее ограничивают остатки плохо сохра-

нившейся стены, толщиной около 10 м, так же сложенной из камня. Длина этой части около 90 м, ширина — от 90 м на северо-востоке, до 120 м на юго-западе. Уже задолго до нашего первого посещения Майдан-кургапа, эта часть была распахана и использовалась для посадки ячменя. Лишь у северной окраины сохранился довольно высокий искусственный холм.

Крепость обживалась и за пределами этой стены, о чем свидетельствуют находки керамики. В первой публикации этого памятника время его обживания отнесено к кушанскому периоду по наличию собранных на его поверхности тонкостенных красно-ангобированных фрагментов керамики. Не исключено, что она функционировала в раннем средневековье⁴⁵. В типологическом же отношении в моей классификации городищ и поселений Северной Бактрии Майдан-кала отнесена к разряду горных крепостей⁴⁶. Вместе с тем, в моем полевом дневнике от 23 апреля 1969 г. сделана запись о его датировке еще более ранним временем. Таким образом, Майдан-кала представляла мощную труднодоступную крепость, которая могла существовать во время похода Александра Македонского.

Такие крепости как Узун-дара и Майдан-кала, паходившиеся в горных массивах-куэстах, впервые дают возможность реально

Горный пейзаж в Паретакене.

рассуждать о петрах-крепостях, осажденных войсками Александра Македонского в горах Наутаки, Перейтакены и Газабы, заменяя неподтвержденные реальными фактами домыслы кабинетных ученых.

Все вышеприведенные мною аргументы: географические особенности, большая площадь, строгость, наличие крепостных сооружений позволяют считать, что именно подобные куэсте Сусизтага горы являлись теми петрами, которые охарактеризованы греко-римскими авторами, описывающими поход Александра Македонского в горные районы Наутаки и Парейтакены, а саму эту куэсту возможно сопоставить со скалой Сисимитра.

Судя по последовательности событий, изложенных у Квинта Курция Руфа, из Наутаки на юг Александр Македонский совершил два похода.

Первый из них, он предпринял в горную часть Наутаки против Сисимитра, второй — в Габазу. В перерыве между двумя этими походами, Александр ходил на дахов и осуществил зимовку своих войск, согласно Арриану, в Наутаке (Курций VIII, II-40; IV, I-20; Арриан 14, 18).

Географические ориентиры похода на скалу Сисимитра, описаны у Квинта Курция Руфа следующим образом: «Этот Сисимитр, вооружив своих соотечественников, заградил сильным укреплением наиболее узкое место входа в область. Мимо протекала быстрая река, тыл закрывала скала; в ней жители вручную пробили проход. В начале этого прохода еще светло, но внутри если не внести свет, царил темнота. Непрерывный подземный ход, известный только местным жителям, выводит в поле. Хотя варвары сильным отрядом защищали ущелье, укрепленное самой природой, Александр подведенными таранами разбил укрепления сделанные человеческой рукой; он отбросил пращами и стрелами большинство врагов, сражавшихся впереди; рассеяв их и обратив бегство, он взойшел на развалины укреплений и повел войско к скале. Однако дорогу преграждала река, вбирающая в себя воды, стекающие в долину со склонов гор. Казалось, стоило огромного труда завалить пучину. Все же царь велел рубить деревья и валить камни» (Квинт Курций Руф, VIII, 19-32).

Сопоставив свои силы и силы Александра и при посредничестве Оксиарта, принадлежащего к тому же племени, что и Сисимитр, последний сдался со своим войском и семьей Александру Македонскому.

Уже в семидесятые-восьмидесятые годы, обследуя горные районы Гиссара на стыке Кашкадарьинской области, я, с учетом всех ориентиров, указанных в вышеприведенном фрагменте, искал похожее на данное описание место.

В результате я пришел к выводу, что более всего ему соответствует ущелье Бузгала-хана и прилегающая к нему с юга долина Шуроб-сая, ограниченная с северной и южной сторон куэстами Сар-и Маск и Сусизтаг, расположенные к западу от к. Дербенд.

Уже в 1875 г. Н. А. Маев, впервые обследовав ущелье Бузгала-хана, предложил отождествить его со знаменитыми Железными воротами⁴⁷ (Баб-ал-Хадид, Дар-и Аханин, Тимир-капиг) средневековых письменных источников, что было поддержано П. Н. Мушкетовым и В. В. Бартольд⁴⁸. С археологическими целями эта местность подробно исследовалась мною, начиная с 1969 г. Здесь была выявлена, в частности, пограничная стена, определявшая северо-восточную границу Кушанского государства и границу Бактрии и Согдианы⁴⁹. Впоследствии на этой стене проводились археологические исследования совместной узбекско-французской экспедицией⁵⁰.

Все это позволяет более конкретно и убедительно обосновать локализацию скалы Сисимитра, местоположение которой в этом районе впервые предложил В. Томашек и южной границы области Наутака, к которой с севера подошел Александр Македонский.

Поэтому весьма важно определить, по какой дороге шел на юг Александр Македонский, преследуя отступающего Сисимитра. Следует подчеркнуть, что военные действия происходили целиком на территории области Наутака, летом или осенью 328 г. до н. э.

Из восточной области Кашкадарьи на юг в настоящее время ведет только одна главная дорога, по которой проходит Большой Узбекский тракт от Шахрисябза на юг через Камаш и Гузар, затем на юго-восток через Дехканабад, Ак-Рабат, Дербенд, где у этого кишлака она резко поворачивает на юг и следует через Шерабад к Термезу и Амударье.

Судя по археологическим данным и сведениям письменных источников, эта дорога начала более активно использоваться в античное время и в особенности — в средневековье.

Однако более древней и значительно более короткой была т. н. Кальтаминарская дорога, которая использовалась еще в

конце XIX века и потеряла свое былое важное значение только после 1902 г. в связи со строительством тракта Самарканд — Термез⁵¹.

Эта дорога начиналась перед входом в предгорье и горы Западного Гиссара у бухарской крепости Яртепа⁵², а затем шла через ущелье Кам-дарваза прямо на юг, пересекая долины Катта Урядарьи, где находился кишлак Калтамишор, затем опускалась в долину Кичик Урядарьи и через кишлак Карахаваль выходила к Ак-Рабату (современный одноименный кишлак после строительства тракта Термез-Самарканд переместился на 10 км южнее старого кишлака).

От старого Ак-Рабата дорога поворачивала на восток и по долине небольшой речки Чак-чак подходила к ущелью Бузгала-хана (Железные ворота). Весьма примечательно, что в отличие от первой дороги через Гузар и Тенги Хорам, по всей ее трассе зафиксированы археологические памятники VI-IV вв. до н. э. синхронные с периодом похода Александра Македонского.

Так, у начала этой дороги, всего лишь в нескольких километрах к северу от Яртепа, находится Гульдаринский оазис, центром которого было поселение Даратепа⁵³, с тремя памятниками ахеменидского времени. В самом Яртепа в нижних слоях, подстилающих средневековую крепость, нами найдены фрагменты керамики VI-IV вв. до н. э.

Поселения ахеменидского времени зафиксированы мною, а также Р. Сулеймановым и П. Пешедовым в долине Катта Урядарьи у кишлака Байкурган и в долине Кичик Урядарьи у кишлака Карахаваль. Отдельные фрагменты керамики этого времени были зафиксированы мною на распаханном поле у старого кишлака Ак-Рабат.

Эти данные убедительно свидетельствуют о функционировании именно Калтаминорской дороги в VI-IV вв. до н. э.

Они являются более фундаментальным подтверждением (нежели голословные умозаключения, как бы они не были остроумны) того обстоятельства, что, вероятнее всего, Александр Македонский, преследуя Сисимитра, укрывшегося у южной границы своего владения, шел именно по ней. Перейдем теперь к общей географической и археологической характеристике всего этого района, в котором мы находим соответствие приведенного у Квинта Курция описания самого узкого места входа в область Наутаку и скалы-петра, на которой укрылся Сисимитр.

*Железные ворота. Ущелье.
Дара-и Бузгала-хана.*

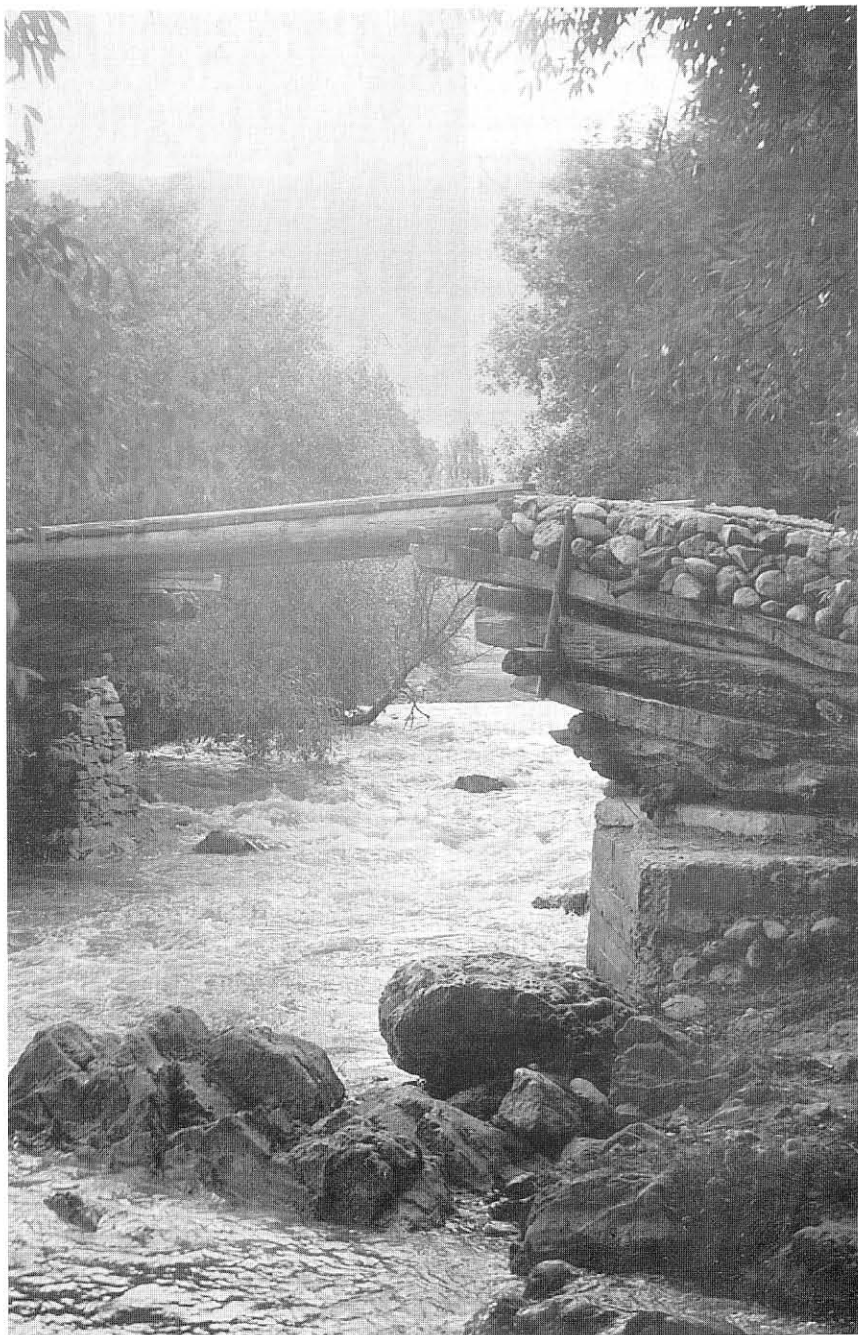
«Калтаминарская» дорога с севера подходила к ущелью Дара-и Бузгала-хана и по нему выходила в низовья Шуробся, являвшегося в древности естественной географической, а также исторической границей между Бактрией и Согдианой.

Долина Шуробся, протянувшаяся здесь на 9-10 км в направлении запад-восток, с северо-запада замкнута горным хребтом Чак-чак с перевалом (на картах он иногда именуется Акрабатским перевалом). С востока долина ограничена Шерабадарьей или Тургандарьей, в которую впадает Шуробсай. Отсюда и вплоть до куэсты Сар-и Маск узкой полосой вдоль Тургандарьи располагается современный кишлак Дарбад. В восточной части долину перескашивает скалистая гряда с перевалом, которую пересекает сейчас Большой Узбекский тракт. С севера, как и с юга, соответственно, долина Шуробся ограничена круто поднимающимися куэстами Сар-и Маск и Сусизтаг. Ширину долины здесь не более 2 км⁵⁴.

Такова общая характеристика данного района. Теперь перейдем к более подробному описанию отдельных ее мест, их археологической характеристике и сравнению этих данных со сведениями Квинта Курция Руфа.

Дара-и Бузгала-хана («Ущелье Дома Лани») — таково полное название этого места, а не просто Бузгала-хана, как принято считать в научной литературе. Оно расположено в 3 км к северо-западу от современного кишлака Шуроб.

Это узкое ущелье протяженностью более двух километров прорезает обширную куэсту Сар-и Маск с севера на юг. По дну ущелья протекает небольшая речка Гур-и Ходжа сай (река моги-

лы Ходжи), большей частью года безводная. По обеим сторонам ущелья возвышаются отвесные скалы куэсты Сар-и Маск с плоскими вершинами, высотой до 150-160 м. Местность с южной стороны от входа в ущелье представляет собой слегка наклонную равнину, сейчас используемую под посевы зерновых культур.

Ширина ущелья с севера, у его начала, со стороны средневекового Кеша, достигает немногим более 10 м, причем западная часть этого пространства занята руслом реки Гур-и Ходжа сая, тогда как дорога проходит по восточной части. Перегородить эту часть воротами или каким-либо оборонительным сооружением не представляет большого труда, а, судя по достаточно разработанному и глубокому руслу реки, в более раннее время здесь протекал постоянный поток воды.

Здесь у входа в ущелье имеются остатки каменных фундаментов из рваного камня и стена из самана довольно больших сооружений. Длина одного из них достигает 93 м, а ширина — 5 м. По словам местных жителей, это жилище чабана, предназначенное для трех семей, находилось здесь еще в давние времена. Здесь же зафиксированы круглые выкладки из камня, диаметром до 3,5 м, предназначенные, по словам местных жителей для содержания молодняка-джаргула. Однако не исключено, что они могли представлять собой остатки башен. Подъемный материал, собранный здесь, небольшой и состоит из невыразительных фрагментов керамики позднего средневековья и более раннего времени. Не исключено, что здесь находился таможенный пункт для сбора налогов через проход по ущелью.

Надо также отметить, что на вершине скал, возвышающихся над входом в ущелье, с восточной стороны нами были зафиксированы выкладки из камня, возможно, представляющие собой сторожевые сооружения.

Далее к югу ущелье то расширяется, то сужается до весьма небольшого пространства между скал. У входа с южной стороны ширина ущелья достигает 40-50 м. Здесь, в его центре, расположен холм геометрически правильных очертаний, высотой 2-3 м, сложенный из естественных каменных глыб, также, видимо, созданный для укрепления входа в ущелье. Таким образом, ущелье Дара-и Бузгала-хана — Железные ворота в дополнение к своим естественным защитным свойствам было укреплено опреде-

← Мост через Тургандарью. Фото Э. В. Ртвеладзе.

ленной фортификационной системой, от которой, к сожалению, сохранились лишь незначительные фрагменты. Общая его протяженность — около 3 км.

Сравнивая вышеприведенную географическую и археологическую характеристику Дара-и Бузгала-хана с описанием самого узкого места входа в область Наутака, убеждаешься в их фактической идентичности. Сравним у Квинта Курция Руфа — узкое ущелье, укрепление в начале ущелья, протекающая мимо него река, поля у входа из ущелья — с вышеприведенным нами описанием ущелья Дара-и Бузгала-хана.

Примечательно совпадение характеристик Железных ворот — Дара-и Бузгала-хана данных средневековыми авторами, учеными, посетившими ущелье в конце XIX в., с описанием самого узкого места входа в область Наутака у Квинта Курция Руфа. У Курция читаем: «... В начале этого прохода еще светло, но внутри если не внести свет, царит темнота». Почти аналогично описание Бузгала-хана у Н. А. Масва: «Трудно представить себе что-нибудь мрачнее и величественнее этой громадной трещины в угрюмых, нависших над дорогой скалах. В ущелье было уже темно и сыро, как в могиле. Это какой-то мрачный, извилистый коридор»⁵⁵. В отличие от эмоционального описания Н. А. Маева, характеристика Бузгала-хана, данная И. В. Мушкетовым более академична. Он пишет: «...Ущелье ... очень узкое, ширина его не превосходит 10 саженей (21 м), а местами и меньше, дно его весьма гладкое, ровное, усыпанное мелкими речным песком и галькой. Склоны его весьма отвесные и выдвигаются футов на 500 (150 м) над дном». Таким же показалось это ущелье мне при первом его посещении в 1969 г., оставившем довольно мрачные впечатления»⁵⁶.

Аналогично описывает Железные ворота Сюань-Цзянь, прошедший через них около 630 г. н. э., и Клавио в 1404 г.: «Эти горы очень высокие и в этом месте есть проход, которым можно пройти сквозь горы по трещине и кажется точно он проделан человеческими руками, а проход ровный и глубокий... Этот проход в горах называется Железными воротами и во всей цепи гор нет другого прохода кроме этого»⁵⁷. Это совершенно точно, поскольку другого такого прохода из Бактрии в Согд, больше нет.

Покинув ущелье, как пишет Квинт Курций Руф, армия Александра перешла через реку, завалив ее деревьями, и стала штурмовать скалу, где укрылся Сисимитр.

В километре к югу от выхода из ущелья Бузгала-хана протекает река Шуроб, с южной стороны которой возвышается куэста Сусизтаг с плоской вершиной. На левом берегу Шуроб-сая расположена крепость Шерходжа, от которой отходит мощная крепостная стена, длиной около 2 км, перегораживающая всю долину Шуробсая от Сусизтага до Сар-и Маска. Первые археологические исследования, проведенные мною в 1986 г. позволили определить, что эта стена, возведенная в раннекушанское время в I-II вв. н. э., являлась пограничным рубежом между Бактрией и Согдом.

В последующие годы на этой стене проводились раскопки совместным отрядом узбекских и французских археологов в результате которых Ш. Рахманов пришел к выводу об основании стены в греко-бактрийское время, которая тогда еще не имела вполне законченного вида, но в II-I вв. до н. э. (но не позже рубежа нашей эры) стена представляла собой уже серьезное оборонительное сооружение⁵⁸.

Между тем, этот вывод вызывает серьезное сомнение. В греко-бактрийское время здесь, вероятно, был «небольшой» таможенный пункт-крепость, для охраны дороги и таможенного сбора.

Характерно, что в северной части стены, где мы осуществили разрез стены, никаких материалов греко-бактрийского времени не обнаружено. Нет основания говорить и о сооружении ее в II-I вв. до н. э., так как военных и политических причин для этого не существовало. Вся стена, по нашему мнению, была возведена при Сотере Мегасе (Вима Так (то)), когда кушаны завоевали и включили в состав государства Северную Бактрию, для охраны северных рубежей от военной угрозы, исходящей с севера.

Ш. Рахманов полагает, что крепость Шерходжа и есть скала Сисимитра⁵⁹. Однако это мнение исходит из невнимательного прочтения самого источника — Квинта Курция Руфа. По его данным, после выхода из ущелья, Александр Македонский с войском по пути к скале, где укрылся Сисимитр, преодолел реку, тогда как крепость Шерходжа находится на левом берегу Шуробсая и по пути к ней нет никаких рек. Кроме того, площадь крепости Шерходжа (80x50 м) незначительна и она не могла вместить Сисимитра со всеми его домочадцами и войском.

Напротив, возвышающаяся на правом берегу Шуробсая высокая почти неприступная гора-куэста с плоской вершиной, называемая Сусизтаг, по всем показателям соответствует скале Сисимитра.

Именно подобного типа куэсты, способные обеспечить проживание значительного числа жителей, соответствуют греческому понятию «петра» — скала, употребленному историками походов Александра Македонского по отношению к Средней Азии. Как мы об этом писали выше, петры-куэсты были временными убежищами, куда в случае опасности укрывалось население.

Таковыми они оставались в средневековье и позднее, как рассказывали мне местные старожилы гор Гиссара. Именно на эти куэсты уходило население кишлаков в случае опасности. В качестве временного убежища они фигурируют и в легендах, в частности, жителей к. Дербент, которые рассказывали мне, что подобного рода убежищем для жителей этого кишлака всегда служила куэста Сар-и Маска. Эти куэсты использовались также как пастбища и для пахотных участков — на некоторых из них имеются родники.

Исходя из анализа имеющихся данных можно полагать, что ущелье, о котором писал Квинт Курций Руф, — это Дара-и Бузгала-хана, безыменная река — Шуробсай, скала, служившая убежищем Сисимитра, — куэста Сусизтаг.

Если это так, то долина Шуробсай являлась южной границей области Наутака во время похода Александра Македонского. Эта долина традиционно оставалась границей между Согдианой и Бактрией-Тохаристаном и в последующие исторические периоды. В. Томашек⁶⁰ и В. Григорьев⁶¹ были первыми исследователями, предложившими поместить скалу Сисимитра в районе Железных Ворот, что сейчас находит не только подтверждение, но конкретную локализацию в наших исследованиях. И. В. Пьянков также считает, что здесь размещался пограничный пункт, в ахеменидское время отмечавший рубеж между Бактрией и Согдом и контролирующей большую дорогу⁶².

Эта гипотеза пока не находит подтверждения в археологических исследованиях данного района, но вместе с тем, подобное предположение не может быть полностью исключено.

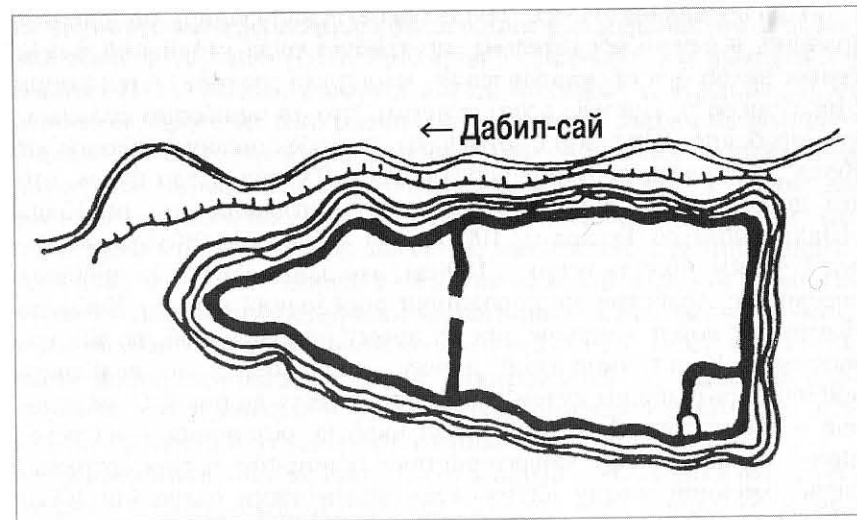
На середину I тыс. до н. э. приходится процесс создания крепостей у переправ через Амударью и вдоль дорог к Оксу (Шортена, Талашкан I, возможно, Термез, Хирмантепа), что, вероятно, отражает целенаправленный характер деятельности ахеменидской администрации по осуществлению контроля над основными дорогами, проходившими через Бактрию и Согд.

Согласно Квинту Курцию Руфу, Александр на третий месяц выступил с войском из зимних квартир, направляясь в область, называемую Газаба или Габаза (6, VII, V, 2-14). По Арриану, Александр зимовал в области Наутака (I, IV, 18), локализация которой в восточной части Кашкадарьи, предложенная в прошлом веке, подтверждается сейчас данными археологии, свидетельствующими о значительной концентрации здесь поселений VI-IV вв. до н. э. В последнее время выявлен и административный центр области Наутака⁶³ — городище Узункыр (пл. около 70 га) с мощной фортификационной системой, расположенное в 9 км к северу-западу от Китаба⁶⁴.

И. В. Пьянков на основании критического анализа письменных источников реконструировал последовательность и направление маршрута последнего похода Александра из Согдианы в Бактрию таким образом: путь из Наутаки в область Габазы вплоть до ущелья или перевала, где македонскую армию застала сильная буря, занял три дня. В районе этого ущелья находилась скала Сисимитра, которая, по его мнению, соответствует скале Хориена, упомянутой Аррианом (IV, 18). После осады и взятия этой скалы, Александр пересек страну паретаков, а затем по Курцию Руфу, прошел вблизи какой-то крепости и, переправившись через Окс, прибыл в Бактры, где произошло соединение всех отрядов македонской армии, пришедшей из Парейтакены и Бубакены.

Восстановленный маршрут похода Александра из Наутаки в Бактры, И. В. Пьянков сопоставил с данными средневековых арабских дорожников о расстоянии, затрачиваемом по пути из Кеша в Балх. Он считает, что, согласно этим данным, путь от Кеша (Шахрисябз) до Железных ворот (Дар-и Аханин) в Байсунских горах через область Гузара занимал четыре дневных перехода, а от Железных ворот до Балха — пять переходов. Сопоставив все эти данные, И. В. Пьянков помещает область Габазы в районе Гузара, а крепость Сисимитра-Хориена, вслед за В. Томашеком и В. Григорьевым — в районе Железных ворот, трактуя ее как пограничный пункт на большой дороге, отмечавший рубеж между Бактрией и Согдом⁶⁵.

Городище Дабил-курган. План. Съемка Э. В. Ртвеладзе, 1969 г.

← Страна Газаба. В горах Кугитанга. Пахота с помощью омача.

Городище Дабил-курган у к. Паихурд.

Предложенная И. В. Пьянковым локализация, по нашему мнению, в чем-то убедительна, но требует ряда уточнений в особенности по части направления маршрута похода Александра Македонского. Прежде всего отметим, что он ошибочно полагает, что арабские дорожники отмечают четырехдневную дорогу от Кеша до Железных Ворот через область Гузара. Дело в том, что эта дорога имеет довольно большую протяженность: от Кеша (Шахрисябз) до Гузара — 100 км, от Гузара до Железных ворот — 80 км, то есть всего — 180 км, что занимает шесть дневных переходов. Арабские же дорожники определяли путь от Кеша до Железных ворот в четыре дня по иному направлению, по так называемой Кальтаминорской дороге, являющейся до недавнего времени кратчайшим путем сообщения между долиной Сурхандарьи и Кашкадарьей. В этой связи вкратце остановимся на историко-географической характеристике обширной горной страны, расположенной между двумя земледельческими оазисами: Кашкадарьинским с севера и Сурхандарьинским с юга. В широтном и меридиальном направлении она прорезана цепью горных хребтов и куэст: Чакчак, Байсун, Кугитанг, Сар-и Маск и Сузистаг, объединенной географами в общее понятие «Западный Гиссар».

Примерно в центре ее горные куэсты Сар-и Маск и Сузистаг разделены сравнительно широкой долиной Шуробся, впадающей в Шерабад-дарья. Здесь находится кишлак Дербент, а в 9 км к западу от него по долине Шуробся — горное ущелье Бузгала-хана (Железные ворота).

Главная дорога из Бактрии Тохаристана от переправ Термез, Шуроб, Чушка гузар шла по долине Шерабаддарьи. У северной окраины г. Шерабада, там, где начинается подъем в горы и долина резко суживается, с западной стороны в кушанское время находилась мощная крепость Кафыр-кала, контролировавшая вход в ущелье реки. Позднее здесь же находилась и Кала Шерабадских беков⁶⁶. От Кафыр-калы дорога шла прямо на север до Дербента, а затем резко поворачивала на запад и по долине Шуробся и через ущелье Железные ворота выходила к селению Кендек. В этом месте дорога разветвлялась: одна шла на северо-запад к Несефу (Карши) через селение Дидеги — один переход, далее от него к Субаху (район Гузара) — также один переход. Другая дорога от Кендека поворачивала прямо на север и шла к Кешу, до которого именно по этому направлению считалось три дня пути⁶⁷. Таким образом, узловым пунктом главной дороги из Бактрии-Тохаристана в Кеш и Согд являлось селение Кендек.

В. В. Бартольд предложил локализацию Кендека на месте г. Карахаваль в долине Кичи-Урадарьи⁶⁸, видимо, основываясь на данных Н. А. Маева, который писал, что ниже к. Карахаваль от основной дороги из Шахрисябза ответвляется дорога на Карши⁶⁹. Однако здесь было второстепенное, но не главное направление дороги на Карши (Несеф). Основным же местом в котором дорога расходилась по двум направлениям, являлся Ак-Рабад, где по нашему мнению, вероятнее всего, находилось селение Кендек. Ак-Рабад и позднее определялся как важный узловый стратегический пункт места остановки караванов — здесь же нами отмечены находки средневековой керамики X-XI вв. В XV в. на этом месте находился караван-сарай, построенный по преданию Абдулла-ханом, а в начале XX века русскими инженерами была возведена крепость с угловыми каменными бастionsами.

Дорожники определяют расстояние от Железных ворот до Кендека в один дневной переход⁷⁰. Но, по всей вероятности, оно дано не от самого ущелья Бузгала-хана, вблизи которого отсутствуют следы средневековых поселений, а от Дербента, где в северной его части нами выявлено крупное средневековое поселение X-XII вв. с цитаделью, расположенное в местности Канчигай. Расстояние от Дербента до Ак-рабада более 20 км, что вполне укладывается в один дневной переход, учитывая к тому же сложный рельеф дороги по долине через ущелье и трудный подъем к Ак Рабаду, расположенному в высшей точке перевала.

Подробный путь от Ак-Рабада в Шахрисябз с указанием расстояний и физико-географической характеристикой всей местности описан Н. Маевым. Согласно его данным, вся дорога занимала расстояние в 11 верст, т. е. 119 км 504 м. Промежуточными станциями были Карахаваль (24 версты — 25,6 км от Ак-Рабада), Калта-минор (20 верст — 21,3 км от Карахавалья), Яр-Тюбе (28 верст — 29,8 км от Калта-минор). Не доходя 6 верст до Яр-Тюбе, дорога покидала горы и через ущелье Кам-Дарваза выходила на равнину Чим-Курган (24-25 верст — 25,6 км от Яр-Тюбе) и от Чим-Кургана до Шахрисябза 16 верст — 17 км⁷¹.

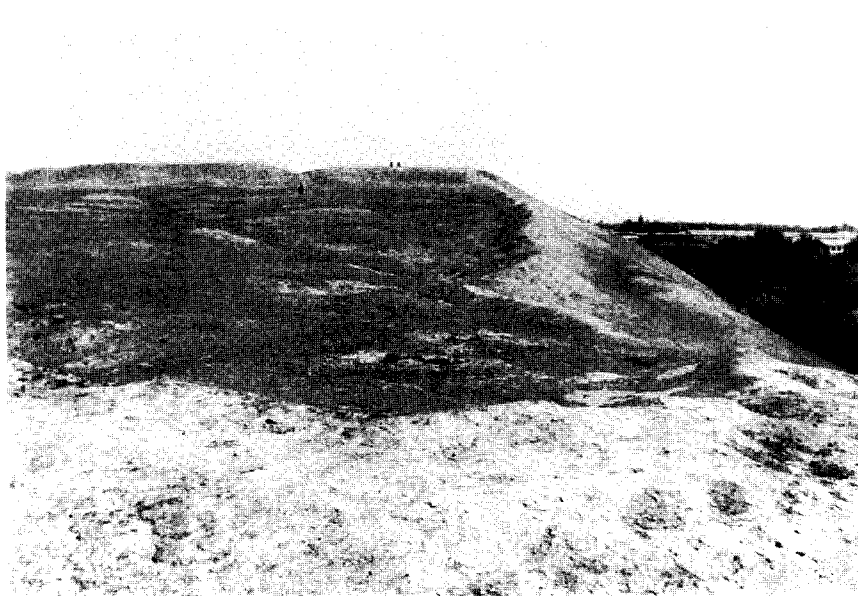
Согласно, арабским дорожникам, путь от Кеша (Шахрисябз) до Кендека равнялся трем дням пути⁷². Тремя днями пути определялся Квинтом Курцием Руфом путь войск Александра в область Габазу (VIII, IV, 2-14).

Таким образом, учитывая эти данные, можно полагать, что данный маршрут был совершен Александром по кальтаминорской дороге, причем отсчет расстояний от зимних квартир в Наутаке

велся, вероятно, от района Шахрисябза-Китаба, где находился, судя по концентрации археологических памятников, центр этой области. Как мы упомянули выше, расстояние по этой дороге от Шахрисябза до Ак-Рабада около 120 км, до ущелья Бузгала-хана (Железных ворот) — около 130 км, что вполне укладывается в три дня пути по 40 км в день, учитывая высокую мобильность армии Александра. Следовательно, допустимо предположить, что северная часть области Габаза — Газаба находилась в горной местности, простиравшейся от ущелья Кам-Дарваза вблизи Яр-тюбе до Ак-Рабада — Железных ворот.

Обратимся к данным топонимики. Рукописи сочинения Квишта Курция Руфа, наряду с названием «Gazaba», дают также написание «Габаза» (Gabaza). И. В. Пьянков любезно сообщил нам в письме, выдержки из которого мы приводим ниже, что написание «Gazaba» встречается в большинстве из них, в том числе в наиболее авторитетной (Parisinur, 5716). Издатель E. Heddicke дает в тексте «Gazaka», но отмечает и чтение «Gazaba» (1908, с. 265). Издатель E. Bardon в тексте дает «Gabaza», но отмечает чтение и «Gazaba», и «Gazaka» (том II, 1948, стр. 297). В изда-

Стена городища Дабил-курган.

нии под редакцией В. С. Соколова в тексте «Gabaza», но отмечено чтение «Gazaba» (так следует читать вместо «Gabaza» — опечатка) и «Gazaka». Так же и у исследователей. В. Томашек предпочитает форму «Gabaza»⁷³, а И. Маркварт пишет «Gazaba»⁷⁴, в т. п. рукописи «Netzer'a a-ad». Таким образом, область называлась «Gazaba» или «Gabaza», менее вероятно — «Gazaka».

На русских топографических картах конца XIX- начала XX веков, местность к западу от Ак-Рабада обозначена как «Габзан»⁷⁵. Н. А. Маев, между кишлаком Тенги-Хорам (Дехканабад) и Ак-Рабадом, упоминает урочище Чашмаи-Хафизджан, говоря о нем, что название этого урочища на картах искажено в не имеющее смысла название «Габзан». В 1969 г., при проведении здесь археологических разведок, местные старожилы рассказали мне легенду, согласно которой, в давние времена в этом месте правил персидский Габзан-шах, которому принадлежала вся горная местность и по имени которого, она, якобы, была названа. В этих наименованиях, очевидно, явное созвучие с названием древней области Габазы — Газабы Квишта Курция Руфа. Таким образом, совпадение маршрутных данных, топонимики и легенды делает выше предложенную локализацию еще более вероятной.

Обратимся теперь к данным средневековых письменных источников. Армянский историк Себеос (VII в. н. э.), описывая поход персидского полководца Вахрама Михревандака, говорит, что этот полководец силой завоевал Балх и всю страну кушанов по другую сторону великой реки под названием Вехрот до места под названием Казбион⁷⁶, И. Маркварт локализовал Казбион в Бухарском оазисе⁷⁷. Однако, как заметил И. В. Пьянков, эта локализация не оправдана⁷⁸. Более предпочтительна территориально, предложенная М. Е. Массоном локализация Казбиона на месте городища Касни (средневековая Кесба к западу от Карши)⁷⁹. Нам представляется, однако, что есть основания к локализации Казбиона в горном районе к западу от Железных ворот, т. е. там, где в древности находилась область Газаба-Габаза. Не может не привлечь на себя внимание созвучие названий: Казбион, Газбан, Габаза и Газаба. Передача звука «г» как «к» нередко встречается в ряде языков, что же касается окончания «он-ан» в словах Казбион и Габзан — Газбан, то, вероятнее всего, они передают персидскую форму этих слов (Balaxš = Badaxšan, Čagranī = Čaganiyan).

Но еще более достоверным источником для подобного отождествления являются археологические данные, получен-

ные в районе Железных ворот и кишлака Дербент. В 2 км к западу от него была выявлена мощная стена кушанского времени, перегораживавшая долину Шуробса на трассе основного пути из Согда в Бактрию. Протяженность стены около 1,5 км, ширина — немногим более шести метров. Выстроена она из квадратного сырцового кирпича 32 x 32 x 10 см, а внутри заполнена бутовым камнем. В южной части стены — мощная крепость, возведенная на скалистом гребне, обрывающемся глубоким каньоном к реке Шуроб⁸⁰. Не вызывает сомнений, что это — пограничная стена, защищавшая северные границы кушанского государства. В связи с этим, слова Себеоса о том, что Вахрам Михревандак завоевал всю страну кушан к северу от Амударьи (Вехрота) до места Казбион приобретают ясное топографическое определение: с северной стороны границей страны кушан являлся район Дербента, отмеченный пограничной стеной, за ним находилась местность Казбион.

Таким образом, можно считать, что Газаба-Габаза-Казбион — это название одной и той же горной местности, расположенной между Дербентом — Железными воротами с одной стороны и Яртепа и Гузаром с другой стороны.

Вопрос о локализации Габазы — Газабы теснейшим образом, по нашему мнению, связан с вопросом о местоположении местности «Гозбон» («Ореховое дерево»), обсуждаемом в науке, начиная с XIX в.

В раннесредневековых письменных источниках местность или область Гозбон упоминается только в армянском географическом сочинении VII в. «Ашхарацуйца», согласно которой «Гозбон, вплоть до реки, называемой Аранг, о которой (персы) рассказывают, что она несет серу — широкой и непроходимой. Вероятно речь идет о Фисоне, который персы называют Вехротом. А непроходимым его считают в том смысле, что он непреодолим и непроходим для могущественных народов персов и индийцев в силу договора»⁸¹.

В свою очередь И. Маркварт показал, что сообщение в «Ашхарацуйца» о Гозбоне и Аранге-Вехроте (Амударье) восходит к древнеиранскому эпическому сказанию о пределе иранских земель и искусном стрелке Арише (Ареше), переданному в зороастрийской литературе и ранними арабо-персидскими авторами. Согласно этим источникам, «Манучехр, царь Ирана, и Афрасиаб, владыка Турана, заключили договор, по которому пределы Ирана будут определены полетом стрелы. Стрелу, выпустил ис-

кусный стрелок Ариш, она пролетела огромное расстояние и вонзилась в «ореховое дерево» (gozbun)⁸².

Доказано, что Гозбон «Ашхарацуйца» и «ореховое дерево» (gozbun) иранских сказаний, определяемое как местность, соответствуют друг другу⁸³. Созвучие этих двух названий, несомненно.

Где же находилась эта местность? В средневековых арабо-персидских источниках стрела Ариша выпущена из Табаристана (область на южном побережье Каспийского моря — Э. Р.) и летит на восток, причем по Табари она достигает Джейхуна-Амударьи, а по Саалиби местности Гозбон в районе Хульма области Баглан⁸⁴. Согласно Беруни, стрела Ариша долетает до крайних пределов Хорасана между Ферганой и Тохаристаном⁸⁵.

И. Маркварт, а вслед за ним и И. Пьянков, понимали Тохаристан в этом сообщении Беруни как небольшую область с центром в Талекане, а Фергану связывали с районом одного из притоков реки Кундуз между Багланом и Ишкамишем⁸⁶.

Однако, никаких указаний на трактовку обеих этих областей Тохаристана и Ферганы в столь узком значении у Беруни нет ни в одном из его сочинений и ничто не препятствует тому, чтобы Беруни понимал эти области именно таковыми, какими они были в древности и раннем средневековье. Тохаристан — это обширная область, охватывающая Северный Афганистан, Южный Узбекистан и Таджикистан, разделённая Амударьей на две части, как на это указывал Сюаьш-Цзянь⁸⁷, а Фергана — это Ферганская долина современного Узбекистана. В. Ф. Минорский, опираясь на предложенную им этимологию термина «Gozbon», как «Lying bellow Goz» — «Лежащий ниже Гуза», локализовал местность «Гозбон» к северу от области Гузган между средневековыми городами Анхуд (совр. Андхой на северо-западе Афганистана — Э. Р.) и Керкух (совр. Керки на берегу Амударьи в Туркменистане — Э. Р.)⁸⁸.

Заметим, однако, что эта область по данным Н. И. Вавилова и Д. Д. Букинича, характеризуется в почвенном отношении исключительным распространением серых песков, каменистых, щебнистых и глинистых пустынь и никаких ореховых деревьев там не растёт⁹⁰. Это подтвердили также мои личные наблюдения во время маршрутов в юго-восточном Туркменистане. Уже этот важнейший признак распространения флоры снимает локализацию В. Ф. Минорского, так как в эпических сказаниях и письменных источниках ясно указано что стрела Ариша вонзилась в ореховое дерево. Очевидно также, что местность Гозбон может быть локализована только там, где произрастают ореховые деревья.

Обобщая вышесказанное, отметим, что западные исследователи, а вслед за ними И. В. Пьянков локализуют местность Гозбон к югу от Амударьи (в пределах Северного Афганистана и Юго-Восточного Туркменистана), хотя и в «Ахшарауица», и в эпических иранских сказаниях, и в средневековых письменных источниках такой ориентир фактически отсутствует. Более того, правильное понимание употребленных Беруши широких значений терминов Тохаристан и Фергана позволяет заключить, что эта местность находилась к северу от Амударьи.

На это же указывает и несомненное языковое сходство двух топонимов: «Гозбон» армянского географического сочинения и древней области Газаба-Габаза греческих источников, где некоторое языковое несоответствие (наличие «а» вместо «о» и перестановка букв в топониме Габаза) можно объяснить значительной временной разницей (между походами Александра и написанием «Ахшарауица» прошло около 1000 лет) или переделкой древними авторами местного названия Гозбон в более удобное для них Газаба или Габаза (и то и другое написание отмечено в разных рукописях Квинта Курция Руфа, см. выше). В этом отношении примечательно зафиксированное Н. Я. Маевым и русскими топографами 70-х годов XIX в. название местности Габзон в районе нынешнего г. Дехканабада (современная Кашкадарьинская область), о чем сказано выше, почти точно соответствующее термину «Гобзон» в «Ахшарауица» и в иранских эпических сказаниях. Перестановка двух букв «б» и «з» не кажется нам существенным, так же как и употребление «а» вместо «о», поскольку это нередко встречается в словах с двумя рядом расположенными буквами.

Выше мы определили, что северная часть области Газаба — Габаза приходилась на горную местность между Железными воротами (Дарбанд) и равнинной частью Кашкадарьинской области. Однако есть основание полагать, опираясь на сведения в «Ахшарауица», что Гозбон простирался вплоть до реки Аранг-Вехрот, т. е. Амударьи, область Газаба — Габаза-Гозбон захватывала всю обширную горную систему юго-западного Гиссара, состоящую из ряда горных хребтов и гряд, где главным хребтом является Кугитанг, простирающийся от Амударьи до Железных ворот.

Характерно наличие большого числа в этом горном районе топонимов Гоз или Гозак, в частности, название Гоз носит река, начинающаяся в хребте Кугитанг и прорезающая недалеко от

к. Пашхурд Келифо-Шерабадскую горную гряду и впадающая (как, вероятно, и в древности) в Амударью. Примечательно, что расположенный у входа в гряду мазар согласно опросу, проведенному мною в 1968 г., носит название Гоз или Гозон-ата (другое название Кырк-кыз). Именно на базе этой речки возникло древнее поселение Дабил-Курган у к. Пашхурд, нижние слои которого датируются VI-V вв. до н. э., а в низовьях реки (где ее следы еще прослеживались 30 лет назад) первое древнеземледельческое поселение в Северной Бактрии — Сапаллитепа⁸⁹. Примечательно также наличие в Западном Гиссаре значительных зарослей дикого и культурного грецкого ореха — *juglans regia*, занимающих большие площади, отдельные экземпляры которого, как я убедился во время моих неоднократных маршрутов по Западному Гиссару, достигают нескольких обхватов. Показательно, что некоторые опрошенные мною местные жители называют грецкий орех термином «джуз» или «гуз», такое же название он носит и в Афганистане⁹⁰.

В связи с комплексом поднятых вопросов нелишне обратиться и к данным зороастрийских источников. Так, в «Меногихрат» сказано, что стрела летела от Патишгавара (Табаристан) до Буни-Гозака (т. е. Орехового дерева)⁹¹, в чем И. В. Пьянков видит намек на выстрел Ариша⁹². По его мнению, то же сказание об Арише отражено в Авесте, где стрелок Рхша (Ариш) пустил стрелу от горы Арийская Хштута до горы Хванва (VIII, 6, 7, 37, 38). И. В. Пьянков сопоставляет гору Хванва (*xvanvanant*), с городом Хоана (Хоана), упомянутым Птолемеем в перечне бактрийских городов, расположенных по Оксу (Ptol., VI, II). Он считает, что этот город располагался на левом берегу Окса и локализуется его у Амударьи напротив Термеза или в районе Инкамиша и Кундуза.

Между тем в Авесте ясно сказано, что свою стрелу Рхша пустил до горы Хванва, а не до города.

Если провести условную линию на восток, то первым горным массивом, протянувшимся в меридиальном направлении и встретившимся на пути свободного следования стрелы Рхша, будет Кугитанг, который, вероятно, и можно сопоставить с горой Хванва. В таком случае бактрийский город Хоана — это, возможно, Келиф, город-крепость, располагавшийся у южной конечности Кугитанга на обоих берегах Окса-Амударьи, где находилась одна из важнейших переправ на этой реке⁹³. О глубокой древности его возникновения свидетельствуют найденные здесь

В. Н. Пилипко материалы кушанского времени⁹⁴, а также керамика эллинистического времени, обнаруженная мною во время маршрута по Оксу. В Келифе располагался и рабат под названием Зулкарнайн (Александр Македонский).

Обратимся теперь к исключительно интересному, но почему-то до сих пор не привлекаемому для решения вопроса о Габаза-Газаба-Гозбону источнику — монетам.

В частности, Р. Геблем были впервые опубликованы два экземпляра серебрянных подражаний чекану Варахрана IV (388-399 гг.) с бактрийской легендой, которую он читает как PAΥO или PAO GOBOZIKO⁹⁵. Позднее Б. И. Вайнберг опубликовала две подобные монеты — одна из коллекции ГИМ, вторая, найденная в районе Термеза. На термезском экземпляре она читает легенду как GO/WBOZIK, а на монете из ГИМа как GO/WBOZ. Она предполагает, что на данных монетах передано имя правителя одного из хионитских племен, захвативших Северный Тохаристан в конце IV-начале V в⁹⁶. Однако, в определении шестого знака этого слова возможно разночтение, так как, судя по его начертаниям, он передает не «йоту», а «омикрон», так же как седьмой знак может передавать как «капсу», так и «ню».

Таким образом, легенда в полном ее начертании может читаться как PAΥO или PAO GOBOZOKA или PAO GOBOZONO — т. е. царя Гобозна, а в кратком — GOBOZONO или GOBOZA, передающая, как нам представляется, не имя, а топоним, название той же области, фигурирующей в древних и средневековых письменных источниках и иранских эпических сказаниях — Габаза-Газаба-Гозбон.

Очевидно, вместе с тем, что эта область охватывала обширную территорию от Южного Согда, где на севере ее крайним пределом был город с искаженным Себеосом топонимом — Казбион, входящем к тому же древнему названию, и до Окса-Вехрода-Амударьи.

4. Паретакена-Бубакена

ПАРЕТАКЕНА

Второй этап похода Александра Македонского в южные области Средней Азии протекал в основном в стране паретаков. Согласно Арриану, Александр, покончив с делами в Согдиане, пошел на паретаков, где взял крепость «скалу Хориена», после чего армия разделилась на две части. Сам Александр с основной армией проследовал в Бактры, а Кратер с шестью сотнями всадников — «друзей» и с пехотными отрядами — своими собственными, Полиперкона, Аттала и Алкента — двинулся против Катана и Австана — единственных (вероятно, имеется ввиду из вождей) в земле Паретаков, кто еще не сдался Александру. В решающей битве победу одержал Кратер, разгромивший на поле брани повстанцев Паретаки, причем один из вождей, Австан, был взят в плен, а другой — Катан, пал в сражении. После этих событий Кратер с войском также вернулся в Бактры (Арриан, IV, 18, 4-22,2).

Несколько по-иному передает события и места действия похода Квинт Курций Руф, по словам которого, армия Александра Македонского, выступив из зимних квартир в Наутаке, направилась в область Габазы, достигнув на третий день перевала, где ее застигла буря, уничтожившая две тысячи воинов. Дальнейшее описание этого похода и разгром Кратером восстания, возглавляемого Катаном и Австаном, почти совпадают со сведениями Арриана, добавлен только эпизод о покорении Полиперконом страны Бубакена (Квинт Курций Руф, VIII, 4, 1; VIII, 5, 2).

Поскольку, по источникам, поход из Согдианы в Паретакену проходил вначале по горной местности и перевалу, то несомненно, что Александр мог перейти только через Гиссарский хребет. Возможно, армия Александра перешла Гиссар через Ташкурганский перевал. Но даже если переход этот был совершен через перевал Акратат, то в обоих случаях Александр попал на территорию современной Сурхандарьинской области, а отсюда вытекает, что страна Паретакена должна находиться на этой территории. Вообще в локализации этой страны или «земли» нет особых разногласий: особняком стоит только точка зрения В. Томашека, который локализовал Паретакену в Бадахшане и считал ее горной страной⁹⁷. В. В. Григорьев, полагавший,

что Паретакена — это нарицательное название, означающее «горная страна» помещал ее в долинах Сурхандарьи, Сурхаба и Кафирнигана, т. е. в средних и северных частях Гиссарского края⁹⁸. В понимании И. Маркварта Паретакена — «омываемая рекой область», которую он локализовал на месте современных Сурхандарьинской области Узбекистана и юга Таджикистана⁹⁹.

К тому же мнению склоняется и И. В. Пьянков, считающий, что Амударья, «если и была границей, то только между двумя частями Бактрии-Паретакеной (Заречной Бактрией (?)) и собственно Бактрией»¹⁰⁰. Противоречива и бездоказательна точка зрения И. Н. Хлопина. Игнорируя последовательность упоминания древних областей и народов у Арриана «Александр, покончив с Согдианой и овладев скалой, пошел на паретаков.... Покончив с этим (т. е. покорением скалы Хориена) Александр пошел в Бактрию» (Арриан, 21, 22). И. Н. Хлопин заставляет Александра из Согдианы перелететь через Бактрию в Сакастан, где и локализует Паретакену, а затем вновь вернуться в Бактрию¹⁰¹. Но, из Согды в Сакастан, находящийся в более чем в тысячу км. от него, иного пути, как через Бактрию, нет. Поэтому нет никаких оснований для пересмотра локализации Паретакены между Гиссарским хребтом и Оксом-Амударьей.

Стена в Дарбаанде.

Следует, однако, заметить, что в то время, когда писали упомянутые выше исследования, на той территории, где ими помещалась Паретакена, не было известно ни одного поселения IV в. до н. э., т. е. времени походов Александра Македонского. Следовательно, материальных свидетельств, которые поддержали бы или опровергли эту точку зрения, попросту не существовало. Если же судить даже по тому факту, что при битве с Кратером со стороны повстанцев Паретакены погибло свыше полутора тысячи воинов (а ведь в этом движении принимало участие далеко не все население), то в ней имелось достаточно многочисленное население, а следовательно, должно быть и большое количество населенных пунктов. Это обстоятельство, несомненно, должно приниматься во внимание при локализации Паретакены, и именно данному обстоятельству более всего отвечает севера-западная часть Сурхандарьинской области. К настоящему времени здесь выявлено более двадцати поселений VI-IV вв. до н. э., группирующихся в шести оазисах, привязанных к определенной речной системе. Пять из них расположены в предгорьях Кугитанга и Байсунтау с юго-восточной стороны Гиссарского хребта, а один — в среднем течении Сурхандарьи¹⁰².

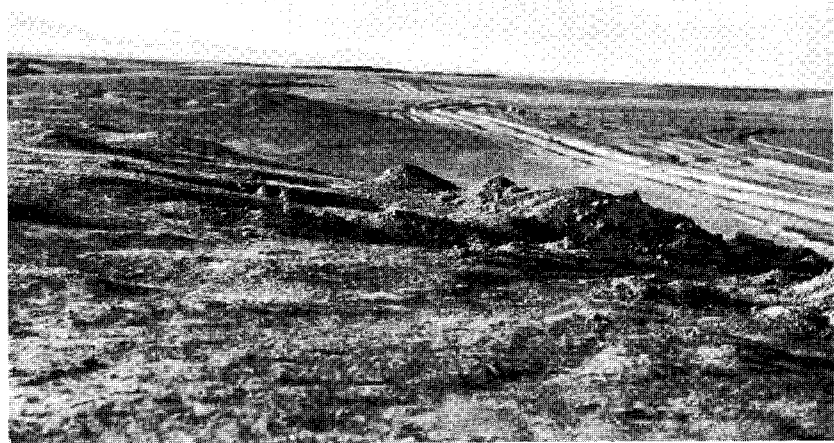
В Уланбулаксайском оазисе находятся три поселения ахеменидского времени: Кучуктепа, Дабиль-курган и Пшактепа; в Шерабадском — четыре; Джандавлятепа, Пачмактепа, Талашкайтепа I, Безымянная тепа у Ангора, в Ургульском оазисе два поселения: Бандыхан II и Газимулла-тепа (Бандыхан III). В Сурханском оазисе выявлены также два поселения — безымянное в низовьях Бандыхан-сая и Хаитабадтепа.

В Халкаджарском оазисе отмечено четыре поселения: крупное городище Кызылтепа, в окрестностях которого имеется ряд усадеб, безымянное поселение у оз. Ахадкуль, поселения на левом берегу Халкаджара у к. Каратепа и нижний слой в Чоргультепа II. Пока одно поселение найдено в Сангардак-Туполангском оазисе, но к нему можно причислить, вероятно, поселение у к. Оби-Шир, хотя оно находится на иной речной системе — реке Вахшувар и занимает как бы промежуточное положение между Сангардак-Туполангским и Халкаджарским оазисами. Поселение этого времени выявлено и у переправы через Амударью — Шортепа рядом с Кампыртепа. Таким образом, каждый из этих оазисов включает в основном три-четыре поселения, расположенных на небольшом один от другого расстоянии. Центрами оазисов являлись крупные городища с мощной и развитой фор-

Слева:
Кызылтапа.
VIII-конец IV
вв. до н. э.
Вид с юга.

Внизу:
Бандыхан II.
VII-VI вв.
до н. э.

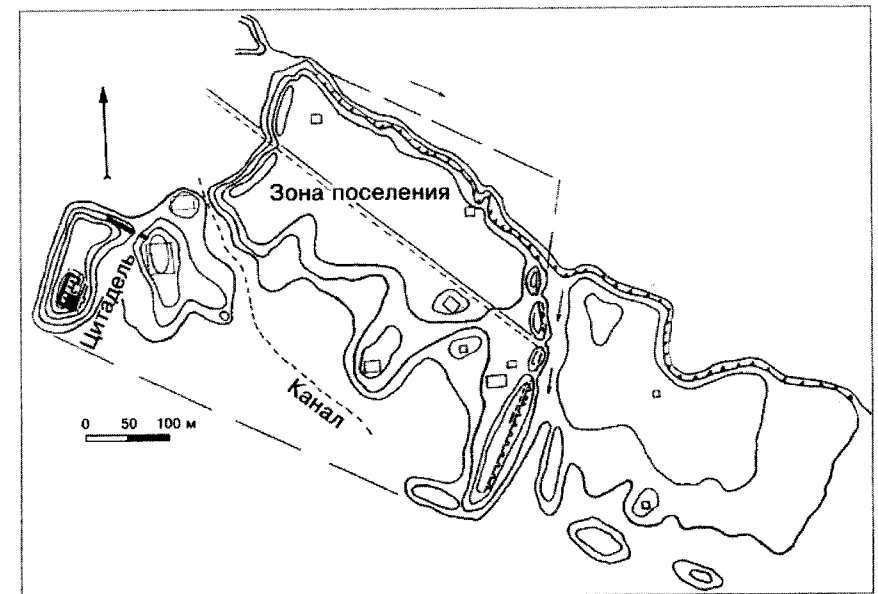
тификацией (крепостные стены, рвы, башни, возможно, цитадели) среди которых следует отметить Кызылтапа, Талашкентепа I, Джандавляттепа, Бандыхантепа II, Хаитабадтепа.

К примеру, построенная на пересечении трех дорог, ведущих от переправ Шуроб-Пардагви, Чушка-Гузар и Кара-Камар кре-

пость Талашкентепа I была обнесена стеной шириной до 5 м, фланкированной башнями диаметром около 10 м, выступающими от линии стен на 5,5 м¹⁰³.

Представляется вероятным, что каждый из этих оазисов можно рассматривать как некую территориально-политическую единицу, имевшую определенное название, свой административный центр, возможно, городского типа и подчиненные ему сельские поселения с прилегающей территорией. Два-три таких оазиса могли составить область, к примеру, Габаза, а в совокупности страну или «земли» — Паретака или Бубакена античных письменных источников. Сопоставление сведений этих источников с археолого-топографическими данными позволяет высказать достаточно аргументированное предположение о том, что страна Паретака находилась в предгорной части современной Сурхандарьинской области, в пределах отмеченных выше оазисов. Столичным ее городом было городище Кызылтапа (общей площадью более 20 га вместе с пригородной частью), являющееся наиболее крупным памятником ахеменидского времени в пределах юга Узбекистана и Таджикистана.

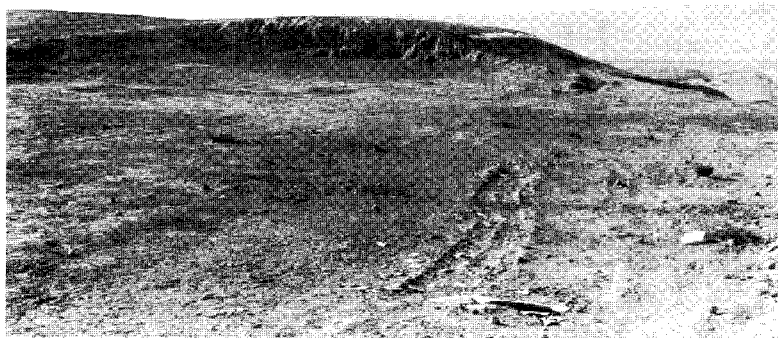
План городища Кызылтапа. (По З. А. Хакимову).

Как показывают археологические исследования, большинство поселений Паретакены прекращают свое существование в конце IV в. до н. э. и не обживаются в греко-бактрийское и кушанское время. К сожалению, нельзя указать точную дату (хотя бы в пределах столетия) прекращения на них жизни. Верхняя граница бытования цилиндрикоконической керамики, которая обычно является основным датировочным материалом, не совсем ясна. В. М. Массон доводил ее до середины IV в. до н. э.¹⁰⁴ Но не исключено, что эта керамика могла бытовать до рубежа IV-III вв. до н. э. и даже начала III в. н. э. В противном случае получается, что на более чем столетний период от смерти Александра Македонского до образования греко-бактрийского царства на эту территорию приходится зияющая лакуна, которую по существу нечем заполнить, если не принять более позднюю конечную дату существования керамики.

Обращает на себя внимание установленный при археологических раскопках факт заброса оборонительных стен на городище Кызылтапа, хотя жизнь на нем, и надо отметить, весьма интенсивная, продолжается, о чем свидетельствуют мощные хозяйственные отложения. То же явление зафиксировано нами на Талашкенте I, где за крепостными стенами была устроена мусорная свалка, отложения которой достигают 2-3 метровой вы-

Бандыхан. Городище Газимуллапа. VI - конец IV вв. до н. э.

Городище Кызылтапа. Цитадель. VI - конец IV вв. до н. э.

соты, а на одной из башен отмечены следы пожара и разрушения. Другая башня была забутована, а затем использовалась в качестве жилища. Прекращение функционирования оборонительных стен, несомненно, не случайно, а связано с какими — то важными событиями на данной территории. А. С. Сагдуллаев и З. А. Хакимов, привлекая в качестве аналога маргианские поселения, пытаются объяснить замирание жизни на Кызылтапе¹⁰⁵ перемещением площади орошаемых земель. Если в Маргиане эти перемещения можно объяснить движением песков или созданием сложной ирригационной системы на Мургабе, то таких обстоятельств нет для изучаемой территории. Наука, не располагает какими-либо доказательствами создания на Сурхандарье уже в IV в. до н. э. сложных ирригационных систем. Отсутствуют данные, которые бы свидетельствовали об уменьшении или полном прекращении водных источников, которые питали земледельческие оазисы VI-IV вв. до н. э. в предгорьях Байсунтау и Кугитанга.

В объяснение же этого явления можно предложить следующую гипотезу, основанную на сопоставлении сведений античных

*Городище
Талашкантепа, VI -
конец IV вв. до н. э.
Башня на северном
фасе стены.*

письменных источников и археологических данных. Причины его — не только предполагаемый внутренний кризис или географические обстоятельства, но в большей степени военные действия, предпринятые в Паретакене Александром Македонским и его полководцем Кратером, что привело к уменьшению численности населения этой страны, к забросу и разрушению оборонительных стен, сокращению площади поселений. Но, судя по отложениям последнего периода, в них продолжала обитать оставшаяся после войны часть жителей, потомки которых впоследствии основывают рядом новые поселения — Талашкантепа II, Ялантуштепа, Культена (Джоилма). Другая часть населения постепенно мигрирует в слабо обжитую до этого долину Сурхандарьи, где в конце IV-III вв. до н. э. возникают такие поселения, как Халчаян и Дальверзинтепа.

5. О месте владений Оксиарга-Вахшувара

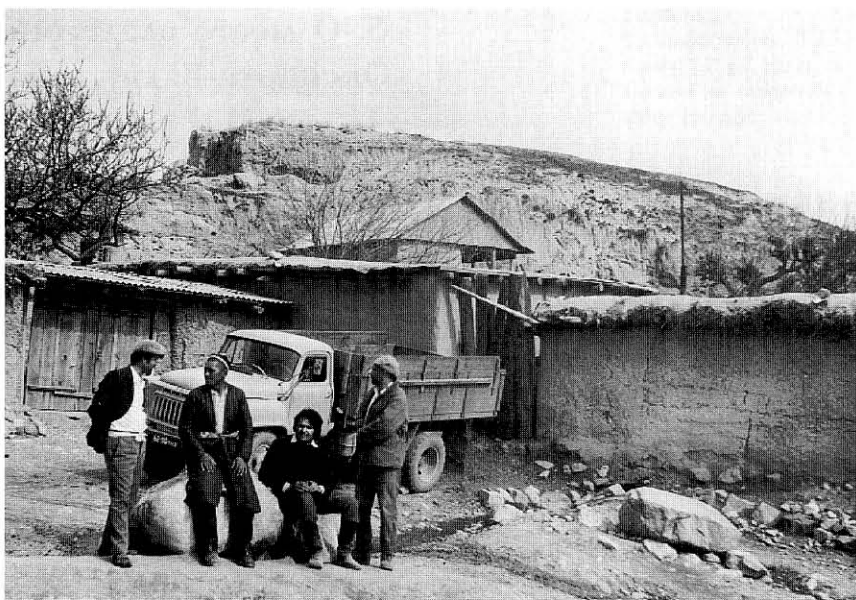
Специалистам в области древней нумизматики Средней Азии хорошо известны редчайшие золотые монеты (8 статов и один двойной) в арамейской легенде, на которых еще И. Марквартом прочтено имя — Вахшувар. Восемь подобных монет происходит из Амударьинского клада, одна — из частной коллекции: все они сейчас хранятся в Британском музее¹⁰⁶.

По поводу интерпретации, места и времени выпуска этих монет и тесно связанных с ними монет Андрагора существуют различные мнения. Одни исследователи связывают их с Бактрией, другие — с Парфией. Ряд ученых датирует их концом IV в. до н. э., другие — первой половиной или даже 30-40 гг. до н. э. Существует мнение о связи Вахшувара с Оксиартом — зятем Александра Македонского, впоследствии сагралом паропамисов.

Наиболее полно эти монеты изучены Е. В. Зеймалем и И. М. Дьяконовым, которые отнесли их к доаршакидскому чека-

Горный пейзаж в Парейтаке.

Городище Сартена в Вахшуваре.

ну Парфии¹⁰⁷. Они полагали, что Вахшувар и Андрагор — одно и то же лицо. Это мнение вызвало возражение у И. Р. Пичикяна, который не сомневался в их бактрийском происхождении¹⁰⁸.

Чтение имени правителя как «Вахшувар» не вызывает сомнений. По В. А. Лившицу оно переводится как «избранный, подобный богу Вахшу» или «верящий в бога Вахшу, охраняемый богом Вахшем»¹⁰⁹. Не вызывает сомнения и полная аналогия первого компонента этого имени «Вахш» (бактр. ОАХРО, в греческой передаче Окс (гр. Oxus), что дало право многим исследователям связывать имя Вахшувара с историческим Оксиартом, упомянутым Аррианом и Квинтом Курцием Руфом. Место его коренных владений, сейчас, благодаря археологическим данным в сопоставлении их со сведениями Арриана и Квинта Курция Руфа локализуется.

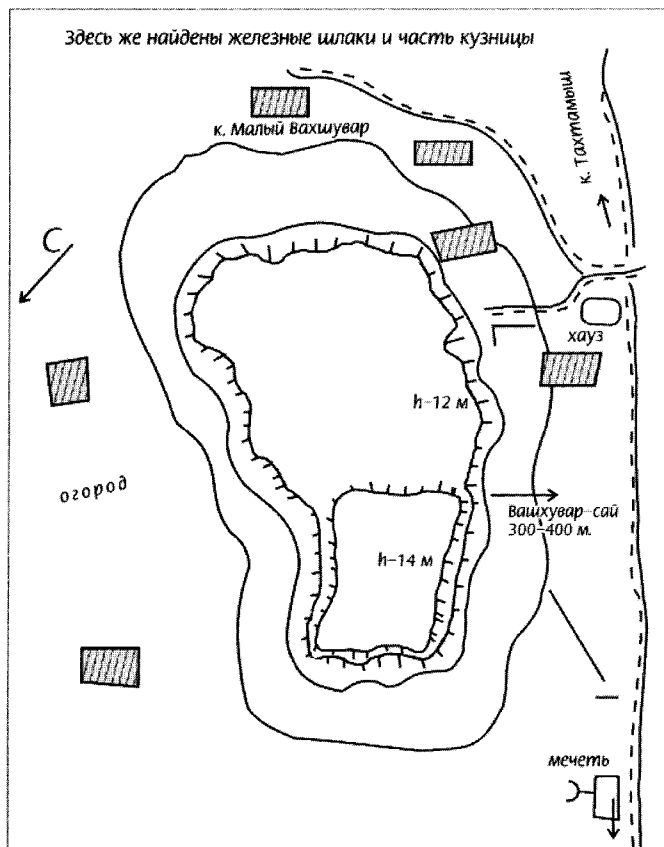
Согласно Квинту Курцию Руфу, он был знатным сатрапом, стоявшим во главе области, и пользовался большим авторитетом в силу своей значимости у других более мелких владетелей. Такого рода владетелем был, вероятно, упомянутый тем же Аррианом Хориен, который опираясь на имеющиеся сейчас археологи-

ческие данные, владел одним из тех небольших оазисов, которые охарактеризованы выше. В то время как Оксиарт являлся «знатным сатрапом», в подчинение которого входила большая область, которая, судя по последовательности событий в античных письменных источниках, соответствует Паретакене, занимавшей, как показано выше, оазисы предгорья и юго-восточные склоны Гиссара от Железных ворот (Дарбанда) и далее на северо-восток к верховьям Сурхандарьи. Здесь же в одном из горных ущелий находилась и скала Оксиарта, где произошла встреча Александра с Роксаной.

Определенную ясность в этот вопрос вносят и данные топонимики в особенности, когда они подкрепляются археологическими и историко-географическими фактами. Существенно, что здесь до сих пор сохранился топоним Вахшувар. Я имею ввиду два небольших кишлака Катта Вахшувар и Кичик Вахшувар, расположенных в предгорьях Байсунтау в 20 км к северо-западу от г. Денау. Показательно, что это название зафиксировано еще в начале XVI в., в Тарих-и Гюзида, что свидетельствует о давности его существования¹¹⁰.

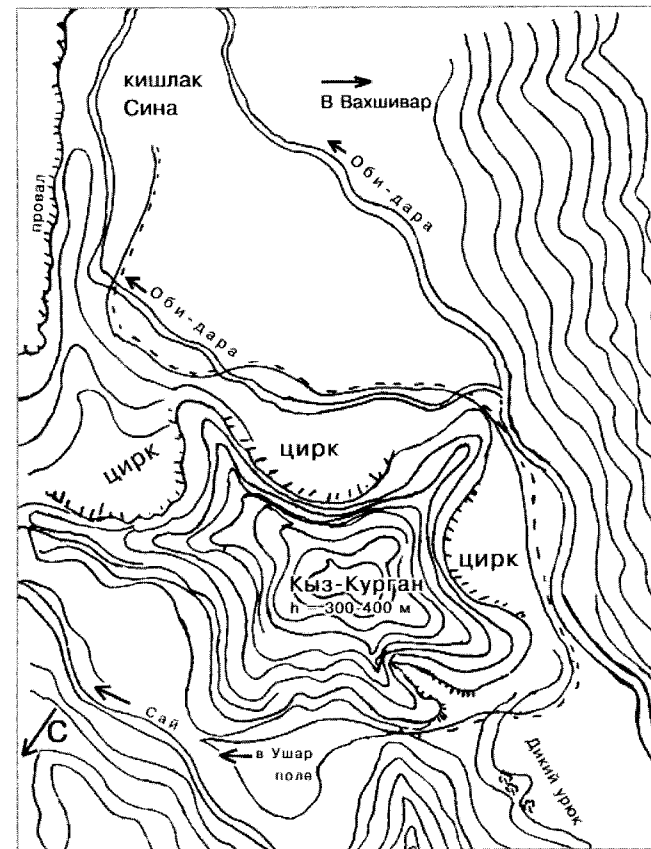
Археологические разведки, проведенные мною в этом районе, выявили в Катта-Вахшуваре большое городище Сартена, нижний слой которого относится к началу второй половины I тыс. до н. э.¹¹¹ Там же в 10 км ниже, в низовьях Вахшуварса, выявлено Обиширтепа — укрепленное поселение с цитаделью ахеменидского времени¹¹². В верховьях Вахшуварса и в соседних ущельях имеется ряд скал, похожих на петры, описанные в античных источниках, а на склоне одной из них — Кызкурган найдены фрагменты керамики V-IV вв. до н. э. Столичным центром всего района являлось расположенное неподалеку от Вахшувара городище Кызылтепа. Можно предположить, что весь этот горный и предгорный район принадлежал Оксиарту-Вахшувару, виднейшему представителю бактрийской аристократии из всех тех, с которыми Александр встретился к северу от Окса.

В этом же районе имеется ряд мест с компонентом «вар»: Тихшивар, Бузуруквар и Каттавар, Гаварган, Дальварзин. В этом компоненте отражено индо-иранское слово «avaḡana» — «ограда, палисад, авестийская вара», для древнего периода зафиксированное в названии города Аорна (на месте Дильбертепа, неподалеку от Бактр). Особо показательно в этом отношении иранское название Бузуруквар и равнозначное ему узбекское Каттавар (Большой вар)¹¹³.

Городище
Сартена
в Вахшуваре.
Съемка
Э. Ртвеладзе
26 марта
1977 г.

Скала-петра
Кызкурган
у к. Сина.
Съемка
Э. Ртвеладзе.
29 марта
1977 г.

В таком случае название Вахшувар можно толковать как вар (бога) Вахша, т. е. укрепленное место, где стоял храм этого божества. Древнее культовое значение кишлака Вахшувара отмечают этнографы Б. Х. Кармышева и О. А. Сухарева. Опираясь на предложенную О. А. Сухаревой интерпретацию названия «Вахшувар» как «подобный Вахшу», Б. Х. Кармышева высказала предположение о связи этого названия с именем божества текущих вод Вахшу-Вахшем (бактр. «Оахшо») и возможном поклонении его культу в данном месте¹⁴. То, что храмы, посвященные богу Оахшо-Вахшу существовали в Северной Бактрии, сейчас доподлинно установлено благодаря греческой надписи на вотиве из Тахти-Сангина¹⁵.

Не исключено в этой связи, что местность, где сейчас располагается кишлак Вахшувар, в древности носила бактрийское на-

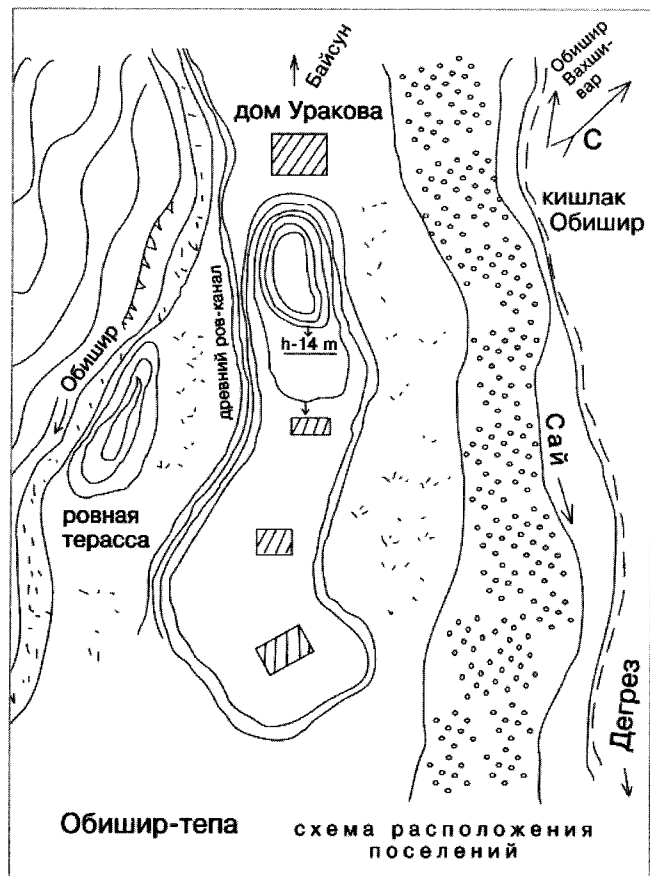
звание Оахшоваро (т. е. укрепленное место с храмом этого божества), в арамейской передаче — Вахшувар.

Показательно, что предгорья Гиссара и долина Амударьи были связаны дорогой, шедшей из долины Сурхандарьи через Бабагаг и перевал Чагам (в районе которого мною отмечены древнее культовое место Гаварган и местность Вахшувар) в долину Кафирнигана (у спуска в нее расположено поселение нач. I тыс. до н. э. — Бабуртепа), а затем в Кобадиян и оттуда через перевал к Тахти-Сангину.

Согласно Арриану, во время остановки войска Александра при впадении р. Акесиан в Инд, к нему прибыл «бактриец Оксиарт, отец Роксаны, жены Александра. Царь прибавил к его сатрапии еще парапамисов...» (Арриан, VI, 15). Следовательно,

6. Бубакена

Городище
Обиширтепа.
V-IV вв. до н. э.
Съемка
Э. Ртвеладзе.
22 марта
1977 г.

Страна или земля Бубакена упомянута в античных письменных источниках только у Квинта Курция Руфа. Согласно его данным, Александр Македонский после завершения похода в Габазу и взятия Согдийской скалы направился в Бактрию, оставив своего полководца Кратера для полного покорения Парейтакены. В то время, когда Кратер действовал против повстанцев во главе с Катеном и Австаном, другой полководец Полиперкон покорил страну, называвшуюся Бубакена (Курций Руф, VIII, V, 2).

В локализации ее также нет единого мнения. Так, И. Дройзен и В. В. Григорьев помещали ее в Бадахшане. Однако, Б. А. Литвинский показал, что данная точка зрения неприемлема по ряду обстоятельств. Он полагал, что Бубакена — это какой-то район в Западном Пришамирье, вероятнее всего, соответствующий Каратегину или горной части Кулябской группы районов¹¹⁹. Эта гипотеза в то время была наиболее перспективна, учитывая то обстоятельство, что судя по последовательности маршрутов походов полководцев Александра Македонского и области их действия, страна Бубакена должна была находиться к северу от Амударьи, на территории Таджикистана.

К сожалению, в то время она фактически не могла быть подтверждена археологическими данными, так как к началу 60-х годов здесь было известно только два археологических памятника VI-IV вв. до н. э.: Кала-и Мир и Мунчактепа в низовьях Кафирнигана. Позднее И. В. Пьянков, но также без использования археологических данных, поместил Бубакену в Хуттале¹²⁰.

Археологические исследования в этом районе в последующие годы значительно изменили ситуацию. Использование накопленных к концу 80-х годов археологических материалов позволило мне предложить сопоставление Бубакены с обширным районом, охватывающим долины Кафирнигана и Вахша, а также низовьями Кокчи-Кундуза-Талукана¹²¹, где французскими археологами установлено большое число памятников VI-IV вв. до н. э.¹²² Эта локализация представляется нам наиболее вероятной, хотя сейчас, к примеру, Ш. Шайдуллаев, используя археологические данные, предложил поместить Бубакену в

с 327 г. до н. э. и в течение, видимо, достаточно продолжительного времени Оксиарт-Вахшувар владел большей частью Восточной Бактрии от Гиссара на севере до Гиндукуша на юге, и не исключено, что храм Окса был построен им в конце IV века до н. э., поскольку он находился на территории его владений в то время, когда Селевк еще не включал Бактрию в состав своего царства¹¹⁶. Согласно же мнению Б. А. Литвинского и И. Р. Пичикияна возведение храма Окса относится к концу IV в. до н. э.¹¹⁷ На датировку его сооружения — конец IV в. до н. э. намекает и впервые найденная в этом храме драхма Александра Македонского¹¹⁸.

области Сурхандарьи. Однако эта локализация не представляется мне корректной¹²³.

Оставляя в стороне подробное описание археологических памятников отметим, что к настоящему времени благодаря исследованиям И. М. Дьяконова, Т. И. Зеймаль и в особенности А. Абдуллаева выявлено уже значительное их количество, и среди них такие, как Байтудашт, Калаимир, Томашатепа¹²⁴.

По данным обобщенным А. С. Сагдуллаевым, на юге Таджикистана выделяется 6 районов — Верхний Кафирниганский — 2 поселения, Нижний Кафирниганский — 2, Вахшский — 1, Явансу — 2, Байтудашский — 7 поселений¹²⁵. По всей вероятности, это и есть страна Бубакена, покоренная Полиперконом. Покорив эти области после ожесточенной битвы, в которой погиб сам Катан, а вместе с ним 120 всадников и около 1500 тысячи пехотинцев из числа воинов Северной Бактрии, Кратер и другие полководцы прибыли к Александру в город Бактры.

Походами в Габазу, Парейтакену и Бубакену завершается более чем двухлетняя военная кампания Александра Македонского в Среднюю Азию. Уже из Бактр в конце весны 327 г. до н. э. Александр, перейдя через перевалы Гиндукуша, двинулся на покорение Индии.

Примечания:

¹ Григорьев В. В. Поход Александра Великого в Западный Туркестан. // ЖМНП. № 4, ССLXVII. СПб, 1881.

² Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. 1. М., 1890.

³ Tomaschek W. Centralasiatische Studeien. Sogdiana. Wien, 1877.

⁴ Schvarz F. Alexanders... S 37.

⁵ Kaerst I. Geschichte des hellenismus. Bd. I, 3. Lpz. - B., 1927.

⁶ Tarn W. W. Alexander....

⁷ Marqvart I. Wehrot und Arang. Leiden, 1938.

⁸ Литвинский Б. А. Борьба народов Средней Азии против македонских захватчиков. // ИТН. Т. 1. М., 1979.

⁹ Массон М. Е. Работы Кешской археолого-топографической экспедиции по изучению восточной части Кашкадарьинской области. // Археология Средней Азии. Ташкент. 1977 Труды ТашГУ. Вып. 533. С. 7-8;

Он же. Столичные города низовьев Кашкадарьи. Ташкент. 1973.

¹⁰ Беленицкий А. М. Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э. // МИА, № 15, 1950. С. 109-110;

Кабанов С. К. Керамический комплекс из наслоенный древнего городища в Китабе. // ИМКУ. Вып. № 3, 1962. С. 52-53;

Тревер К. В. Борьба Согда против Александра Македонского (329-327 гг. до н. э.). // История Узбекской ССР. Т. 1. Кн. 1. Ташкент, 1953.

¹¹ Хлопин И. Н. Историческая география южных областей Средней Азии. Ашхабад. 1983;

Он же. Маршрут похода Александра Македонского в Среднюю Азию. // IA, vol. XIV. Leiden, 1981;

Он же. Хронология похода Александра Македонского в Среднюю Азию. // ВИ, № 2, 1979;

Пьянков И. В. Бактрия в античной традиции. Душанбе, 1982.

¹² Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадиян). (1950-1951 гг.). // МИА № 37, 1953. С. 250;

Он же. Сложение классового общества в древней Бактрии // СА, Т. XIX. С. 121-140.

¹³ Альбаум Л. И. К датировке верхнего слоя Кучук-тепе. // ИМКУ. Вып. № 8. 1969. С. 69-79.

¹⁴ Сагдуллаев А. С. Поселения раннежелезного... С. 154-163;

Он же. О «второй» столице... С. 223-230;

Он же. Древние пути... С. 37-38;

Он же. Памятники материальной культуры Южного Согда эпохи раннего железа. // Культура юга Узбекистана в древности и средневековье. Ташкент. 1987. С. 3-16;

Лушпенко О. Н. Раннежелезный век Южного Согда...;

¹⁵ Ртвеладзе Э. В. К характеристике... Ртвеладзе Э. В. Пидяев Ш. Р. Древнебактрийская крепость Талашкантепе I. // Российская археология. № 2. М., 1993;

Сагдуллаев А. С. Усадьбы...; Шайдуллаев Ш. Раннежелезный...

¹⁶ Абдуллаев А. Памятники раннего железного века в Пянджском районе. // Прошлое Средней Азии. Душанбе. 1987.

¹⁷ См. литературу в примечаниях к введению.

¹⁸ Ртвеладзе Э. В. Газаба-Гозбон. // ИМКУ. № 30. Самарканд, 2000. С. 104-110.

- 19 Сагдуллаев А. С. О «второй» ... С. 101-103; а также литература в примечаниях к введению.
- 20 Литвинский Б. А. Борьба...
- 21 Григорьев В. В. Поход Александра... С. 191-192.
- 22 Tomaschek W. Sogdiana... S. 26.
- 23 Дройзен И. История... С. 76-71.
- 24 Массон М. Е. Работы... С. 37.
- 25 Массон М. Е. Столичные ... С. 12.
- 26 Григорьев В. В. Поход Александра ... С. 43.
- 27 Tomaschek W. Sogdiana S. 183.
- 28 Дройзен И. Г. История... С. 71.
- 29 К. В. Тревер С. 58.
- 30 Кабанов С. К. Керамический... С. 52-53.
- 31 Массон М. Е. Столичные... С. 5-13.
- 32 Сулейманов Р. Х. Древний Нахшаб. Ташкент. 2000. С.73-74.
- 33 Хлопин И. Н. Историческая география ... С. 151-152. Критику его положений см.: рец. Э. В. Ртвеладзе и А. С. Сагдуллаев. // ВДИ. № 2. М., 1988. С. 212-216.
- 34 МИТТ. Т. 1. М.-Л., 1939. С. 184-189;
- Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. Т. 1. М., 1963. С. 132.
- 35 Пугаченкова Г. А. Ртвеладзе Э. В. Северная Бактрия ... С. 18-19.
- 36 Ртвеладзе Э. В. Сагдуллаев А. С. Рецензия... С. 212-216.
- 37 Ртвеладзе Э. В. Ксениппа... С. 95-110.
- 38 Сагдуллаев А. С. Древние пути ... С. 38.
- 39 Различные мнения по этому вопросу. см. Б. А. Литвинский Борьба... С. 270;
- Ртвеладзе Э. В. Ксениппа... С. 96; Ртвеладзе Э. В. К вопросу... С. 7-12.
- 40 Пугаченкова Г. А. Ртвеладзе Э. В. Северная Бактрия... С. 21-25;
- Сагдуллаев А. С. Оседлые... С. 14-15.
- 41 Баранов П. А. Очерки растительности Чимгана. // ИТОРГО. Т. XVII. Ташкент. 1924. С. 14;
- Массальский В. И. Туркестанский край. СПб., 1913. С. 230 - 235;

- Ракова И. А. Материалы к ботанико-географической характеристике Памира. // ИТОРГО. Т. XVII. Ташкент. 1924. С. 63.
- 42 Пославская О., Атаджанов К. По подземному царству Узбекистана. Ташкент. 1987.
- 43 Хашимов М. А. По следам легенд. Ташкент, 1990. С. 45-49.
- 44 Ртвеладзе Э. В. Фортификационные сооружения на северных границах кушанского государства. // Маскан № 5-6. Ташкент, 1992. С. 4-5.
- 45 Ртвеладзе Э. В. Хакимов З. А. Маршрутные исследования памятников Северной Бактрии. // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1972. С. 22-23.
- 46 Там же. С. 33.
- 47 Маев Н. А. Очерки Бухарского ханства. // Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. № 5. СПб., 1879. С. 146.
- 48 Бартольд В. В. Дер-и Аханин. Соч. Т. 3. М., 1965. С. 431.
- 49 Ртвеладзе Э. В. Стена Дарбанда Бактрийского. // ОНУ. № 12, 1986. С. 34-39;
- Он же. Из недавних открытий Узбекстанской искусствоведческой экспедиции. // ВДИ № 4. М., 1990. С. 135-140.
- 50 Rakmanov Sh., Rapin Cl. Les «Portes de Fer», pres de Derbent. // Dossiers d 'Archeologie. № 243. Paris. 1999. P. 18-20.
- 51 Аршавская З. А. К истории строительства Самарканд-Термезского тракта. // Архитектура и строительства Узбекистана. № 2, 1995. С. 29-30.
- 52 Маев Н. А. Указ. соч. С. 241-249, 271-273; Riveladze E. V. ... P. 8-9.
- 53 Лушпенко О. Н. Раннежелезный... С. 11.
- 54 Ртвеладзе Э. В. Стена ... С. 36-39.
- 55 Маев Н. А. Указ. соч. С. 146.
- 56 Сагдуллаев А. Ртвеладзе Э. В. стране... С. 89-90.
- 57 Рюи Гонзалес де Клавихо Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403-1404 гг. СПб., 1881. С. 230.
- 58 Ртвеладзе Э. В. Стена... С. 38-39.
- 59 Рахманов Ш. Новые данные о стене на Железных воротах. // ОНУ. № 12, 1994. С. 53.
- 60 Tomaschek W. Op. sit.
- 61 Григорьев В. В. Поход... С. 192.
- 62 Пьянков И. В. Бактрия ... С. 48.

- 63 Ртвеладзе Э. В. Ксениппа-Паретака С. 97-97; Сагдуллаев А. С. Древние ... С. 38.
- 64 Крашенинникова Н. И. Работы в Kitabском и Шахрисябском районах. // АО-1981. М., 1983. С. 459;
- Сагдуллаев А. С. Раннежелезный ... С. 103.
- 65 Пьянков И. В. Бактрия ... С. 43-46.
- 66 Ртвеладзе Э. В. Кала в Шерабаде и Денау. // САУ № 3. 1980. С. 31-34.
- 67 Бартольд В. В. Туркестан ... С. 192.
- 68 Там же.
- 69 Маев Н. А. Указ. соч. С. 247.
- 70 Бартольд В. В. Туркестан ... С. 192.
- 71 Маев Н. А. Указ. соч. С. 241 - 249, 271 - 272.
- 72 Бартольд В. В. Туркестан... С. 192.
- 73 Tomaschek W. Op. sit.
- 74 Marqvar J. Wehrot ... S. 139.
- 75 Маев Н. А. Указ. соч. С.144.
- 76 Тер-Мкртычан Л. Х. Армянские источники о Средней Азии. М., 1988. С. 58.
- 77 Marqvar J. Wehrot ... S. 138-153.
- 78 Пьянков И. В. Бактрия ... С. 29.
- 79 Массон М. Е. К вопросу о северных границах кушанского государства. // ОНУ. № 8, 1968. С. 19;
- Кабанов С. К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III-VII вв.). Ташкент, 1977. С. 115.
- 80 Ртвеладзе Э. В. Стена ... С. 36-37.
- 81 Marqvar J. Wehrot.... S. 137;
- Minorsky V. F. Hudud al-Alam. The region of the world. A Persian Geography 372 A. H. London, 1937. P. 331.
- 82 Marqvar J. Wehrot ... S. 153; Пьянков И. В. Древняя ... С. 27.
- 83 Marqvar J. Wehrot ... S. 14 - 15, 137; Пьянков И. В. Древняя ... С. 28.
- 84 Пьянков И. В. Древняя ... С. 27.
- 85 Бегуни Абу Райхон. Изб. произведения. Т. V. Ташкент. 1973. С. 239; Т. VI.Ташкент, 1975. С. 141.
- 86 Marqvar J. Wehrot .... S. 31; Пьянков И. В. Древняя ... С. 27.
- 87 On Yuan Chwang's travels in India 629-645 A. D. By Thomas Watters. London, 1904. P. 102.
- 88 Minorsky M. F. Hudud... P. 331.
- 89 Аскарлов А. А. Сапалитена. Ташкент. 1973.
- 90 Вавилов Н. И. Букиннич Д. Д. Земледельческий Афганистан. // В кн. академик Н. И. Вавилов. Изб. труды. Т. I. М. - Л., 1959. С. 344.
- 91 Marqvar J. Wehrot.... S. 11, 14, 175.
- 92 Пьянков И. В. Древняя... С. 27.
- 93 Ахмедов Б. А. История Балха. Ташкент, 1982. С. 38-40.
- 94 Пилипко В. Н. Поселения Северо-Западной Бактрии. Ашхабад, 1985. С. 181.
- 95 Gobl R. Dokumente zur Geschichte der Irannischen Hunnen in Bactrien und Indien. Bd. I, S. 92; 54-55, III. табл. 14.
- 96 Вайнберг Б. И. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV-V вв. (в связи с запусением Кара-тепе в Старом Термезе). // Кара-тепе. III. - М., 1972. С. 130-134.
- 97 Tomaschek W. Sogdiana ... S. 34-35, 52.
- 98 Григорьев В. В. Поход ... С. 200-201.
- 99 Marqvar J. Wehrot ... S. 75.
- 100 Пьянков И. В. Древняя... С. 47.
- 101 Хлопин И. Н. Историческая... С. 161-162.
- 102 Пугаченкова Г. А. Ртвеладзе Э. В. Северная ... С. 22-23;
- Шайдуллаев Ш. Раннежелезный... С. 9-18; Сагдуллаев А. С. Оседлые области... С. 99.
- 103 Беляева Т. В. Хакимов З. А. Древнебактрийские памятники Миришаде. // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973. С. 43-52;
- Пугаченкова Г. А. Ртвеладзе Э. В. Северная ... С. 28-33;
- Ртвеладзе Э. В. Пидав Ш. Р. Древнебактрийские ... С. 102-106;
- Шайдуллаев Ш. Раннежелезный ... С. 50-79.
- 104 Массон В. М. Древнеземледельческая ... С. 48.
- 105 Сагдуллаев А. С. Хакимов З. А. Археологическое изучение городища Кызылтапа (по итогам работ 1973-1974 гг.). // Бактрийские древности. Л., 1976. С. 29-30.
- 106 Зеймаль Е. В. Амударьинский клад. Каталог выставки. Л., 1979. С. 16-23, 72-84.

- 107 Дьяконов И. М. Зеймаль Е. В. *Монеты...* С. 16-23.
- 108 Пичикян И. Р. *Культура Бактрии...* С. 308-309.
- 109 Дьяконов И. М. Зеймаль Е. В. *Указ. Соч.* С. 308.
- 110 *Таварийх-и гузида Нусрат-наме. Ташкент, 1967.* С. 125.
- 111 Ртвеладзе Э. В. *Бронзовый кинжал из Вахшувара.* // *СА. № 1, 1981.*
- 112 Ртвеладзе Э. В. *Новые бактрийские памятники на юге Узбекистана.* // *ИМКУ. Вып. 21, 1987.* С. 58-59.
- 113 Ртвеладзе Э. В. *О монетах Вахшувара, месте его владений и принадлежности Амударьинского клада.* // *Изучение культурного наследия Востока. СПб., 1999.* С. 93-95.
- 114 *Там же.* Кармышева Б. Х. *Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976.*
- 115 Литвинский Б. А. Виноградов Ю. Р. Пичикян И. Р. *Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии.* // *ВДИ. № 4, 1985;*
Литвинский Б. А. Пичикян И. Р. *Эллинистический ...*
- 116 *Более подробно об этом см. Ртвеладзе Э. В. О принадлежности Амударьинского клада.* // *Санъат. 2000, № 4.*
- 117 Пичикян И. Р. *Культура Бактрии ...* С. 304;
Литвинский Б. А. Пичикян И. Р. *Эллинистический ...* С. 368.
- 118 Бирюков Д. В. *Монеты Александра.* // *НЦА. № 5, Ташкент, 2001.*
- 119 Литвинский Б. А. *Борьба...* С. 271-272.
- 120 Пьянков И. В. *Древняя Бактрия ...* С. 44-45.
- 121 Пугаченкова Г. А. Ртвеладзе Э. В. *Северная Бактрия...* С. 24.
- 122 Bernard P. Francfort H. *Studes de geographie historique sur la plaine d' Ai - Khanoum. Paris, 1978;*
Cardin J. C. et Gantelle P. *L' explocation du sol en Bactriane antique.* // *BEFEO. LXVI, Paris, 1979.*
- 123 Шайдуллаев Ш. *Указ. Соч.* С. 50-59.
- 124 Дьяконов М. М. *Сложение классового общества;*
Зеймаль Т. И. *Древнеземледельческое поселение Болдай-тепе.* // *МКТ. Душанбе, 1971. Вып. 2;*
Абдуллаев А. *Памятники ...* С. 38-45.
- 125 Сагдуллаев А. С. *Оседлые области ...* С. 10-11.

Александр
Македонский
из Тахти-Саугина.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Последствия походов Александра Македонского в Среднюю Азию характеризуются учеными диаметрально противоположно. Так, среди западных ученых в целом преобладало мнение, что греко-македонское завоевание для этого региона имело благоприятные последствия, хотя имелась и отрицательная его оценка¹.

Напротив, советские ученые считали, что завоевания Александра Македонского явились бедствием для народов Средней Азии². В наиболее концентрированном виде это положение было в начале 60-х годов высказано Б. А. Литвинским, согласно которому «греко-македонское завоевание привело к колоссальному истреблению среднеазиатского населения, уничтожению производительных сил и материальных ценностей»³.

К оценке последствий походов Александра Македонского, как нам представляется, следует подходить с двух направлений:

политического и культурного. Что, к примеру, принес поход Александра Македонского в политическом отношении народам Средней Азии в негативном и позитивном плане?

Результатом похода Александра Македонского на восток и в Среднюю Азию являлось, в частности, уничтожение Ахеменидского царства, в состав которого входила фактически вся Средняя Азия, разделенная на несколько сатрапий, уплачивающих ахеменидам довольно тяжелые налоги, выраженные в сотнях килограммов серебра.

После же походов Александра Македонского весь север Средней Азии освободился от иноземного влияния и здесь начался усиленный процесс формирования местных государств, в частности, древнехорезмского царства и конфедераций различных сакских племен.

В то же время юг Средней Азии — Бактрия, Согд, Парфия попадают в зависимость от иной государственности — эллинской. После смерти Александра, эти области управляются греческими наместниками (только в Восточной Бактрии правит местный владетель бактриец Оксиарт — тесть Александра), а с 306 г. до н. э. весь данный регион входит в состав Селевкидского царства⁴.

Очевидно, что в плане возрождения и формирования новой местной государственности поход Александра Македонского в Среднюю Азию сыграл определенную позитивную роль, так как он в значительной мере способствовал ускорению этого процесса. К числу последствий, имевших большое значение, относятся и значительные этнические перемещения, вызванные походом Александра Македонского, что касается, в частности, миграции согдийцев на восток и греко-македонцев в Среднюю Азию.

Как известно, наиболее раннее свидетельство пребывания греков в Средней Азии относится ко времени правления Ксеркса (486-465 гг. до н. э.), когда в эту область были переселены жрецы храма Аполлона — брахиды. Здесь они основали свой городок, который по всем данным, вероятное всего, располагался в Южном Согде, возможно — на месте городища Ер-Курган.

Собственно, эти брахиды составляли первую незначительную волну греческой миграции в Среднюю Азию. С походом же Александра Македонского связана вторая, в количественном отношении намного превышающая первую, миграция греков и македонян в этот регион.

Нам неизвестен количественный состав пришедшего сюда и осевшего здесь греко-македонского населения, но, вероятно, оно было весьма значительным⁵.

Александр основал на месте более древних (как теперь выясняется) несколько новых городов (называется различное их число). В частности — Александрию Оксианскую, Александрию Эсхату и Александрию Маргианскую⁶. Основу населения этих городов, как свидетельствует Арриан, первоначально составляли эллинские наемники и македонские ветераны, негодные к военной службе, а также часть «варваров», пожелавших там поселиться (Арриан, IV, 4).

Помимо городов, в Средней Азии в этот же период возникают и военные поселения — катойкии и крепости в важнейших в стратегическом отношении местах, также заселенных эллинскими и македонскими переселенцами. Одним из таких пунктов была крепость «Пацдахейон» на месте городища Кампыртепа, основанная у переправы Окс по дороге в столицу Бактрии — город Бактры⁷.

А. Б. Босворт писал, что «мы не имеем сведений, как много городов было основано в Бактрии и Согдиане Александром, но они явно были многочисленными, и если объединить их с местными гарнизонами и солдатами в армиях территориальных сатрапов, то они представляли концентрацию европейских поселенцев, не имеющую параллелей где-либо еще в империи»⁸.

Поход Александра Македонского в Согдиану и уничтожение местного населения в значительном масштабе вызвали, видимо, миграцию согдийцев далее на восток, за пределы территории их первоначального заселения. Вероятно, с этого времени согдийцы проникают в Чач, в область бытовавшей здесь бургулюкской культуры VI-V вв. до н. э. и в Центральную Азию. Согласно мнению В. Хеннинга, основанному на данных китайских источников, согдийцы соприкоснулись с Китаем уже в III в. до н. э.⁹

Свои плоды принесла и объявленная Александром политика сближения Востока и Запада, осуществлявшаяся им, в частности, посредством смешанных браков.

Наследник Александра Македонского — Александр IV, процарствовавший весьма недолго, был наполовину бактрийцем. В жилах всех селевкидских царей, правивших двести с лишним лет на Ближнем и Среднем Востоке, текла согдийская кровь. Основатель селевкидского государства Селевк I был женат на дочери согдийского вождя Спитамена Апаме — матери Антиоха I

(280-261 гг. до н. э.), брак с которой был заключен в 324 г. до н. э. в Сузах, еще при жизни Александра. Апама высоко почиталась и мужем и сыном. В честь нее возводились города, названные ее именем, — один из них знаменитая Апамея — на территории современной Сирии¹⁰. И последующие селевкидские цари вряд ли забыли о своем происхождении от Спитамена и своих согдийских корнях.

Вообще же взаимоотношения Александра Македонского с местной знатью были далеко неравноценны. Освобождение от ахеменидского господства создало условия, при которых наиболее видные представители местной аристократии получили реальную возможность для основания собственных владений и государств.

Этим, возможно, и были продиктованы различные линии их поведения по отношению к Александру Македонскому. Таких позиций три:

Первую из них — непримиримую, вооруженную борьбу с Александром Македонским и его армией олицетворял вождь согдийцев Спитамен и вожди бактрийцев Катан и Австан.

Вторую — династическую, проводил Оксиарт-Вахшувар, который первоначально, будучи врагом Александра Македонского, затем переходит на его сторону. Женитьба Александра на его дочери Роксане делает Оксиарта родственником, т. е. тестем Александра. В награду за эту позицию Оксиарт получает в добавление к своим владениям власть над Парапамисадами и становится сатрапом огромной области, включающей часть Северной и Южной Бактрии вплоть до Гиндукуша включительно. Еще более укрепились позиции Оксиарта после смерти Александра, когда он — первым из среднеазиатских правителей выпустил монеты (причем золотые, что свидетельствует о суверенности его правления) со своим именем.

Третье направление — союзническое, равноправное осуществлял царь Хорезма Фарасман. Как правитель самостоятельного государства, созданного, вероятно, во время распада Ахеменидского царства, Фарасман во главе большой делегации прибыл в Мараканду, где предложил Александру осуществить совместный поход против скифов.

Тактика Фарасмана было, вероятно, правильной т. к. в период селевкидских завоеваний Средней Азии Хорезм, по-прежнему, сохранял свой статус независимого государства, тогда как области юга Средней Азии — Парфия, Маргиана, Согд, Бактрия вошли в состав селевкидского государства.

Примечания:

¹ Литвинский Б. А. *Борьба народов...* С. 272;

Кошеленко Г. А. *Греческий полис.*

² Briant P. *Alexander le Grand. Paris, 1974.*

³ Литвинский Б. А. *Борьба народов...* С. 272.

⁴ *История таджикского народа. Т. 1. М., 1963. С. 277;*

Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985. С. 205;

Пугаченкова Г. А. Ртвеладзе Э. В. *Северная Бактрия ... С. 41-42.*

⁵ Кошеленко Г. А. *К оценке достоверности античной традиции об эллинистическом градостроительстве на Востоке (на примере Мидии, Гиркании, Парфии).* // КСИА. Вып. 136. М., 1973;

Он же. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.

⁶ Там же.

⁷ Ртвеладзе Э. В. *Кампыртепа-Пандахейон: «греческая переправа» на Оксе.* // *Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. 1. Археологические исследования Кампыртепа. Ташкент, 2000. С. 16-18.*

⁸ Bosworth A. B. *Conquest and empire. The Reign of Alexander the Great. Cambridge, 1980. P. 248.*

⁹ *Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981. С. 347-348.*

¹⁰ Литвинский Б. А. Пичикян И. Р. *Эллинистический храм Окса. Т. 1. М., 2000. С. 368.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Находки монет Александра Македонского в Средней Азии

До недавнего времени зафиксированные места находок монет Александра Македонского в этом регионе исчерпывались двумя халками, найденными в Самарканде, одной тетрадрахмой, обнаруженной на городище Бездава в Кашкадарьинской области¹ и еще одной монетой, найденной на развалинах караван-сарая Абдуллахана, неподалеку от кишлака Дербент в Сурхандарьинской области Узбекистана². В последние годы зафиксированы еще три места находок монет Александра.

Ниже приводится полный список монет этого царя, найденные в Средней Азии, включая его монеты из Амударьинского

клада, а также из музейных собраний Узбекистана, так как сейчас становится очевидным, вопреки сомнению высказанным Е. В. Зеймалем, что все они, скорее всего, среднеазиатского происхождения.

Музейные собрания:

1. Девять тетрадрахм и три драхмы обычного типа.

Л. ст.: Голова Геракла в львиной шкуре.

Об. ст.: Зевс, сидящий на троне, на вытянутой левой руке – орел, в правой – длинный жезл. Греческая легенда.

2. Два халка.

Л. ст.: Голова Афины вправо.

Об. ст.: Ника, влево. Греческая легенда.

Все упомянутые монеты хранятся в собрании Национального музея истории Узбекистана (г. Ташкент) и Музея истории и культуры Узбекистана (г. Самарканд)³.

Амударьинский клад:

Тетрадрахмы – 170 экз;

Драхмы – более 100 экз. обычного типа⁴.

Отдельные находки:

1. Тетрадрахма Александра Македонского.

Найдена на городище Куня – Фазли (сред. город Безда или Бездава), расположенном в 35 км. к юго-западу от Карши в Кашкадарьинской области Узбекистана⁵.

2. Серебряная монета Александра Македонского.

Найдена, по данным Г. В. Парфенова, в 1930 г. на развалинах караван-сарая Абдуллахана⁶. Этот караван-сарай расположен на левом берегу Шуробся, в 800 м. к востоку от пограничной стены, являвшейся границей Кушанского государства на северо-западе, в 3 км к западу от кишлака Дербент Сурхандарьинской области⁷.

Драхмы Александра Македонского. Тахти Сангин.

3. Драхма Александра обычного типа.

Легенда: ... ΑΛΕΞΑΝΔ ... Найдена в храме Окса на городище Тахти-Сангин в Южном Таджикистане. Поступила в 2000 г. к коллекционеру в городе Ташкенте⁸.

4. Драхма Александра обычного типа.

Легенда неразличима. Найдена в местности Явансу в районе Термеза. Поступила в 2000 г. к коллекционеру в городе Ташкенте⁹.

5. Драхма Александра обычного типа.

Легенда неразличима. Найдена в окрестностях городища Варахша в Бухарской области Узбекистана. Поступила в 1999 г. к коллекционеру в городе Ташкенте¹⁰.

Таким образом, сейчас зафиксированны шесть мест находок монет Александра Македонского – Варахша, Самарканд, Куния-Фазли, окрестности Дербента и Термеза, Тахти-Сангин. Все они найдены в Среднеазиатском Двуречье на территории Согда и Бактрии и как бы отмечают направления маршрутов его походов – местности, где он был или мог быть.

В каком же качестве монеты Александра III находились в Средней Азии? Они могли быть культовым приношением в храм

(храм Окса) или вознаграждением за какие-либо воинские деяния после чего были потеряны. Из сообщения Арриана, в частности, известно, что при взятии согдийской скалы, находившейся на границе Южного Согда и Северной Бактрии Александр обещал воинам взошедшим на эту скалу денежную плату от 12 талантов до 300 дариков, в зависимости от того, кто первым, вторым и т. д. вплоть до последнего в войске взойдет на скалу (Арриан, IV, 18).

Монеты Александра Македонского могли быть и средством обращения, на что намекает разнообразие их состава: тетрадрахмы, драхмы и халки.

Во всяком случае, южные Среднеазиатские области были знакомы с монетой уже до походов сюда Александра Македонского. В Южной Туркмении, в частности, найден клад серебряных сиклей, часть из которых поступила в собрание Национального банка внешнеэкономической деятельности Узбекистана¹¹. В Ургуте (Самаркандская область) приобретена монета ахеменидского сатрапа Мазея из местных находок. Имеются сведения, хотя и не совсем точные, о находках в ряде районов Средней Азии ахеменидских дариков.

Все эти вместе взятые факты свидетельствуют о более раннем периоде развития в южных районах Средней Азии товарно-денежных отношений, нежели предполагалось ранее.

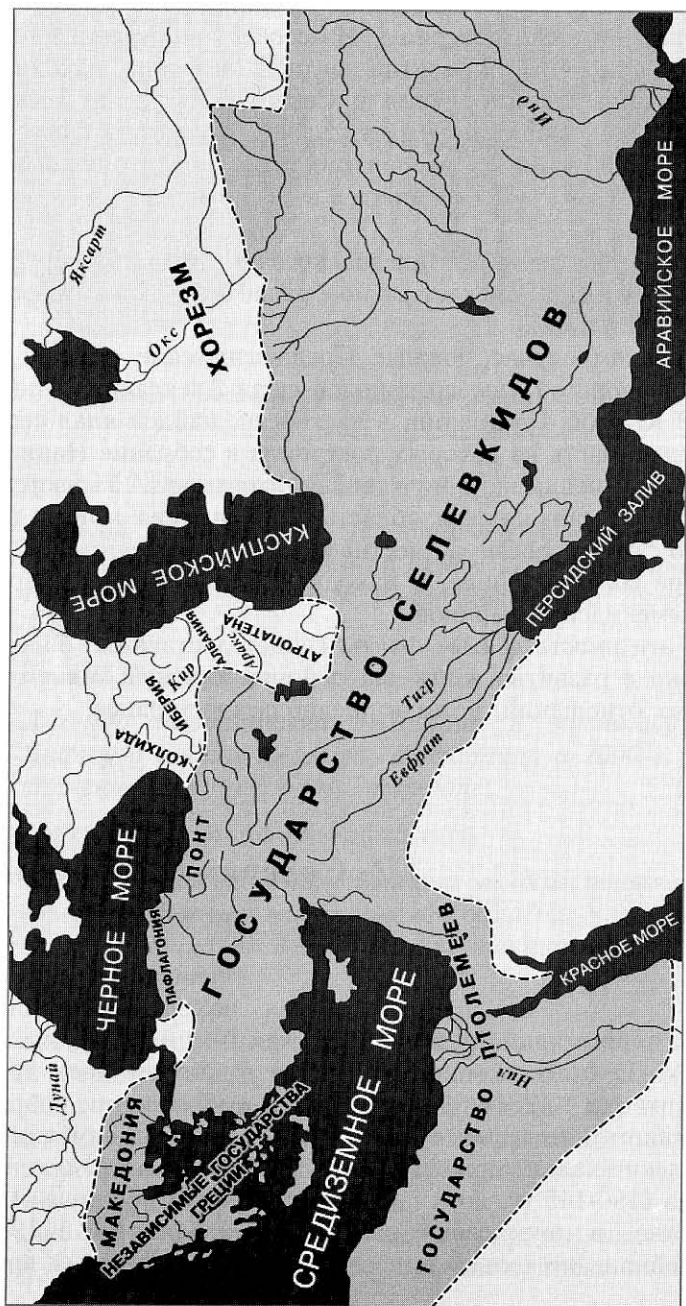
2. Селевкидские монеты

Фиксация находок селевкидских монет на территории Средней Азии, как и многих других, была начата М. Е. Массоном, упоминавшем о наличии трех драхм и халка Антиоха I (281-261 гг. до н. э.) в коллекции, собранной священником Зампаевым в Термезе¹². Им же были опубликованы селевкидские халки Антиоха III (223-187 гг. до н. э.) и Александра Бала (150-145 гг. до н. э.), найденные на городище Ниса¹³.

Позднее в двух своих работах, напечатанных в 1983 г., Е. В. Зеймаль не только привел все известные к тому времени

Государство Селевкидов.

находки селевкидских монет в Средней Азии, а так же хранящиеся в музейных собраниях и частных коллекциях, но и впервые охарактеризовал особенности денежного обращения в Трансоксиане в раннеэллинистический период¹⁴.

Он пришел к выводу, что «приток монет Антиоха I за Окс имел целенаправленный характер и ... что эти монеты положили начало денежному обращению, самые первые шаги которого там можно датировать, начиная со второй четверти или с середины III в. до н. э.»¹⁵

Фиксация находок селевкидских монет в Средней Азии с точным указанием их местонахождения, чего фактически прежде не делалось, приходится на 80 - 90-е годы XX века.

Так, полный реестр находок из Тахти-Сангина опубликован Е. В. Зеймалем¹⁶. Селевкидские монеты из Кампыртепа изданы Э. В. Ртвеладзе¹⁷. Так же опубликованы сведения по селевкидским монетам из Кушки (Туркменистан)¹⁸, городища Шахри-Мунк (Таджикистан), канала Занг¹⁹, кишлака Хаприн²⁰, Джартепа²¹. Все эти монеты происходят из различных археологических памятников расположенных в Северной Бактрии и Согде²². Находки селевкидских монет в Маргиане на городище Гяуркала (Старый Мерв) описаны в статье Н. М. Смирновой²³.

Кроме того, опубликованы селевкидские монеты (тетрадрахмы и драхма) Антиоха I из коллекции Национального банка внешнеэкономической деятельности Узбекистана, найденные на Афрасиабе и приобретенные в Ургуте²⁴.

Тетрадрахма Антиоха I. Самаркандская область.

Эти данные легли в основу обобщающей характеристики развития денежного обращения в Трансоксиане в раннеэллинистический период²⁵.

Вместе с тем, разбросанные по различным изданиям, эти данные малодоступны для специалистов, в особенности зарубежных, что и определило публикацию их здесь. Приведены все известные автору находки раннеэллинистических монет как опубликованные, так и еще не изданные.

СЕЛЕВК III (311 - 281 гг. до н. э.)

Монеты Селевка I, присоединившего в 306 г. до н. э. Бактрию, и, вероятно, Согд к своему царству, как в этих областях, так и на остальной территории Средней Азии встречаются пока крайне редко.

Доподлинно известно о трех местах находок его монет. Так, дихалк Селевка I (голова Геракла в львиной шкуре) со слонем шагающим вправо найден на городище Афрасиаб в Согде²⁶. Аналогичного типа халк хранится в Музее Истории Узбекистан в Ташкенте. Скорее всего он так же происходит из Трансоксианы, так как хранящиеся в этом музее беспаспортные находки эллинистических монет, как говорил мне М. Е. Массон, имеют местное происхождение.

Другого типа халки (голова коня вправо / морской якорь) найдены на городище Шахри-Мунк в Северной Бактрии²⁷ и в районе Кушки в Арее²⁸.

47 тетрадрахм и драхм Селевка I имеются в составе Амударьинского клада³⁰, который, как считают Б. А. Литвинский и И. Р. Пичикян, происходит из храма Окса в Тахти-Сангине²⁹.

АНТИОХ I (281 - 261 гг. до н. э.)

Монеты этого селевкидского царя встречаются в Средней Азии в значительно большем количестве, чем монеты его предшественников, что, видимо, не случайно, так как до восшествия на селевкидский престол Антиох I был соправителем Селевка I на востоке государства. Причем среди найденных в Средней Азии монет Антиоха I преобладают халки.

В Средней Азии монеты Антиоха I найдены в трех историко-культурных областях: Северной Бактрии, Согде и Маргиане.

Северная Бактрия

1. Халки Антиоха I были найдены на четырех городищах и поселениях Северной Бактрии. В храме Окса в Тахти-Сангине — пять халков, относящиеся к двум типам:

1) *Голова Геракла вправо / бык-зебу вправо;*

2) *Голова Афины вправо / стоящая Ника³⁰.*

2. На городище Кампыртепа найдено два халка так же двух типов:

1) *Голова Геракла вправо / бык-зебу вправо;*

2) *Голова Аполлона в фас в лавровом венке / Ника, стоящая вправо перед трофеем³¹.*

3. Окрестности Денау — 1 экз.:

Голова Геракла вправо в львиной шкуре / вертикально стоящая шишковатая палица³².

4. Окрестности Хаитабадтепа — 1 экз.

Тип Аполлон / Ника³³.

Одна драхма Антиоха I — голова царя вправо / сидящий вправо Аполлон — происходит из храма Окса в Тахти-Сангине³⁴, ныне хранится в частной коллекции. К этому перечню, по-видимому, следует добавить две драхмы Антиоха I якобы из старого Термеза из коллекции священника Зампаева и 46 драхм из Амударьинского клада, хотя обстоятельства находки и тех и других остаются неясными.

Согд

В этой области зафиксированы находки тетрадрахмы и халков Антиоха I.

Халк этого царя найден на берегу Сиаба к востоку от Афрасиаба.

Тип: Шагающий вправо олень (?) / Кадуцей, стоящий вертикально³⁵.

Халк — голова Геракла вправо / стоящая вертикально палица, по данным Д. В. Бирюкова происходит из Джизака.

Еще один халк, вероятно, Антиоха I, по определению М. Е. Массона найден на городище Кургантепа в Самаркандской области.

Тетрадрахмы зафиксированы в двух пунктах:

Тетрадрахма типа царь вправо / сидящий Аполлон влево найдена в кишлаке Хаприн.

Тетрадрахма Антиоха I типа голова царя вправо / протомы лошади происходит с городища Афросиаб (ныне хранится в коллекции Национального банка внешнеэкономической деятельности Узбекистана)³⁶.

Кроме того, по данным Д. В. Бирюкова в Ургуте (Самаркандская область) частными коллекционерами приобретены две тетрадрахмы Антиоха I с протомой лошади и сидящим Аполлоном.

Маргиана

В Старом Мерве на городище Гяур-кала найдены три халка Антиоха I или Антиоха II (261-243 гг. до н. э.), опубликованные Н. М. Смирновой³⁷.

Представлены три типа:

а) Голова рогатого коня / якорь;

б) Голова Антиоха I вправо / Афина или Ника вправо / якорь вправо;

в) Голова Антиоха I вправо / Зевс, сидящий на троне и держащий на правой руке Нику с венком.

Кроме этих монет, имеющих точный паспорт находки, в музеях Ташкента и Самарканда находится несколько монет Антиоха I среднеазиатского происхождения.

Таким образом, общее число находок селевкидских монет (Селевка I и Антиоха I) с точным местонахождением в Средней Азии составляет 24 экз., из которых 4 экз. принадлежат Селевку I, а 20 экз. Антиоху I. Всего же, вместе с монетами Амударьинского клада и теми, что находятся в музеях и частных коллекциях, количество их составляет более 130 экземпляров. Важно отметить, что среди монет Антиоха I количественно преобладают

Городище Ай-Ханум.

медные монеты — 15 экз., найденные на довольно обширной территории, включающей Согд, Северную Бактрию и Маргиану, причем не только в крупных городах как Мараканда и Мерв, но также в небольших поселениях.

Старый Термез. Фаяз-тепа. Предполагаемое изображение Александра Македонского в двурогом шлеме.

М. Е. Массон

**Некоторые
представления об
Алекса́ндре
Македонском,
бытовавшие у народов
Средней Азии в конце
XIX - начале XX века³⁸**

Александр Македонский, еще в начале XX века был одним из популярнейших персонажей народных притч и легенд, бытовавших у всех коренных национальностей Средней Азии. В местном произношении имя его звучало как «Искандер», изредка с добавлением «руми» (Александр румиец, т. е. грек). Наиболее распространенным было его арабское прозвище «Зу-л Карнайн», а по-узбекски — «икки шохлик», т. е. «двурогий».

В далеком прошлом это прозвище вообще было символом божественной мощи. Вот почему, в частности, на древней стеле, найденной в Сузах, с двумя рогами, изображен Карам-син. Иудеи считали «двурогим» персидского царя Кира. В странах ислама это прозвище было унаследовано от греков и сирийских

христиан, у которых оно являлось отзвуком культа египетского бога Амона, изображающегося иногда с рогатой головой барана. При жизни Александр сам избрал его покровителем своей царской власти, в связи с чем на лицевой сторонах некоторых его монет профиль головы македонского государя вычеканен с изображением рога. У мусульман «двурогим» титуловали иногда четвертого арабского халифа Али, а также йеменского правителя ал-Мунзин ал-Акбара и южноарабского – Тубба-ал Акрен. Но чаще всего так именовали на Востоке Александра Македонского.

Как признавало подавляющее большинство былых толкователей Корана из числа мусульманских богословов и как убедительно доказал еще в конце прошлого столетия Нольдеке³⁹, упомянутый в XVIII суре Корана (ст. 82) Зу-л Карнайн – не кто иной как Александр Македонский. Это обстоятельство, по словам Е. Э. Бертельса, имело громадное значение для дальнейшей судьбы легенды об Александре на Востоке в смысле появления в мусульманском мире большого количества литературных произведений и устных притч об этом македонском царе⁴⁰. Всех поражали его необычные походы, но их историческая сущность, разгром греческих городов, разграбление покоренных стран, сопровождающийся уничтожением многих культурных ценностей, с течением времени на Востоке оказались забытыми. Уже с VI в., т. е. с последнего периода правления династии Сасанидов, сказания об Александре, слагавшиеся в восточных странах на протяжении многих столетий вплоть до XVIII в., изображают этого македонского царя как идеального правителя, к тому же наделенного сверхъестественными возможностями. Этому способствовала отчасти необычность прозвища «двурогий», вызывавшего самые разнообразные толкования. Между прочим, в прошлом столетии в среде некоторых казахов господствовало представление, будто Искандер потому именовался Зу-л Карнайн, что на своем головном уборе он носил изображение двурогой луны.

Одним из показателей широкой популярности Александра Македонского может служить немалое количество встречающихся

до сих пор в среднеазиатских республиках топонимических терминов, как Искандер-кала (в приложении к руинам древних крепостей), Искандер-минора, Искандер куприк или Пул-и-Искандер, Искандер-арык (для обозначения старинных, неизвестно кем созданных минаретов, мостов, арыков) и т. п.⁴

С разрушительной деятельностью Александра Македонского за время завоевания им Средней Азии связано содержание лишь немногих легенд. В частности, к ним принадлежит истолкование происхождения названия горного озера Искандер-куль, в верховьях Фандарьи, левого притока Зарафшана. Бытующее среди таджиков предание повествует, что македонский царь, раздраженный упорным сопротивлением тамошних жителей, приказал своему войску возвести огромную плотину у истока Зарафшана, а когда уровень воды поднялся на значительную высоту велел разрушить запруду. В результате бурный поток опустошил нынешнюю долину Искандар-дарьи и тем самым вынудил ее жителей к покорности.

Значительно больше местных легенд об Александре отражают его мнимую созидательную деятельность, как якобы идеального правителя, проявлявшего внимание к хозяйственным нуждам покоренного населения. Например, в конце прошлого столетия, когда на Кафирнигане, примерно в 5,5 км от впадения его в Амударью еще сохранились остатки старинного моста, окрестные жители, приписывая его сооружение Александру, называли этот мост Пул-и-Искандер или Искандер пуль⁴².

Около ста лет назад среди проживавшего по среднему течению Амударьи бухарского населения прочно удерживалось представление, что первый капитальный мост через эту реку был сооружен Александром Македонским около Термеза, где тогда якобы правил местный царь Куштасаб. Искандер Зу-л Карнайн, взяв Термез после долгой осады силами одного из отрядов своих воинов, умертвил Куштасаба, а для переброски оставшихся на левом берегу Амударьи основных сил огромной греко-македонской армии приказал соорудить большой мост из жженных кирпичей. Покидая Мавераннахр для похода в Индию, Алек-

сандр будто бы оставил в Термезе небольшой гарнизон. Его начальник, как только услышал через несколько лет о смерти своего государя, объявил себя самостоятельным и некоторое время владел Термезским районом как независимый правитель. Мост через Амударью, строившийся специально для военных нужд, не поддерживался, почему и был разрушен бурными паводками, а его остатками якобы являются проступающие над поверхностью воды кое-где в русле реки к югу от развалин древней Термезской цитадели отдельные участки кладки из жженных кирпичей⁴³.

Некоторые древние среднеазиатские мосты, хотя и не именуется Пул-Искандер, но их сооружение часто связывается местными легендами с походами этого македонского государя. Так, о старом кирпичном мосте, бывшем на реке Герируд (Теджен) и именовавшемся Пул-и-хатун (мост женщин), в конце прошлого века тамошнее население рассказывало, что поблизости, на левом берегу, в давние времена в своем замке проживала некая красавица-царица. Когда она услышала о приближении македонской армии, то из желания особо почтить Александра приказала построить через Теджен мост. По нему Александр со своим войском без задержки перешел на правый берег и двинулся в глубь Средней Азии. Устои были сделаны так прочно, что мост функционировал еще в XIX столетии, но имя царицы к тому времени оказалось забытым⁴⁴.

В конце прошлого столетия коренные жители убежденно утверждали, что инициатором первой попытки оросить так называемую «голодную степь» являлся именно Александр Македонский. В качестве доказательства указывали на тамошнее заброшенное русло древнего канала, которое было известно у них под названием Искандер-арык.

Многие старики из оседлого населения Средней Азии связывали ряд местных обжитых пунктов со временем прохождения через них отрядов македонской армии. Так полагали, например, еще в начале XX в. жители города Шеробада. По-видимому, явления подобного порядка можно считать отголосками далекого средневековья.

В этом отношении заслуживает внимания сообщение, заключенное в труде «Украшение созвездий», составленном в середине XI века Абу Саидом Абд-ал-Хайя Гардизи. Оно появилось, безусловно, под влиянием упоминания в романе об Александре его мнимого похода из Семиречья в Китай и оттуда в Индию. Из приведенных Гардизи подробностей явствует, что проживавшее на юго-восточном берегу озера Иссык-куль население считало себя потомками взятых Искандером Зу-л Карнайном в свою армию в качестве заложников уроженцев Фарса. Их он оставил тут без права вернуться на родину, и они якобы построили здесь город Парсхан (т. е. «повелитель Фарса»)⁴⁵.

Еще в начале нашего столетия старики гальча в верховьях Зарафшана считали, что их предками были воины Искандер Зу-л Карнайна. Пожилые же ташкентцы утверждали о кратковременном пребывании на территории их города самого Александра. По одной из местных легенд, он с помощью своего друга архангела Рафаила однажды спустился в подземное царство к дающему вечность источнику «живой воды». Александр выкупался в нем, напился чудотворной воды и, зачерпнув немного ее в сосуд, вышел с ним на поверхность земли там, где до сих пор стоит на бывшем Шейхантаурском кладбище мавзолей Шейха Хавенди Тахур. Здесь якобы пролил по неосторожности несколько капель воды и там, где они упали на землю, выросли крупные деревья саур-арчи. В двадцатых годах нашего столетия, их древние, в большинстве своем давно засохшие, стволы числом около полусотни группировались отчасти около упомянутого мазара. Большинство же стояло вдоль ведущей к нему под углом дорожки от самого входа на огороженную забором территорию кладбища. Стволы этих сауров признавались священными. Шейхи утверждали, что они окончательно погибли только в день «страшного суда»⁴⁶.

Ряд поколений коренных местных жителей считали Искандера Зу-л Карнайна основателем нескольких городов, в частности, таких крупных ферганских населенных пунктов, как Ош и Старый Маргилан, хотя македонский царь со своей армией в Фергане вообще никогда не был. Между тем пожилые жители

Старого Маргилана самое название своего города связывали с поднесением в нем Александру особого национального угощения, состоящего из кур и хлеба. Это крепко врезалось в память завоевателя, но, впоследствии, забыв подлинное старое название города, сам Александр якобы произносил слова «мург» и «нон», которые в разговорной речи превратились в «Маргилан».

Старики считали, что македонский царь даже умер в Старом Маргилане и был там похоронен. А так как Искандер Зу-л Карнайн многими тамошними мусульманами признавался святым, то его святость распространялась ими и на город. Здание мазара Искандер-паши и сейчас показывают при въезде в Маргилан с северной стороны. На самом деле оно позднейшего происхождения и в нем похоронен правитель одного из владений горной Бухары, носивший имя Искандер. В пристройке к этому мазару я видел в 1939 г. на штукатурке дату 1134 г. х. (1721-1722 г. н. э.).

Некоторые бывшие независимыми от Бухарского ханства правители-миры ряда областей по верхнему течению Амударьи (например, Бадахшана и Дарваза) выдавали себя с XIII по XIX столетие за потомков Искандера Зу-л Карнайна. В доказательство они демонстрировали якобы перешедшие к ним по наследству от этого «прародителя» древние серебрянные предметы греческого и греко-бактрийского происхождения из местных археологических находок. В дарвазском Калаихуме, кроме того еще недавно показывали разбитый бухарцами на куски каменный трон бывших миров и два огромных каменных хума, якобы высеченных руками духов — девов по повелению Александра Македонского. Любопытны высказывавшиеся в прошлом притязания некоторых групп населения, если не на прямое родство с этим государем, то хотя бы на свойство с ним. Так, среди туркмен эрсари прочно держалось еще в начале нынешнего столетия предание, будто Искандер Зу-л Карнайн взял себе в жены девушку из их племени и якобы даже это была известная в истории красавица Роксана, что соответствует истине.

Некоторые фантастические эпизоды из жизни Александра Македонского при общности основного сюжета не только широ-

ко распространены на Востоке, но получили у разных народов специфические варианты. К таковым относится, например, сюжет о судьбах цирюльников, которые при бритье македонского царя видели у него на голове рога. Пользовавших его парикмахеров Искандер Зу-л Карнайн уничтожал, чтобы они не разгласили его тайны⁴⁷.

В Средней Азии уже в прошлом столетии был известен кавказский вариант этой легенды, возможно, занесенный, когда-то из Ирана. По нему, молодой цирюльник, увидевший при бритье роговые отростки на голове Искандера, умолил царя сохранить ему жизнь, дав слово никому не говорить об этом. С годами сдерживать это обещание ему становилось все труднее. По совету одного почтенного старца, юноша, чтобы успокоиться, отыскал старый высохший колодец и, наклонившись над ним, трижды произнес: «У царя Искандера есть рога на голове» после этого, он действительно испытал облегчение. Из выросшего в следующую весну у колодца тростника пастух, пасший по соседству овец, сделал дудочку, а она насвистывала только слова, что у царя Искандера есть рога на голове.

Однажды, проезжая на охоту со своей свитой мимо того колодца, Александр Македонский вдруг услышал, что пастух насвистывает на дудочке злополучную фразу. Поскольку эти же слова стали вылетать из дудки, в которую по приказу царя дул его везир, царь отпустил пастуха, а, вернувшись к себе, потребовал объяснения у цирюльника. Тот чистосердечно признался во всем. Тогда Искандер Зу-л Карнайн сказал: «Нет тайны, которая не стала бы явной. Иди — ты свободен»⁴⁸.

Иной вариант этого сюжета был записан в конце прошлого столетия со слов «киргиза» Кадыра Калдырбая в Голодной степи, близ почтовой станции Мурзара-баг. По этой казахской легенде, Зу-л Карнайн от рождения имел на голове рог, который тщательно скрывался высоким шлемом, так как ему было предсказано, что если кто-нибудь его увидит и срубит, то царь делается бессильным и перестанет побеждать врагов. Опасаясь этого, Искандер собственной рукой убивал цирюльников, которые

стригли ему волосы. Однажды, когда очередной цирюльник закончил стрижку, царь спросил, видел ли он рог на его голове. Тот помня участь своих предшественников, заподозрил в этом вопросе что-то неладное и трижды заверил: «Нет, царь, я не видел у тебя рога». Тогда царь отпустил его, предупредив, что если цирюльник увидит у него рог, то смерть постигнет не только его, но и весь род.

Напуганный цирюльник много лет хранил тайну, но, наконец, не выдержал, пошел в степь к глубокому колодцу с росшим кругом камышем, и, наклонившись над его отверстием, прокричал: «У Искандера Зу-л Карнайна на голове рог, а кто его срубит, тот сделает царя бессильным». Эти слова камыш, пошатываясь от ветерка, разнес по степи, и один из врагов царя, подкравшись к нему, срубил рог. Искандер стал слабым и уже не мог ездить сам, а его возили на войну полководцы. Цирюльника же со всем его родом казнили.

Однажды Искандер добрался до далеких гор на краю света, где набрал из тамошного родника два бурдючка чудесной «живой воды». Кто ее пьет, тот живет вечно. При возвращении в свое царство Искандер тяжело захворал. На его войско тем временем напала стая хищных воронов, поклевала оба бурдюка с «живой водой», и та вся вытекла на землю. Царь же, у которого не осталось ни капли чудодейственной воды, вскоре умер⁴⁹.

Совершенно по-иному звучал один из вариантов той же легенды у таджиков. Его записал, будучи еще юношей, этнограф М. С. Андреев в середине 90-х годов в Ходженте (ныне Ленинабад). Согласно этому варианту, молва о неминуемой гибели того, кто хоть раз стриг и брил Искандера, была широко распространена среди населения. Когда очередь идти к царю дошла до молодого цирюльника, горячо любящая мать прибегла к хитрости и замесила тесто на молоке из своей груди. Изготовив из этого теста небольшую аппетитную лепешку, она посоветовала ему прежде чем приступить к исполнению своих обязанностей, предложить Искандеру ее отведать. Царь охотно съел вкусную лепешку. Когда же цирюльник окончил его бритье, Александр за-

явил ему, что теперь тот должен умереть, как сподобившийся узнать некую тайну. На это цирюльник заявил, что грешно убивать своего молочного брата. Удивленный Искандер с недоумением спросил, на чем основывается их родство. Цирюльник поведал, что съеденная македонским царем лепешка была изготовлена на молоке его матери. Изумленный ее находчивостью Искандер Зу-л Карнайн отпустил цирюльника со строгим наказом не разглашать его тайну⁵⁰.

В памяти народной сохранились и другие притчи об Александре Македонском. Большая часть их философско-нравоучительного характера. К сожалению, они слишком мало затронуты в работах специалистов по среднеазиатскому фольклору¹⁴. В качестве примера могу привести три притчи, слышанные мною летом и осенью 1918 г. от стариков таджиков в окрестностях Самарканда.

По одной из них, более трех тысяч лет назад по земле бродил дикий сказочный осел с одним глазом на лбу и зловеще звеневшими бубенцами на шее. Где бы он ни появлялся, он всюду приносил бедствия и смерть. Справиться с ним никто не мог. Когда же Искандер Зу-л Карнайн совершил подвиг, заперев в горах Гог и Магог, люди обратились к нему за помощью. Тот победил чудовищного одноглазого осла, загнал его в глубокую яму и заложил выход из нее кирпичами до «страшного суда». С тех пор осел каждый день пытается выбраться из ямы, почти добирается до верха, но услышав призыв к утреннему намазу, падает в изнеможении вниз. В день «страшного суда» одноглазый осел выйдет наружу, будет ходить по всей земле и звенеть своими бубенцами. Все люди, оставшиеся к тому времени в живых, будут толпой неудержимо плестись за ним и умирать с голоду.

В кишлаке Кизылкурган бывшей Ходжаахрарской волости один старик рассказывал, что, когда Искандер Зу-л Карнайн завоевал все крупные страны земли, он решил подчинить себе и подводный мир. Посреди моря установили огромную стеклянную трубу, по которой он опустился на дно. Там Искандер увидел такие чудеса, которые ни один смертный не должен даже лице-

зреть, а не только покорить. Убедившись воочию, что завоевать подводный мир ему не под силу, Искандер поднялся наверх, подавленный тем, что дальше идти ему некуда. Корабль его взял курс в Рум, но не доехав до родины, Искандер умер от тоски.

Притчу о повторяемости явлений в историческом процессе мне пришлось услышать от двух пожилых таджиков на старинном, уже тогда полузаброшенном кладбище Марадаулия бывшего Багишамальского района Ходжаахрарской волости. Оно было расположено неподалеку от развалин, в которых на основании разбиравшихся на моих глазах жженных кирпичей и встречавшихся там фрагментов глазурованной керамики конца XIV-XV вв. заманчиво было видеть руины дворца Тимура при его бывшем саде Багишамаль.

Мои осведомители утверждали, что прошло несколько тысяч лет с тех пор, как на земле правил великий государь Искандер Зу-л Карнайн, при котором все остальные цари были как бы на положении приказчиков. Владения же его обнимали почти все земли. На смертном одре Искандер Зу-л Карнайн объявил свою последнюю волю, чтобы его похоронили в таком месте, где еще не хоронили ни одного человека. Задача оказалась не из легких. По всему великому государству стучали кетмени и лопаты, но как бы глубоко ни врывались они, везде оказывалось, что кто-то уже нашел там свою могилу. А земля говорила: «Здесь покоятся уже семь Искандеров». Тогда верные подданные ушли далеко в горы, пропилили самую громадную дикую скалу и только там нашлось место для погребения Искандера Зу-л Карнайна.

В районе среднего течения Амударьи тамошнее население считало, будто Александр Македонский был поглощен со всеми его богатствами водами этой реки близ Келифа. Точное же место его гибели неизвестно. По одному ферганскому преданию, македонский царь вместе со своим войском был поглощен колоссальной змеей, опустившейся с горы Ташота по повелению пророка Сулеймана и самого Мухаммада. Место же гибели указывали в урочище Ишкаван в 8 км к северо-западу от Оша.

Из народных преданий, бытовавших у коренных жителей Средней Азии, нельзя не почувствовать, что они как бы слагаются в своеобразный восточный жанр «Искандерий». В отличие от европейских повестей об Александре Македонском, в которых преобладает тематика рыцарского романа, на Востоке в устных легендах и литературных произведениях преобладают разнообразные философские мысли, представления о мире (разумеется, на средневековом уровне знаний) и поступки, которые должны были охарактеризовать Искандера как идеального правителя. Сам он порой приравнивается почти к пророкам и даже к мусульманским святым. Представляется, что эта тема, как и многие аспекты среднеазиатской фольклористики, ждет еще своих скрупулезных исследователей.

Примечания:

1 Зеймаль Е. В. Начальный этап денежного обращения в древней Трансоксиане. // Средняя Азия, Кавказ и Зарубежный Восток в древности. М., 1983. С. 65-66.

2 Зеймаль Е. В. Указ. соч. С. 65-66.

3 Зеймаль Е. В. Указ. соч. С. 65-66.

4 Cunningham A. Reliex from ancient Persia in gold, silver and copper. Second Notice. // The Journal on the Asiatic Society of Bengal. 1881. P. 172, 186;

Cunningham A. Reliex. Third Notice. // The Journal on the Asiatic Society of Bengal. 1883. P. 64.

- 5 Зеймаль Е. В. Указ. соч. С. 65-66.
- 6 Ртвеладзе Э. В. Из недавних открытий Узбекостанской искусствоведческой экспедиции в Северной Бактрии-Тохаристане. // ВДИ. № 4, 1990. С. 137.
- 7 Бирюков Д. В. Монеты Александра. // НЦА. № 5. Ташкент, 2001. С. 96-97.
- 8 Там же.
- 9 Там же.
- 10 Бирюков Д. В. У истоков денежного обращения Средней Азии (К проблеме ахеменидского влияния на генезис монетной формы денег в Среднеазиатском регионе). // НЦА. №1. Ташкент, 1995. С. 5-18;
- Ртвеладзе Э. В. Саидов А. Х. Абдуллаев Е. В. Очерки по истории цивилизации Древнего Узбекистана: государственность и право. Ташкент, 2000. С. 61-63.
- 11 Catalogue of antique and medieval coins of Central Asia. № 1. Tashkent, 1997. (год издания указан ошибочно, надо 1999 г.). P. 24-25. Опубликовано четыре сикля и одна драхма Александра Македонского;
- Catalogue of antique and medieval coins of Central Asia. № 2. Tashkent, 2000. P. 12. Опубликовано 2 сикля;
- Op. Sit. № 3. Tashkent, 2000. P. 12. Опубликовано сикль и драхма Александра Македонского.
- 12 Массон М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930-1931 годах // Материалы Узкомстариса. Вып. 5. Ташкент, 1933. С. 7.
- 13 Он же. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана // ВДИ. № 2. 1953. С. 152.
- Логонов С. Д., Никитин А. Б. Монеты — памятники истории и культуры Туркменистана. Памятники Туркменистана. № 1/141. Ашхабад, 1986. С. 8.
- 14 Зеймаль Е. В. Начальный этап С. 64-65.
- Он же. Древние монеты Таджикистана. Душанбе. 1983, С. 27-43.
- 15 Зеймаль Е. В. Начальный этап. С. 66.
- 16 Там же. С. 65 - 66.
- 17 Ртвеладзе Э. В. Селевкидские
- 18 Губаев А. Г. Логонов С. В. Редкая селевкидская монета из Кушки // Памятники Туркменистана. № 2/52, 1991. С. 13 -14.
- 19 Даудов Д. Драхма Селевка с городища Шахри-Муик / Нумизматика Центральной Азии. № 2, Ташкент. 1997. С. 5-8.
- 20 Абдуллаев К. Находки эллинистических монет из канала Занг, Сурхандарьинская область // Нумизматика Центральной Азии. № 3, Ташкент, 1998. С. 50-52.
- 21 Абдуллаев К. Тетрадрахма Антиоха I из кишлака Хапчин // Нумизматика Центральной Азии. № 5. Ташкент, 2000. С. 11-14.
- 22 Омельченко А. В. Подражание драхме с типом Александра Македонского из Южного Согда. // Там же. С. 14-17.
- 23 Смирнова Н. М. Находки эллинистических монет на городище Гюр-кала // Туркменистан. Нумизматика и эпиграфика. XVI. М. 1999. С. 243-245.
- 24 Catalogue antique and medieval coins. N 4. Tashkent. 2001.
- 25 Ртвеладзе Э. В. Саидов А. Х. Абдуллаев Е. В. Очерки по истории цивилизации древнего Узбекистана. Ташкент, 2000, С. 57-80.
- 26 Зеймаль Е. В. Начальный этап. С. 66.
- 27 Даудов Д. Указ. соч. С. 5-8.
- 28 Губаев А. Указ. соч. С. 3-14.
- 29 Зеймаль Е. В. Начальный этап. С. 62.
- 30 Пичикян И. Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. М. 1991.
- Литвинский Б. А. Пичикян И. Р. Эллинистический храм Оган Т. I, М., 2000. С. 29-36.
- 31 Ртвеладзе Э. В. Селевкидские С. 30.
- 32 Зеймаль Е. В. Начальный С. 67.
- 33 Абдуллаев К. Находки эллинистических монет С. 51.
- 34 Ртвеладзе Э. В. Находки доисламских монет // Археологические исследования в Узбекистане — 2000 год. Самарканд, 2001. С. 122.
- 35 Зеймаль Е. В. Начальный этап С. 67.

36 *Catalogue P. 14.*

37 Смирнова Н. М. Указ. соч. С. 244.

38 Эта статья М. Е. Массона впервые опубликована в журнале «Общественные науки в Узбекистане» № 1. Ташкент, 1980. С. 29-33.

39 Noldeke Th. *Beitrage zur Geschichte des Alexander romans.* // *Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophien historische. Bd. 38, Abh. 5, S. 27, 32.*

40 Бертельс Е. Э. Роман об Александре и его главные версии на Востоке. Избранные труды «Навои и Джамии». М., 1965. С. 290.

41 Не следует думать, что все теперешние топонимические названия с упоминанием имени «Искандер» обязательно связываются населением с деятельностью Александра Македонского. Примером тому может служить наименование того «Искандер-арыка», который приносит воду вдоль правобережья Чирчика: он получил это название по прихоти сосланного в Ташкент великого князя Романова Н. К.

42 Тьмаев К. А. Вниманию археологов. Туркестанский курьер. № 16. Ташкент, 1911.

43 Жуков Ф. Н. Верхнее течение Амударьи. Туркестанские ведомости. № 17. Ташкент, 1880. Как установлено нами в 1936 г. в ходе работ Термезской археологической комплексной экспедиции, эти остатки кладок из жженных кирпичей в русле реки принадлежат не мосту, а равномерно возводившимся дамбам для предохранения от размыва крепостных стен южного фаса бывшей термезской цитадели.

44 Логофет Д. Н. Путь из Асхабада к Герату (1882 г.). // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. VI. СПб., 1883. С. 37;

Его же. На границах Средней Азии. Кн. 1. Персидская граница. СПб., 1884. С. 33 (старинный мост Пул-и хатун был построен русским военным ведомством в 1889 г. -М. М.).

45 Текст и перевод соответствующего места из труда Гардизи см.: Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893-1894 гг.. Записки Академии наук. VIII серия по историко-филологическому отделению. Т. 1. № 1. СПб., 1897. С. 89-113.

46 Массон М. Е. Прошлое Ташкента. Археолого-топографический и историко-архитектурный очерк. Известия Академии Наук УзССР. № 2. Ташкент, 1954. С. 117-128.

47 Отдаленно основа этого сюжета восходит к эллинистическому мифу о фригийском царе Мидасе, который предпочел игру на свирели бездарного Марсия божественной игре самого Аполлона. За это последний наградил Мидаса ослиными ушами, которые тот тщательно прятал под головной повязкой. Придворные скрывали эту тайну, боясь за ее разглашение лишиться жизни. Один из них, однако, не выдержал и прокричал об этом в безлюдной степи над окруженным тростником источником. Некоторое время спустя проходивший мимо со своим стадом пастух сделал из срезанного у источника тростника свирель, и та неожиданно выдала тайну, огласив во всеулышанье фразу: «У царя Мидаса ослиные уши».

48 Подробное изложение этой кавказской легенды, перепечатанное из газеты «Каспий», см. «Московские ведомости». 1893 г., 18 сентября, № 257.

49 Эварницкий Д. И. Путеводитель по Средней Азии от Баку до Ташкента в археологическом и историческом отношениях. Ташкент, 1893. С. 143-145.

50 Остроумов Н. П. Искандер Зу-л Карнайн. Отдельный оттиск из журнала «Среднеазиатский вестник». Ташкент, 1896 сентябрь. С. 11, прим. 1.

51 Уместно отметить, что даже в таком капитальном обобщающем труде Института этнографии АН СССР, как «Народы Средней Азии и Казахстана» (Т. 1. М., 1962, серия «Народы мира. Этнографические очерки». Под ред. Толстов С. П.), в разделах о фольклоре узбеков (С. 358-362), каракалпаков (С. 510-513), таджиков (С. 637-640), вовсе не упомянуто само имя Искандера Зу-л Карнайна.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора

5

Введение

13

ЧАСТЬ I

Начало военной кампании Александра Македонского в Бактрии и Согде

Дорога к Оксу. Адраспа и Аорн	21
Переправы через Окс	28
Характеристика археологических памятников, расположенных у переправ через Амударью от Термеза до Келифа	39
Путь от Окса к Мараканде. Место пленения Бесса. Город Бранхидов	66

ЧАСТЬ II

Последняя военная кампания Александра Македонского в Трансоксиане. Поход в Южный Согд и Северную Бактрию

Ксениппа — Наутака	85
К вопросу о петрах и местоположения скалы Сисимитры	94
Газаба — Гозбон	117
Паретакена — Бубакена	129
О месте владений Оксиарта-Вахшувара	137
Бубакена	143

Заключение

151

ПРИЛОЖЕНИЕ

Находки монет Александра Македонского в Средней Азии	156
Селевкидские монеты	159
<i>М. Е. Массон.</i> Некоторые представления об Александре Македонском, бытовавшие у народов Средней Азии в конце XIX-начале XX века	166

Эдвард Васильевич Ртвеладзе

**Александр Македонский
в Бактрии и Согдиане**

Научный редактор **А. Сагдуллаев**
Набор **Ф. Аюпова**

Оригинал-макет изготовлен на базе
технических и программных средств
«MEDIA LAND»

Директор **С. Миргородский**
Коммерческий директор **Г. Бондаренко**
Дизайн и верстка **Н. Шамухамедов**

Подписано к печати 2 мая 2002 г. Формат 64x90 1/16

Печать офсетная

Бумага мелованная. Тираж 300 экз.